

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ПЕНЮКОВА ИРИНА ВАЛЕНТИНОВНА

**НАИМЕНОВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ В ГОВОРАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ
БРЯНЩИНЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Т. Н. Данькова

доктор филологических наук, профессор В. И. Макаров
--

Воронеж - 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Диалектный язык как объект изучения	23
1.1. Понятие диалектного языка. Системный характер территориальных говоров.....	23
1.2. История формирования лексики народной медицины и её представление в фольклорных, лингвистических и этнографических источниках.....	41
1.3. Этапы изучения этнографической и лингвистической составляющих в говорах юго-западной Брянщины.....	61
Выводы	81
Глава II. Отражение традиций народной медицинской культуры в наименованиях болезней говоров юго-западной Брянщины	86
2.1. Тексты заговоров как важнейший источник для изучения наименований болезней в говорах юго-западной Брянщины.....	86
2.2. Особенности формирования лексических единиц тематической группы «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины.....	100
Выводы	135
Глава III. Лексический состав и структурная организация тематической группы «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины	139
3.1. Особенности языковых единиц тематической группы «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины.....	139
3.2. Особенности организации тематической группы «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины.....	149
Выводы	204
Заключение	209
Список источников исследования	225
Список использованной литературы	231
Приложение 1	264
Приложение 2	267
Приложение 3	275

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время отечественная лингвистика располагает большим количеством работ, посвященных исследованию диалектных словесных единиц с точки зрения их принадлежности к определенным тематическим группам и лексико-семантическим объединениям. Серьезной признается проблема отражения в лексикографических и монографических источниках лексики местного быта, промыслов, ремесел, обычаев и традиций русского народа. В последние десятилетия появляются принципиально новые специальные словари, сборники, защищаются диссертации по проблемам функционирования различных лексических номинаций в русских народных говорах. Как отмечается в научной литературе, «необходимость всестороннего обследования и описания диалектного материала диктуется современной лингвистической ситуацией, при которой усиливается влияние литературного языка и одновременно сокращается сфера функционирования русских народных говоров» [Волкова, 2001, с. 107].

В течение многих десятилетий в отечественной лингвистике интенсивно разрабатывались различные проблемы, связанные с изучением особенностей русских народных говоров (см., напр., работы Д. К. Зеленина, А.А. Шахматова, Е. Ф. Карского, И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, Е.Ф. Будде, А. Н. Тиханова, Р. Н. Попова, А. С.Будиловича, П. А. Расторгуева, Н. Н. Соколова, И. Р. Голанова, В. А. Меркуловой, В. С. Тереховой, Н. И. Толстого, Н. Н. Щербаковой, Т. В. Олещук, Е. Л. Березович, В. И. Чагишевой, О. В. Загоровской, В. И. Макарова, А. Д. Черенковой, В. В. Усачевой, Т. Н. Даньковой, О. А. Седаковой, Е. А. Богдановой и др.). При этом брянские говоры не являются исключением. Первое разностороннее описание брянских говоров было предпринято профессором П. А. Расторгуевым в его «Словаре народных говоров Западной Брянщины»

[Расторгуев, 1973]. Работа по изучению говоров Брянщины была продолжена в изданном под редакцией В. И. Чагишевой и В. А. Козырева «Словаре брянских говоров» [см.: Чагишева, 1976-1988]. Впоследствии к исследованию брянских говоров присоединились сотрудники Брянского государственного педагогического института, результатом работы которых стало издание в 2007 году «Брянского областного словаря» под редакцией Н. И. Курганской [БОС, 2007]. Второе (дополненное) издание «Брянского областного словаря», включившего свыше шести тысяч словарных статей, вышло в свет в 2011 году [см.: БОС 2, 2011].

Как показал анализ специальной литературы по изучаемому вопросу, лексика народной медицины также являлась предметом исследования целого ряда работ, в которых рассматривались исторические аспекты формирования отдельных лексем, особенности восточнославянской заговорной традиции и т. п. (см., напр., работы Е. Ф. Будде, В. А. Меркуловой, В. С. Тереховой, Т. В. Олещук, Н. Н. Щербаковой, В. В. Усачевой, Т. А. Агапкиной, Т. В. Володиной и др.). С точки зрения этимологического, структурно-семантического, лингвокультурологического, реконструктивного, этнолингвистического подходов лексическая составляющая народной медицины была проанализирована в работах Ю. А. Кривошаповой, С. М. Поздеевой, Н. С. Ганцовской, К. С. Верхотуровой, Г. Дидик-Меуш, И. В. Пенюковой, Л. Ю. Ридневой, Н. Г. Архиповой, М. В. Туриловой, К. В. Пьянковой, Д. Н. Лоскутовой, В. В. Колесовым и др.

В настоящее время в отечественной лингвистике отсутствуют работы, посвященные анализу лексики народной медицины, представленной в говорах юго-западной Брянщины. Вместе с тем, исследование вопросов, связанных с особенностями формирования, развития и современного состояния лексики народной медицины русских народных говоров представляет особый интерес в связи с древностью данного лексического

пласта, восходящего к различным этапам развития русского языка (индоевропейскому, праславянскому, древнерусскому, к периоду формирования и развития самостоятельных восточнославянских языков), а также его тесной связью с другими русскими говорами и языками сопредельных с Россией государств – Украины и Белоруссии, поскольку до 1944 года Брянщина, расположенная на стыке трех славянских государств, территориально входила в состав соседних Гомельской, Смоленской, Орловской и Черниговской областей, что во многом определило региональную специфику и неоднородность брянских говоров.

С древнейших времен народная медицина играла важную роль в повседневной жизни русского человека, сочетая в себе систему конкретных лечебных действий, направленных на устранение негативных последствий, вызванных заболеванием, и опыт воздействия на заболевшего на психо-эмоциональном уровне с целью вселения в него уверенности в исцелении.

Лексика, номинирующая болезни в говорах юго-западной Брянщины, представляет собой обширный пласт словесных единиц, восходящих к различным периодам развития русского языка и связанных весьма сложными системными связями и отношениями.

Диссертация посвящена изучению лексических наименований, обозначающих названия болезней в говорах юго-западной Брянщины.

Гипотеза исследования. Русская медицинская лексика территориальных говоров своими истоками уходит в языческую древность, до сих пор спорадически отражаемую мировоззрением дописьменной эпохи верований. В настоящее время происходит активная её интеллектуализация, обусловленная влиянием надтерриториальных социально-культурных процессов. К числу таких процессов относится прежде всего усиление воздействия на исследуемую лексику общенародно-производственной терминологии, в свою очередь испытывающей влияние определенных

явлений диалектного языка в его широких проявлениях вторичной номинации, в развитии эмоционально-экспрессивной окраски и т. д. Предполагается, что официальная медицинская терминология в качестве одного из источников своего обогащения использует лексику территориальных говоров.

Цель исследования – изучить особенности формирования и развития лексики тематической группы (ТГ) «Наименования болезней», представленной в говорах юго-западной Брянщины, и описать современное состояние названного лексического пласта с точки зрения его состава, структуры и типологических особенностей.

Достижение цели исследования потребовало решения следующих **задач**:

1) рассмотреть теоретические вопросы, связанные с проблемами диалектного языка в современной лингвистике; определить наиболее корректные подходы к решению названных проблем и уточнить понятийно-терминологический аппарат, необходимый для исследования;

2) выяснить семантику наименований болезней и географию функционирования медицинской лексики в рамках говоров юго-западной Брянщины; определить взаимосвязь исследуемых говоров с другими русскими говорами и языками сопредельных государств;

3) сопоставить процесс адаптации официальной медицинской терминологии к речевым традициям носителей территориальных говоров;

4) проанализировать особенности формирования лексических единиц ТГ «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины; определить значение образных средств русского языка для формирования исследуемых лексических номинаций;

5) изучить особенности функционирования заговорно-заклинательных текстов и действий в современном говоре и определить значение таких текстов для анализа особенностей наименований болезней в говорах юго-

западной Брянщины;

б) определить типологические особенности единиц ТГ «Наименования болезней», представленных в говорах юго-западной Брянщины, а также особенности ее структурной организации, системных связей и отношений между составляющими ее элементами.

Объектом исследования послужили авторская картотека народных медицинских наименований, выявленных в процессе личного наблюдения диссертанта, его многочисленных персональных экспедиций в населенные пункты юго-запада Брянщины, а также различные лексикографические источники (толковые, этимологические, историко-этимологические, диалектные словари русского языка; общие и специальные (медицинские) энциклопедические словари) и т. д.

Основными диалектными словарями, которые использовались при подготовке настоящей работы, являлись: Словарь русских народных говоров/ Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Вып.1-41. – М.-Л. : Наука, 1965-2007 (СРНГ); Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины. – Минск : Наука и Техника, 1973. – 293 с. (РСЗБ); Алексеенко М.А., Литвинникова О. И. Омонимы русской диалектной речи. Словарь. – М.: ЭЛИПИС, 2009. – 781 с.; Брянский областной словарь / Отв. ред. Н. И. Курганская. – Брянск : БГУ им. акад. И. Г. Петровского, 2007.– 382 с. (БОС); Словарь брянских говоров : вып.1-5 / Отв. ред. В. И. Чагишева. – Л. : Издательство ЛГПИ, 1976 (СБГ); Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И. Большой толковый словарь донского казачества. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. – 694 с. (БТСДК); Словарь областного вологодского наречия : по рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб : Наука, 2006. – 678 с. (СОВН); Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.16 / Под ред. И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. – СПб. : Изд-во СПУ, 2004. – 606 с. (ПОС); Словарь

смоленских говоров. Вып. 1-9 / Под ред. А. И. Ивановой. – Смоленск, 1974-2000 (ССГ).

Основными толковыми словарями русского языка, примененными при изучении исследуемых номинаций, были: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах. – М. : Русский язык Медиа, 2003; Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М. : Отчий дом. – 2006. – 1122 с.; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т./ И. И. Срезневский. – М. : Знак, 2003. – (Репринтное издание 1893 г.); Словарь русского языка XI-XVII вв. : В 17-ти томах / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1978 (СРЯ); Ефремова Т. Ф. Толковый словарь омонимов русского языка. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1406 с. (ТСОРЯ); Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «Азбуковник», 1999. – 943 с. (ОЖ).

Основными этимологическими и историко-этимологическими словарями, которые использовались при подготовке настоящей работы, являлись: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах. – М. : Астрель, 2003 (ФЭС); Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2-х томах. – М. : Русский язык : Медиа. – 2007 (ЧИЭС).

В числе специальных энциклопедических словарей наиболее значимыми в ходе настоящего исследования являлись: Популярная медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: «Советская энциклопедия», 1979. – 704 с. (ПМЭ); Федотов В. Д. Большой словарь медицинских терминов. – М. : Центрполиграф, 2007. – 959 с. (БСМТ); Терапевтический справочник : В 2-х томах / Под ред. доц. С.Б. Рафалькес. – М.-Л.: Медгиз, 1947 (ТС).

К исследованию привлекались следующие лексикографические источники: Словарь синонимов: справочное пособие / Под ред. А.П. Евгенье-

вой. – Л.: Наука, 1975. – 648 с. (СС); Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.; Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов. – М. : Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1996. – 416 с. (ССМС); Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под. ред. Н. И. Толстого : в 5-ти томах. – М. : Международные отношения, 1995 (СД); Энциклопедия. Мифы народов мира: в 2-х томах / Под ред. С. А. Токарева. – Т. 1-2. – М.: Советская энциклопедия, 1991 (ЭМНМ); Латинско-русский и русско-латинский словарь / Под ред. А.В. Подосинова. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 741 с. (ЛРиРЛС); Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.– 2006. – 694 с. (ГРС).

Исследовательская база работы составила около 420 наименований.

Предметом исследования явилась лексика народной медицины, обозначающая болезни в говорах юго-западной Брянщины.

Актуальность исследования определяется:

- 1) важностью для отечественного языкознания выявления и описания лексики русских народных говоров для сохранения уникального уходящего пласта русского диалектного языка;
- 2) отсутствием специальных исследований по проблемам развития и формирования лексики народной медицины в говорах юго-западной Брянщины;
- 3) потребностью в описании бытующих и в настоящее время в жизненной практике сельских жителей традиций, поверий и обрядов, связанных с народной медициной, носящих, как правило, региональный характер и позволяющих раскрывать и учитывать для реконструкции истории духовной культуры народа многочисленные фольклорно-этнографические, собственно этнографические и языковые факты;

4) значимостью лексики народной медицины, тесно связанной с традиционной народной культурой, для изучения истории русского языка и русской национальной самобытности.

Достоверность полученных результатов обеспечивается полнотой и разнообразием лексикографических источников, а также методом сбора материала – интервьюированием по авторской программе-опроснику, результаты которого отражены, в частности, в осуществлявшихся автором магнитофонных записях. Результаты наблюдений неоднократно уточнялись автором в ходе повторных выездов в села юго-западной Брянщины в течение 2007-2017 гг.

Методы исследования. В процессе создания работы использовались сравнительный, описательный и ареальный методы. Сравнительный метод в настоящем исследовании использован для определения различий в протекании процесса усвоения медицинской терминологии носителями территориального говора, в известной степени носителями полудиалекта (жителями г. Новозыбков). Сравнение осуществляется в пределах одного хронологического среза, современного состояния общенародных терминов и территориально локализованных слов медицинской тематики. Лингвистическая информация исторического характера (некоторые тексты из старинных русских источников) приводится как дополнительный, факультативный материал.

Совокупность приемов описательного метода применяется для описания и систематизации собранного материала.

Ареальный метод позволяет изучить степень распространенности медицинской лексики на лингвистической «карте» говоров отдельного региона Брянщины, других говоров России и других восточнославянских языков, что дает определенный материал для предположений о степени древности изучаемых фактов в данных говорах.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней

- впервые представлен анализ лексики народной медицины, номинирующей болезни в говорах юго-западной Брянщины;
- впервые региональная лексика медицины, обозначающая болезни, изучается неотрывно от процессов культурологического и этнографического характера;
- впервые выявлены источники формирования наименований болезней в говорах юго-западной Брянщины;
- впервые охарактеризованы типологические особенности лексики народной медицины, называющей болезни в говорах юго-западной Брянщины и особенности структурной организации ТГ «Наименования болезней».

Теоретическая значимость представленной диссертации определяется тем, что она развивает теорию диалектного языка, вносит вклад в разработку теории формирования и развития диалектных наименований, углубляет представления о системной организации лексических единиц в рамках языка русских народных говоров. Результаты исследования расширяют научные представления об источниках пополнения лексики русских народных говоров, ее типологических особенностях, а также об особенностях системной организации языковых единиц в исследованных говорах.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения выработанной методики при изучении и описании лексики, представленной в русских народных говорах. Материалы настоящей работы могут быть использованы в практике создания автоматизированных диалектных баз данных для построения разных типов диалектных словарей, в том числе многоаспектных, способных отразить различные типы информации о смысловом содержании диалектного слова, включая лингвокультурологическую.

На защиту выносятся следующие основные положения.

1. Наименования болезней говоров юго-западной Брянщины характеризуются тесными связями диалектной и этнографической составляющих. Последняя отражает исторические, материальные и духовные традиции исследуемого региона и его связи с культурной историей других территорий России и сопредельных государств.

2. Основными факторами формирования и развития лексики народной медицины, номинирующей болезни в говорах юго-западной Брянщины, являются: владение медицинскими знаниями, «закон экономии усилий», процесс аналогии.

3. Отражая в целом общенародные способы словообразования, лексика ТГ «Наименования болезней» сформировалась и развивается под активным влиянием народной склонности к образному мышлению, традиционных представлений и верований.

4. Тематическая группа «Наименования болезней» характеризуется типологическим своеобразием составляющих ее единиц; особенностями ее структурной организации; различными источниками происхождения исследуемых наименований; способами образования лексических единиц; семантической структурой слов; формальной структурой и частеречной принадлежностью анализируемых номинаций; типом мотивационного признака.

5. Формирование лексических единиц ТГ «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины происходило под влиянием различных языковых процессов, среди которых ведущую роль играют механизмы образной номинации: табуирование, метонимия, метафора, синекдоха, что во многом обусловлено архаичным характером самой народно-медицинской культуры анализируемых говоров. Большую роль в формировании изучаемых номинаций сыграли также такие языковые явления, как

лексическая мотивация, калькирование, сложение основ.

6. Сложность и многогранность лексического пласта номинаций болезней в говорах юго-западной Брянщины обусловлены древностью исследуемых словесных единиц, восходящих к различным эпохам становления русского языка (индоевропейской, праславянской, древнерусской, формирования и развития самостоятельных восточнославянских языков) и тесной связью с другими русскими говорами и языками сопредельных с Россией государств.

Апробация работы. Результаты работы были представлены в виде научных докладов и обсуждались на конференциях: Брянской областной научно-практической конференции «Русский язык и духовная культура» (2008 г.), Международной научно-практической конференции «Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий» (Воронеж, 2009, 2012, 2019 гг.), Межгосударственной конференции «Русское наследие в странах Центральной и Восточной Европы» (Брянск, 5-8 июля 2009 г.), III Международной научной конференции «Актуальные проблемы современного научного знания» (Пятигорск, 2010 г.), Брянской областной научно-практической конференции «В начале было слово» (2010 г.), Международной научно-практической конференции «Древнеславянское наследие и культура в современном мире» (Елец, 2011 г.), Международной научной конференции Уманьского государственного педагогического университета им. П. Тычины (2012 г.), Международной научной конференции, посвященной В. Ягичу: «Ватрослав Ягич і проблеми славістики» (Національна Академія наук України. Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. Київ, 2013 г.), Международной научной конференции «Российско-Белорусско-Украинское пограничье : научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства» (Новозыбков, 2014 г.), Международной научной конференции «Духовно-нравственные концепты

русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья» (Новозыбков, 2016 г.), Международной научной конференции «Актуальные проблемы российской провинции : вызовы современности (Новозыбков, 2017 г.), Международной научной конференции «Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств» (Новозыбков, 2017 г.), Научной и учебно-методической конференции научно-педагогических работников и аспирантов ВГАУ «Теория и практика инновационных технологий в АПК» (Воронеж, 2018 г., 2019 г., 2020 г.), Международной научной конференции «Россия и славянские народы в XIX-XXI вв.» (Брянск, 2020 г.). Основные положения диссертации изложены в 2-х коллективных монографиях, в 20 опубликованных статьях, в том числе 4 статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Общий объем публикаций составляет 249 с., или 15,5 п.л.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры славянской филологии ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, Заключения, Списка источников исследования (69 наименований), Списка использованной литературы (291 наименование), трех приложений.

В первой главе «Диалектный язык как объект изучения» анализируются и критически осмысляются основные научные понятия и позиции, связанные с проблематикой заявленной работы. Рассматриваются исторические предпосылки и этапы формирования народной медицинской лексики, а также вопросы изучения и классификации юго-западных брянских говоров на различных этапах становления русской диалектологии.

Во второй главе **«Отражение традиций народной медицинской культуры в наименованиях болезней говоров юго-западной Брянщины»** рассматриваются особенности формирования данных лексических единиц в юго-западных брянских говорах с точки зрения их этнографической и лингвистической составляющих. С учетом образного характера самой народно-медицинской культуры обосновывается, что генезис номинативных лексем, обозначающих многочисленные заболевания в исследуемых говорах, происходил под влиянием разнообразных языковых процессов, среди которых ведущую роль играют механизмы образной номинации (табуирование, метонимия, метафора, синекдоха и др.).

Третья глава «Лексический состав и структурная организация тематической группы «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины» посвящена изучению лексических единиц, обозначающих болезни, с учетом многоуровневой структуры диалектной лексики, компоненты которой пребывают в сложных, взаимосвязанных и взаимообусловленных отношениях. В данной главе рассматриваются вопросы реализации системного характера лексики народной медицины в пределах исследуемой тематической группы и лексико-семантических групп, члены которых находятся друг с другом в определенных лексико-семантических отношениях (синонимических, омонимических и др.). Анализ лексических единиц ТГ «Наименования болезней» производится с учетом их семантики и ареальных связей.

Перспективным продолжением исследования представляется применение предложенной методики описания диалектного материала в процессе изучения лексики других русских народных говоров. **Перспективным** представляется также создание автоматизированных диалектных баз данных, материалы которых могут использоваться для построения разных типов диалектных словарей, в том числе многоаспектных,

способных отразить различные типы информации о смысловом содержании диалектного слова, включая информацию лингвокультурологическую. Создание диалектных словарей является необходимым ещё и потому, что многие из народных названий заболеваний, возникнув в разные периоды развития славянства и его культуры, и в настоящее время активно функционируют в брянских говорах, а связанные с ними представления о причинах проявления и способах лечения заболеваний до настоящего времени присутствуют в народном сознании, нередко применяясь на практике.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Словари

БОС – Брянский областной словарь / Отв. ред. Курганская Н. И. – Брянск : БГУ им. акад. И. Г. Петровского, 2007. – 382 с.

БОС 2 – Брянский областной словарь / Под ред. Н. И. Курганской и А. Л. Голованевского. – 2-е изд., доп. – Брянск : БГУ им. акад. И. Г. Петровского, 2011. – 364 с.

БРС – Станкевич Я. Белорусско-русский словарь / Ян Станкевич. – Смоленск: Инбелкульт, 2020. – 1360 с.

БРЭ – Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / научно-редакционный совет: председатель – Ю. С. Осипов и др. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2004-2017.

БСМТ – Федотов В. Д. Большой словарь медицинских терминов / В. Д. Федотов. – М. : Центрполиграф, 2007. – 959 с.

БТСДК – Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И. Большой толковый словарь донского казачества / В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. – 694 с.

БЭС – Энциклопедический словарь : В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : ПОЛРАДИС, 1993. – (Репринтное издание).

ГРС – Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006. – 694 с.

ГРУЯ – Гринченко Б. Д. Словарь української мови : В 4-х томах / Б. Д. Гринченко. –

Київ: Изд-во АН УССР, 1958.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. – М. : Русский язык Медиа, 2003.

ЛРиРЛС – Латинско-русский и русско-латинский словарь / Под ред. Подосинова А. В. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 741 с.

ЛРС – Петрученко О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. – 810 с.

МГБ – Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Ветковские говоры / А. Ф. Манаенкова. – Минск : Университетское, 1989. – 231 с.

МЭСБЭ – Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 4 т. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1907-1909.

ОЖ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: «Азбуковник», 1999. – 943 с.

ОРДР – Алексеенко М. А., Литвинникова О. И. Омонимы русской диалектной речи. Словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. – М. : ЭЛИПИС, 2009. – 781 с.

ПМЭ – Популярная медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: «Советская энциклопедия», 1979. – 704 с.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.16 / Под ред. И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. – СПб. : Изд-во СПУ, 2004. – 606 с.

ПСЛТ – Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева – Ростов н\Д : Феникс, 2010. – 562 с.

РБМС – Воронец И. В. Русско-белорусский медицинский словарь / И. В. Воронец. – Гродно : ГрГМУ, 2005. – 117 с.

РУС – Російсько-український словник / Под ред. В. В. Жайворонка. – Київ : Абрис, 2003. – 1424 с.

РЯЭ – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.

РЯЭД – Русский язык : Энциклопедия. – М. : Дрофа : Большая Рос. энцикл., 2003. – 703 с.

СБГ – Словарь брянских говоров : вып.1-5 / Отв. ред. В. И. Чагишева. – Л. : Издательство ЛГПИ, 1976.

СБН – Носович И. И. Словарь белорусского наречия / И. И. Носович. – СПб.: Типография ИАН, 1870. – 756 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-6 / Под ред. Т. Г. Поникаровской. – Вологда :

ВГПИ, 1983 – 1993.

СГЗБ – Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и Техника, 1973. – 293 с.

СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого : в 5-ти томах. – М. : Международные отношения. – 1995.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) : В 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1988.

СИС – Словарь иностранных слов / Под ред. Л. Н. Комарова. – М.: Русский язык. – 1988.– 608 с.

СЛГ – Селигер : Материалы по русской диалектологии. Словарь. Выпуск 1. А-Г / Под ред. А. С. Герда. – СПб : Изд-во СПУ, 2003. – 216 с.

СМИДЯ – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 -х томах/ И. И. Срезневский. – М. : Знак, 2003.

СОВН – Словарь областного вологодского наречия : по рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г. / изд. подгот. : А. И. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб : Наука, 2006. – 678 с.

СПВ – Справочник практического врача / Под ред. акад. А. И. Воробьева : В 2-х томах. – М. : Медицина, 1990. – 606 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова.– Вып.1-41. – М. – Л. : Наука, 1965- 2007.

СРС – Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М. : Русские словари : АСТ : Астрель : Хранитель, 2006. – 665 с.

СРЯ – Словарь русского языка XI-XVII вв. : В 17-ти томах / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1978.

СС – Словарь синонимов : Справочное пособие / Под ред. А. П. Евгеньевой.– Л.: Наука, 1975. – 648 с.

ССГ – Словарь смоленских говоров. Вып. 1-9 / Под ред. А. И. Ивановой. – Смоленск, 1974-2000.

ССМС – Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1996. – 416 с.

СЭРЯ – Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.

ТС – Терапевтический справочник : В 2-х томах / Под ред. доц. С. Б. Рафалькес. – М. – Л.:

Медгиз, 1947.

ТСОРЯ – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь омонимов русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1406 с.

ФЭС – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах / М. Фасмер. – М. : Астрель, 2003.

УРС – Украинсько-російський словник / отв. ред. Л. С. Поломарчук, Л.Г.Скрипник. – Київ: Рад. шк., 1985. – 188 с.

ЦСС – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – М.: Отчий дом.– 2006. – 1122 с.

ЧИЭС – Черных П. Я Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2-х томах / П. Я. Черных. – М. : Русский язык : Медиа. – 2007.

ШЭС – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М. : Прозерпина, 1994. – 400с.

ШКЭС – Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка/ Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М. : Просвещение, 1971. – 742 с.

ЭМФ – Энциклопедия. Мифология / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 739 с.

ЭМНМ – Энциклопедия. Мифы народов мира : в 2-х томах / под ред. С. А. Токарева. – Т. 1-2. – М. : Советская энциклопедия, 1991.

ЭСБЭ – Энциклопедический словарь : В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890-1907.

Источники

Акушерство – Бодяжина В. И., Жмакин К. Н. Акушерство / В. И. Бодяжина, К. Н. Жмакин. – М. : Медицина, 1970. – 495 с.

ВБ - Василенко В. Х. Внутренние болезни / В. Х. Василенко. – М. : Медгиз, 1950. – 505 с.

ВБК – Кристман В.И. Внутренние болезни / В.И. Кристман.– М. : Медицина, 1969.– 448 с.

Домострой – Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В.В. Рождественская ; Отв. ред. Л. А. Дмитриев. – СПб. : Наука, 1994. – 268 с.

ИБ – Минкевич И. А. Инфекционные болезни / И. А. Минкевич. – М. : Медгиз, 1950. – 380 с.

ЛавЛ – Лаврентьевская летопись / Под ред. Е. Ф. Карского; Предисл. Б. М. Клосса. – М. :

Языки рус. культуры : Кошелев, 1997. – Н, VIII. – 733 с. (Репринтное издание 1926-1928 гг.).

ЛДР – Литература Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачева. – М.: Высшая школа, 1990. – 543 с.

ЛФХ – Лексико-фразеологическая характеристика некоторых говоров Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж : ВГУ, 1964.

ОЯ – Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1973. – 318 с.

ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и комментарии Д. С. Лихачева ; Под ред. В. И. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.

ПКАГ – Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год. – Архангельск : Губ. тип., 1864. – С . 9-20, 75-93.

РД – Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1964. – 306 с.

РД 2 – Русская диалектология : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др. ; под ред. Л. Л. Касаткина. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1989. – 224 с.

РД 3 – Русская диалектология : Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Под ред. Л. Л. Касаткина. – М. : ИЦ Академия, 2005. – 288 с.

РНГ – Русские народные говоры : история и современное состояние: Тез. докл. межвуз. науч. конф., посвящ. памяти В. П. Строговой. 26-28 нояб. 1997 г. – Новгород : Из-во : Великий Новгород. 1997. – 104 с.

ТРА – Травник : [Рукопись из библиотеки Ивана Грозного] . – Б. м. , 1534 . – 582 л. – URL: <http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1975>

ФЗШ – Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье.

УкСЗ – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 года «Об образовании Брянской области в составе РСФСР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. к. ю. н. Ю. И. Мандельштам. – Москва : Государ-е издательство юридической литературы, 1956. – С. 42-43.

Языки и диалекты

амур. – амурский	ефрем. – ефремовский
арх. – архангельский	жиздр. – жздринский
арм. – армянский	зап.-слав. – западнославянский
астрах. – астраханский	злынк. – злынковский
ачин. – ачинский	иркут. – иркутский
барнаул. – барнаульский	иссык-кульск. –
белозер. – белозерский	иссыккульский
беломор. – беломорский	итал. – итальянский
белор. – белорусский	камч. – камчатский
благовещ. – благовещенский	кемер. – кемеровский
болг. – болгарский	казан. – казанский
борисоглеб. – борисоглебский	калин. – калининский
боров. – боровский	калуж. – калужский
буйск. – буйский	киров. – Кировский
влад. – владимирский	костром. – костромской
волог. – вологодский	красногор. – красногорский
ворон. – воронежский	кубан. – кубанский
вят. – вятский	курс. – курский
гот. – готский	лат. – латинский
греч. – греческий	латв. – латвийский
др.-исл. – древнеисландский	лтш. – латышский
др.-рус. – древнерусский	лит. – литовский
др.-чеш. – древнечешский	мглин. – мглинский
дон. – донской	греч. – греческий
др.-в.-н. –	медын. – медынский
древневерхненемецкий	мосал. – мосальский
др.-исл. – древнеисландский	моск. – московский
др.-инд. – древнеиндийский	нем. – немецкий
др.-рус. – древнерусский	новг. – новгородский
енис. – енисейский	н.-в.-н. – нововерхненемецкий

олонец. – олонецкий

онеж. – онежский

осташ. – осташковский

пен. – пензенский

перм. – пермский

петрозав. – петрозаводский

пинеж. – пинежский

ГЛАВА I.

ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Понятие диалектного языка. Системный характер территориальных говоров

Как свидетельствуют специальные исследования в области диалектологии, структура диалектного языка чрезвычайно сложна. Она включает в себя наиболее крупные территориально-функциональные единицы, наречия, на которые наслаиваются межзональные группы различных форм и направлений, состоящие из диалектов, переходных зон. В свою очередь, каждая мельчайшая единица структуры диалектного языка, так называемая «частная диалектная система», состоит из множества речевых особенностей разного уровня.

Относительно свободная нормированность речевых средств в говоре, соединяясь с высокой эмоциональностью сельского словоупотребления и более свободными традициями речевого этикета, делает менее строгими и особенности термина, отличающие его от традиций использования термина в той или иной терминологической системе. Изучение говоров с целью составления лингвистических карт в аспекте вырабатывавшихся принципов лингвистической географии способствовало появлению в отечественной науке понятия «диалектный язык», введенного Р. И. Аванесовым. В соответствии с теорией Р. И. Аванесова, все диалекты русского языка связаны между собой постепенными переходами явлений всех уровней друг в друга [Аванесов, 1965, с. 11-28]. Как показала история изучения данной обширной совокупности русских говоров, их границы, как правило, устанавливаются с большим трудом и в редких случаях. Р. И. Аванесов

полагал, что если нет четких границ, то все говоры языка представляют один массив, «диалектный язык» как «сложную систему или систему частных систем» [Аванесов, 1963, с. 10].

Данную точку зрения приняли далеко не все диалектологи и историки языка в силу ее кажущейся противоречивости. Так, не согласился с Р. И. Аванесовым Ф. П. Филин, утверждавший, что, поскольку вся совокупность говоров не является цельной коммуникативной единицей, то и диалектного языка как макросистемы не существует [Филин, 1963, с. 318-343]. Не принял позиции Р. И. Аванесова и Ф. П. Сороколетов, считавший, что в «диалектном языке» нет приписываемого ему признака системности, то есть тесной связи всех говоров между собой, следовательно, понятие «диалектный язык» – фактически «фикция» [Сороколетов, 2011, с. 194]. Однако следует отметить, что и в литературном языке, представляющем собой «систему систем», то есть совокупность разных его уровней, не все элементы тесно взаимосвязаны [см., напр.: Макаров, 1993, с. 8-9; Макаров, 2015, с. 12; Воробьев, 1997, с. 33 и др.].

Понятие «диалектный язык» возникло как реакция на основные положения лингвогеографического подхода к говорам языка, основатели которого, как известно, ставили во главу угла своего подхода к говорам именно отсутствие четких границ между ними [Макаров, 1993, с. 38]. Сторонники реальности «диалектного языка», возможно, учитывают не только прошлое или настоящее совокупности говоров русского языка, но и их будущее, отражаемое в современных говорах, для которых характерно «глобальное» влияние на все уровни общенародного литературного языка, нивелирующего эти говоры. Следует отметить, что исследование учеными всех уровней современных говоров открыло перед наукой новое явление: возникновение на фонетическом и словообразовательном уровнях говоров новых диалектных процессов, по настоящее время активных в живой

разговорной речи (аналогии, выравнивания основ, экономии физических усилий и др.) [см.: Макаров, 2015, с. 23-25].

Как отмечается в специальной литературе, говор как часть коммуникативной системы национального языка представляет собой обширный пласт функционирования всех уровней языка в их единстве и взаимовлиянии, процессов изменения значений слов как проявления закономерных связей групп и их семантических различий в общей системе языка [Макаров, 2015, с. 21]. Мысль о глубокой внутренней связи между разными семантическими рядами слов языка, которые группируются вокруг одной семантической категории, одного семантического ядра, о связи их с общественным бытом народа, его воззрениями имела, как подчеркивал академик В. В. Виноградов, «глубоко прогрессивный характер» [Виноградов, 2005, с. 279].

Диалектный язык как система проявляется в ряде его особенностей, в том числе в социальной дифференциации словарного состава говора. Системный характер территориального говора был определен еще А. А. Потебней на основе глубокого изучения им истории восточнославянских языков. Ученый внес очевидный вклад в понимание диалекта как системы взаимодействия слов в пределах тематических и лексико-семантических групп, исследуя процессы, проходящие в сфере парадигматических отношений в диалекте (синонимии, антонимии, многозначности и др.), а также в сфере проявления гиперо-гипонимических отношений слов и их значений, в стилистической противопоставленности элементов говора и т. д. [Потебня, 1884, 1962; Филин, 1972 и др.].

Названные процессы по своему перечню во многом совпадают с перечнем процессов, протекающих в литературном языке. Данное сходство проявляется в своеобразии протекания этих процессов в живой речи говора. По наблюдениям ученых, сказанное характерно прежде всего для сферы

диалектной синонимии, которой более, чем литературному языку, свойственны дублетные отношения и где очевиднее прослеживается специфика словообразовательных процессов, в частности, широкая развитость словообразовательных синонимов [ср.: Сороколетов, 2011, с. 192].

Известно, что в наиболее яркой форме системность языка и говора проявляется на фонетическом уровне в виде различных оппозиций. В. Г. Руделев представил историю формирования русских вокалических систем, превосходно продемонстрировав именно системные отношения внутри них. Автор разъяснил понятие системности фонетических процессов, обращая особое внимание на анализ зависимости появления гласного в предударном слоге от качества (подъема и ряда) ударного гласного, представленный в работе А. А. Шахматова «Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров». Это было поистине большим открытием и началом новой, действительно системной типологии в области русских гласных...» [Руделев, 1976, с. 24; 1995, с. 7; Макаров, 2009, с. 63]. Затем эти поиски успешно продолжил Н. Н. Дурново. Его открытие новых вокалических систем фактически стало особым этапом в науке [см.: Дурново, 1915, с. 1-43; Аванесов, 1949; Бондалетов, 1959, 1976 и др.].

Следует указать на еще одну важную особенность системы диалекта – широкое использование в ней различных видов аналогии в фонетике, словообразовании, морфологии, лексике и семантике. В лексической системе изменения по аналогии менее активны в силу серьезных семантических различий слов.

Существенно, что в языкознании важное место занимает поиск наиболее результативных, важных источников получения информации о прошлом изучаемого языка или диалекта. До второй половины XIX в. в русском языкознании господствовала практика преимущественного изучения

и учета показаний памятников письменности [см.: Черенкова, 2005; Данькова, 2008; Макаров, 2015 и др.].

Особенно важную роль в этом плане сыграли работы А. А. Шахматова, прежде всего его магистерская диссертация «Исследование в области русской фонетики» [см.: Соболевский, Шахматов, 1893-1894]. В ней автор доказывал первостепенную роль живой, прежде всего диалектной речи как приоритетной для внутренней реконструкции фактов языка прошлых, в том числе дописьменных эпох. Во многих своих исследованиях А. А. Шахматов разработал и обосновал целую систему методических приемов анализа живой речи с целью извлечения из нее реальных фактов истории отдельных (прежде всего фонетических) явлений, приемов сравнительного изучения современных живых говоров [Шахматов, 1886, 1898, 1914; см. также: Чмыхова, 1960, с. 11-44; Макаров, 1981, с. 18-21 и др.].

Е. Ф. Будде в конце XIX в. уже отмечал активный переход российской исторической лингвистики к изучению говоров как к исходной точке при заключениях о русском языке прошедших веков и отрицании значимости «привычных орфографических начертаний слов» [Будде, 1896, с. 7]. В результате формирования такого подхода к живой речи всякие исключения стали восприниматься не как случайность, а как проявление других законов языка: закона аналогии, закона экономии физических усилий и т. д.

Приведенные выше выводы важны для нашего исследования в связи с тем, что подвергающиеся изучению юго-западные говоры Брянщины не имеют письменных памятников, которые могли бы конкурировать с живой речью как источником важной научной информации. Поэтому исследование строится на результатах обширного анализа материала, собранного нами во время диалектологических экспедиций в населенные пункты изучаемого региона. При описании собранного материала мы столкнулись с пока не получившей должного научного освещения проблемой взаимодействия в

местном говоре диалектной лексики и официальной медицинской терминологии как одной из составляющих специальной лексики.

Как известно, к специальной лексике относятся слова и словосочетания, называющие предметы и понятия различных сфер профессиональной деятельности человека и не являющиеся общеупотребительными. Специальная лексика включает в себя несколько разрядов языковых единиц, среди которых ведущее место принадлежит терминам [подробнее см.: Данькова, 2010, с. 22; ср. также: Ярцева, 1990, с. 394; Жеребило, 2010, с. 292 и др.].

Терминология той или иной научной сферы противопоставлена лексике, обозначающей понятия определенной сферы (например, медицинской) на определенных территориях, то есть диалектной лексике, номинирующей реалии какой-либо профессии. В этой связи необходимо обратить внимание на такие понятия, как «говор», «территориальный диалект», «наречие», «диалектный язык», «диалектное различие», «противопоставленные» и «непротивопоставленные» диалектные различия и др. При этом следует отметить, что значения перечисленных терминов в настоящей работе полностью совпадают с принятыми в современной науке [см.: РД 3, 2005, с. 7-20].

Так, понятие диалект (от греч. *διάλεκτος* – разговор [ГРС, 2006, с.875]) представляет собой разновидность конкретного языка, употребляемую в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают территориальные и социальные диалекты. К социальным диалектам относят язык определенных социальных групп населения [см.: БРЭ, 2004]. Территориальные диалекты выделяются на разных частях территории распространения данного языка и характеризуются различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике. Территориальный диалект –

это разновидность общенародного языка, которая служит средством общения людей на определенной территории, намного меньшей, чем вся территория распространения этого языка [ПСЛТ, 2010, с. 87]. Основной единицей территориальных диалектов и минимальной ареальной единицей является говор – язык одного или нескольких населенных пунктов, однородных в языковом отношении [см.: РД, 1964, с. 3; РД 2, 1989, с. 7].

Сложность диалектного членения языка отражается в ряде названий ареальных единиц, к числу которых относится наречие – наиболее крупная единица диалектного членения, представляющая собой совокупность территориальных диалектов, объединённых общими признаками [БРЭ, 2004]. В русском языке выделяют Северное и Южное наречия, между которыми располагается сочетающая черты обоих наречий полоса среднерусских говоров, включающих в себя более мелкие объединения – группы говоров [см.: РД 2, 1989, с. 7].

В специальной литературе по рассматриваемому вопросу понятие «диалектный язык» трактуется как совокупность всех собственно диалектных черт, свойственных территориальным разновидностям данного языка. Данные черты на различных территориях представлены вариантами – членами соответственных междиалектных явлений (диалектных различий), отличающих диалекты друг от друга и от литературного языка. Диалектный язык, являясь бесписьменным, существует в основном в устной форме и используется в обиходно-бытовом общении [БРЭ, 2004].

Диалектные различия делятся на несколько типов и отмечаются во всех уровнях языка (ярусах). Простые диалектные различия представлены отдельными языковыми элементами (напр., *рябый* вместо русс. лит. *рябой*). Сложные диалектные различия характеризуют такие системы элементов, как цоканье – различение или неразличение фонем /ц/ и /ч/ и др. Выделяются двучленные (напр., оканье – аканье, различия в окончаниях 3-го

лица глаголов: «он несёт», «они сидят» – «он несётъ», «они сидять»), многочисленные диалектные различия (напр., употребление в разных диалектах в значении «лихорадка» слов «лихоманка», «комуха», «трясца», «трясовица», «огневица» и др.), а также регулярные диалектные различия – лексически неограниченные и изолированные, свойственные отдельным словам, характеризующие все говоры или только часть говорів данного языка (например, употребление названия «бура́к» в значении «свёкла» на территории западной Брянщины и некоторых других территориях) [см., напр., Горшкова, 1972; Захарова, 2004; Шаульский, 2005 и др.].

В лексикологии и семасиологии выработаны и широко используются на практике ставшие общепринятыми понятия и термины «система» (языка и говора), «тематическая группа» (ТГ), «лексико-семантическая группа» (ЛСГ), «словоформа», «слово в некоторой грамматической форме» [см.: Русская диалектология, 2005, с. 310]; «лексема» как совокупность форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях [см.: РЯЭ, 1979, с. 122]. Следует отметить, что термин «лексема» в настоящем диссертационном исследовании используется в узком значении: слово, имеющее план выражения и план содержания.

В лексике говоров наблюдаются явления, характерные для любой языковой системы. Как известно, впервые на системные отношения в языке указал Ф. Соссюр [Соссюр, 1977, с. 147]. Мнение Ф. Соссюра поддержал А.И. Бодуэн де Куртене, однако активные практические и теоретические изыскания в этой области начались лишь с середины XX века. Исследованию системных отношений в лексике посвящены работы таких лексикологов, как Ф. П. Филин, В. В. Виноградов, А. И. Смирнитский, В. А. Звегинцев, О. С. Ахманова, С. И. Ожегов, Д. Н. Шмелев, Р. А. Будагов, Н. З. Котелова, З. Д. Попова, Ю. Н. Караулов, И. А. Стернин, А. Д. Черенкова, Л. А. Новиков, О.В. Загоровская, Т. Н. Данькова и др.

Сторонники концепции диалектного языка указывают на иерархический характер и сложность его системной организации. Вместе с тем ряд ученых (Л. В. Щерба, Л. И. Баранникова, Ф. П. Филин, И. Б. Качинская, Т. С. Коготкова и др.) считают, что взаимодействие между близлежащими говорами и системные связи разных диалектов одного языка ещё не дают возможности утверждать, что совокупность диалектов является единым системным образованием. Отрицание системности диалектного языка рядом исследователей основывается на том, что, по их мнению, лексические единицы, представленные в говорах, вступают в системные отношения лишь в пределах данных говоров [Филин, 1963, с. 333]. Мнение Ф. П. Филина о том, что «диалектного языка не существует» [Филин, 1973, с.10], поддерживал Л. В. Щерба, считавший, что совокупность народных говоров является системой в силу того, что слова, принадлежащие разным коллективам, не образуют системы [Щерба, 1974, с. 36-37].

Данное разногласие возникло из-за отсутствия единого понимания системности между сторонниками и противниками концепции диалектного языка. В современном понимании система представляет собой «любое сложное единство, в котором могут быть выделены составные части (элементы) и схема связей или отношений между элементами (структура), выступающее как единое целое по отношению к внешним условиям и выполняющее единую функцию» [Попова, 1984, с. 8]. Вместе с тем следует различать системность одного говора и совокупности говоров, так как невозможно одинаковым образом анализировать односистемные явления и явления макросистемы [Сороколетов, Кузнецова, 1987, с. 44-90; Сороколетов, 2011, с. 193; Кузнецова 2011, с. 465; Кузнецова, 2005, с. 7 и др.].

По утверждению О. В. Загоровской, необходимо разграничивать реальную и конструктивную системность языковых образований. Реальная

системность характерна для языковых образований, которые обладают реальной коммуникативностью и характеризуются взаимосвязанностью элементов, определяемой наличием единого реального языкового сознания. Конструктивная системность «свойственна моделируемым теоретическим языковым образованиям, объединяющим несколько частных языковых образований или их совокупностей и обладающих потенциальной коммуникативностью, не имеющих прямой взаимообусловленности элементов, но характеризующимся определенными системными соответствиями» [Загоровская, 2011, с. 119].

Конструктивной системностью внутри диалектного языка обладают такие диалектные макросистемы, как наречие, диалектные зоны, группы говоров, или диалектные группы. Вместе с тем, системность диалектных групп как объединений нескольких говоров, обладающих тождественными или сходными языковыми чертами, оказывается приближенной к понятию реальной системности. Реальной системностью обладает и отдельный территориальный диалект как реальное языковое образование [см.: Загоровская, 2011, с. 118-120].

Таким образом, согласно определению О. В. Загоровской, диалектный язык – это теоретически моделируемое образование, обладающее конструктивной системностью, то есть не имеющее реальной коммуникативности и прямой взаимозависимости составляющих его элементов, но характеризующееся наличием определенных системных соответствий. На уровне конкретного говора (в условиях реальной языковой системы) диалектное слово обладает реальным планом содержания, который может быть назван реальной семантикой. На уровне языковых макросистем различного уровня та же лексическая единица обнаруживает конструктивную семантику [Загоровская, 2011, с. 120-121].

Важно, что в лексике русских народных говоров с разной степенью

выраженности наблюдаются те же явления, которые характерны для любой языковой системы – полисемия, синонимия, омонимия, антонимия и др. Как известно, языковая система строится на парадигматических, синтагматических и деривационных типах отношений между языковыми единицами. Парадигматическими отношениями являются отношения, объединяющие элементы языка на основе общности по форме, смыслу или по тому и другому одновременно [Загоровская, 1990, с. 5-7; Красильникова, 2003, с. 326; РЯЭ 2003, с. 324-327; Сулименко 2006, с. 140; Данькова 2010, с.35, Данькова 2018, с. 17-21 и др.]. Это ассоциативные отношения, основанные на частичном сходстве и конкуренции составляющих парадигму единиц. В свою очередь, парадигма – это совокупность языковых единиц, образующих целое и противопоставленных внутри этого целого [ПСЛТ, 2010, с. 293]. Под парадигматическими связями, как правило, подразумевают отношения полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, а также таксономические связи [см.: Попова, 1984, с. 24; Загоровская, 1990, с. 89-96; Загоровская, 2011, с. 123-127; Шелов, 2003, с. 92; Данькова, 2010, с. 35; Новиков, 1991, с. 11-16 и др.].

В специальной литературе по исследуемому вопросу полисемия определяется как свойство слова иметь несколько значений, то есть обозначать различные предметы и явления действительности [ПСЛТ, 2010, с.321]. По нашим наблюдениям, полисемия, или многозначность, достаточно широко представлена в русских говорах. Её образуют семантические варианты одного слова, возникающие как в результате взаимодействия общенародной и диалектной лексики, так и под влиянием литературного языка, когда в говоре, помимо диалектного, появляется и литературное значение слова: ср., напр., диал. *отвѣдать* – навестить больного и лит. *отвѣдать* – попробовать съесть или выпить немного [см.: ОЖ, 1999, с. 467] и т. д. Вместе с тем со временем ассоциативные связи в говорах могут

переставать восприниматься, что нередко приводит к утрате многозначности и способствует возникновению омонимии. Ср., напр., зафиксированное в говорах юго-западной Брянщины брянское диал. *чэмер* – «эпилептический припадок у детей» и брянское же диал. *чэмер* – «заболевание живота, аппендицит», а также отмечаемое у В. И. Даля *чэмер* – «черт» [Даль, 2003, т. 4, с. 589], в данном значении присутствующее в лексиконе двух опрошенных нами наиболее возрастных информантов в селе Старые Бобовичи – Кирьяновой М. П., 106 лет, и Ковалевой И. Т., 93 года.

Как уже отмечалось, парадигматические отношения в русских говорах характеризуются также системными связями синонимии, под которой понимается отношение тождества или близости значений между однотипными языковыми единицами [ПСЛТ, 2010, с.411]. Синонимия, при помощи которой выражается одно и то же содержание разными средствами, характеризуется как семантическими, так и стилистическими функциями. В результате повышения уровня образования, информационной и коммуникативной составляющих происходит активное включение в ранее сформированные синонимические ряды слов из литературного языка и других говоров, что, естественно, приводит к перераспределению отношений между членами синонимического ряда. Так, например, синонимия в говорах юго-западной Брянщины может связывать слово и словосочетание. См., например: *черная нэмачь* – *паду́чая* («эпилепсия»); *дайте мне ря́ду* – *ряту́йте* («помогите») и т. д.

В русских говорах встречаются и отношения антонимии, представляющие собой отношения противоположности по значению между единицами одного и того же языкового уровня, которые обладают обобщенным семантическим единством [ПСЛТ, 2010, с. 23]. Согласно нашим наблюдениям, в народной медицинской лексике исследуемых говоров антонимия представлена слабо. В качестве немногочисленных примеров

семантических отношений между словами, противоположными по значению, можно привести брянские диал. *укла́уся* – «заболел» и диал. *ача́врев* – «выздоровел»; брянские диал. *закве́еть* – «продолжать болеть» и диал. *аклема́ться* – «поправляться».

Согласно нашим наблюдениям, в народной медицинской лексике юго-западной Брянщины также отмечается и явление омонимии – формального (в первую очередь, звукового) тождества однотипных языковых единиц, различных по значению [см.: ПСЛТ, 2010, с. 265]. Омонимия в исследуемых говорах чаще всего является следствием далеко разошедшейся полисемии, а также отдельных заимствований из литературного языка, о чем подробно говорится в последующих главах данной работы.

Парадигматические структурно-семантические связи слова непосредственно проявляют себя в различных тематических и лексико-семантических группах слов, разграничение которых нередко представляется крайне сложным, поскольку «с точки зрения реальной языковой системы любая тематическая группировка слов обнаруживает семантическую общность и является одновременно и лексико-семантической» [см.: Загоровская, 2011, с. 123-125 и др.].

Как отмечается в специальной литературе по исследуемому вопросу, парадигматические отношения, как в общенародном языке, так и в диалектном языке, характеризуются также гипо-гиперонимическими отношениями, которые определяют существующие внутренние связи между элементами, в частности, отношения таксономии (род – вид; общее – частное, часть – целое) [см.: Загоровская, 2011, с. 124; Данькова, 2010, с. 37; Данькова, 2011, с. 95-103 и др.].

Синтагматические связи в русских народных говорах характеризуются прежде всего наличием устойчивых словосочетаний (ср., напр., наличие в лексиконе народных целителей таких словосочетаний, как *су́чье вы́мя*,

Антонов огонь, чёрная немачь, куриная слепота, подбйм (подойм) животá и т. д.).

В лексике русских народных говоров на всех уровнях языка, безусловно, присутствуют и деривационные типы отношений, подразумевающие наличие «формальной, семантической, функциональной производности и иерархии единиц всех уровней языковой системы, а также межуровневых отношений» [см.: Данькова, 2010, с. 38 и др.].

Примечательно, что в научной литературе по рассматриваемому вопросу нередко отмечается взаимосвязь между специальными лексическими номинациями и словесными единицами, принадлежащими русским народным говорам. В составе специальной лексики присутствуют особые лексические подгруппы, отличающиеся тесной взаимосвязью с бытом, историей культуры народа, диалектной речью [см.: Данькова, 2010 и др.].

Следует отметить, что в народной среде нередко наблюдаются факты неточности, приблизительности знания официальных терминов, в том числе медицинских, обнаруживается некоторая диффузность, потеря словом конкретных предметных очертаний [ср., напр.: Загоровская, 2011; Осовецкий, 1982, с. 42 и др.]. В таком случае, как правило, на первый план выходит индивидуальная интерпретация семантики термина, в значительной степени зависящая от жизненного опыта, уровня медицинских знаний, общей эрудиции носителя языка и т. д. В языкознании данная проблема связана с проблемой общего и индивидуального в языке [см. об этом: Шелов, 2003, с. 89-92 и др.]. В этом отношении особый интерес представляют толкования местными жителями значений слов, относящихся и к официальной терминологии, в том числе медицинской, и к народной лексике, обозначающей понятия медицины, которые свидетельствуют о значительной эрудиции носителей говоров в сфере медицины, амплитуде их знаний.

Исследование лексики диалектного языка, как правило, предполагает

учет не только семантического, но и территориального аспектов функционирования языкового явления, поскольку «ареал слова во многих случаях является одним из важных факторов формирования семантической структуры диалектного слова» [Осовецкий, 1982, с. 49]. Кроме того, отмечаемый исследователями прерывистый характер границ использования той или иной словесной единицы в говорах связан с фактом постепенного затухания одного значения лексемы и заменой его другим смысловым содержанием. При этом необходимо подчеркнуть, что у многозначного слова разные значения нередко имеют разный ареал своего бытования.

Как известно, система диалекта нередко вступает в соприкосновение с соседними диалектами и языками, в результате чего возникает экономическое, культурное, этническое взаимодействие между разными диалектами. В науке доказано, что в большей степени подвержены воздействию языки близкородственные, имеющие большое структурное и материальное сходство, а тем более – диалекты одного языка [см. об этом: Макаров, 2015, с. 112-204]. Настоящее утверждение, очевидно, в полной мере должно касаться взаимоотношений брянских говоров с соседними говорами и генетически родственными языками. Так, например, лексика брянских говоров, в том числе медицинская, вступает в тесную взаимосвязь с территориально близкими ей южнорусскими говорами, а также с украинским и белорусским языками. Тесная взаимосвязь территориально близких говоров подтверждается и научным положением, в соответствии с которым включение в говор или язык новых лексем стимулируется, с одной стороны, «внутренними» факторами, связанными с наличием слаборазвитой синонимии в заимствующем говоре, потребностью в экспрессивной синонимии и эвфемизмах [ОЯ, 1970, с. 286], с другой стороны, внешними факторами, обусловленными миграционными процессами в разные эпохи и с разной степенью интенсивности [Бережняк, 2010, с. 63].

В связи с вышеизложенным, целесообразно обратить внимание на развитие диалектизмов у восточных славян, которое приблизительно с XIV века шло двумя основными способами: 1) путем возникновения новых слов локального распространения; 2) путем образования слов, составивших специфику русского, украинского и белорусского языков, которые выделились из их общего первоисточника – древнерусского (восточнославянского) языка. Образование слов локального распространения в истории русского языка, как указывал Ф. П. Филин, имело три основных источника: 1) локальные образования, которые основываются на системе способов словообразования, характерных для данного говора или диалекта, 2) заимствования из соседних языков; 3) общерусские слова, вышедшие из употребления на других территориях и сохранившиеся лишь в одном или нескольких диалектах [Филин, 1972, с. 655].

Особенности исторического развития диалектного языка определили наличие в русских народных говорах закона экономии речевых средств, о котором неоднократно отмечалось в научной литературе. Данного вопроса в своих исследованиях касались Н. М. Шанский (1968), Е. М. Маркова (2012), Ю. А. Бельчиков (2008), Н. В. Басков (2014) и др. Следует отметить, что указанный процесс активнее протекает в среде словообразования посредством суффиксации. При этом некоторые научные термины, трансформируясь под влиянием диалектного употребления, нередко приобретают сниженный оттенок в народной речи. Ср., напр., лексические единицы, принадлежащие говорам юго-западной Брянщины и обозначающие реалии народной медицины: *апендјок*, *паралік*, *панарік* и др. По нашим наблюдениям, образование новых производных слов в исследуемых говорах происходит путем замены посткорневых аффиксов слов языка официальной медицины формообразующими суффиксами *-ик*, *-юк*.

Действие закона экономии речевых усилий в живой речи нередко реализуется в медицинской лексике брянских говоров также через общенародные заимствования из латинского языка путем замены латинских громоздких образований народными медицинскими номинациями. Ср. народное *панарі́к* вместо официального латинского *панарі́цій* (*panaricium*) [СИС, 1988, с. 358]: // *У мяне панарик быв, дак во, резали. Во глядь, шрам во. А и к банке пошла – казала поздна*// (Гурова А. И., с. Тростань) и др.

Следует отметить, что многие народные названия заболеваний, возникнув в разные периоды развития славянства и его культуры, употребляются вплоть до настоящего времени, в том числе и в научно-медицинской литературе. Связанные с ними представления о причинах проявления и способах лечения заболеваний до настоящего времени присутствуют в народном сознании и нередко применяются на практике.

Как показал анализ специальной литературы по исследуемому вопросу, о законе экономии речевых усилий в живой диалектной речи писал Е.Д. Поливанов, который обозначил действие коллективно-психологического фактора, универсальной «первопричины языковых изменений», основной их «пружины», обнаруживаемой в сфере любого общенародного языка и говора, как стремление уменьшить («сэкономить») расход трудовой энергии. Ученый определил и вполне логичные границы разумного, эффективного проявления такой экономии: пока сокращение энергии не мешает пониманию создаваемой в процессе такой экономии той или иной речевой формы [Поливанов, 2003, с. 43, 101-102]. Если в реальной речевой деятельности носителей говора этот процесс перейдет границы «дозволенной» экономии трудовой энергии, то это приведет к нарушению взаимопонимания в коллективе носителей данного говора или к непониманию со стороны носителя другого говора или литературного языка. В рамках общенародного языка примерами принципа экономии речевых усилий можно считать не

только приводимые Е. Д. Поливановым примеры из разговорной речи типа «здрaсте», но и сформировавшиеся в определенное время в истории русского языка эволюционирующие типы склонения и спряжения, выравнивание основ существительных, типы словообразования и т. д. [см., напр.: Крушевский, 1960, с. 255]. При этом следует отметить, что в народных говорах данный процесс, возможно, может протекать более активно.

Еще одной особенностью диалектной речи как речи устной является экспрессивность. В системе территориального говора, испытывая очевидное давление системы говора, терминология, в том числе медицинская, нередко вступает в синонимические отношения с народной лексикой, будучи семантически и словообразовательно связанной с речевыми средствами говора. Следует отметить, что лексику медицины общенародной (профессиональной) и местной объединяет широко развитая в данных разновидностях словесных единиц образность. Образность характерна не только для русских, но и для латинских медицинских терминов, что подчеркивает общность направлений мыслительной деятельности представителей удаленных друг от друга культур в поиске продуктивных оснований для номинации реалий. Ср., напр., термины *жаба*, *ячмень*, *рак* и др. *Рак* – заболевание, истари плохо поддававшееся лечению, просто «цепляющееся» за человека или животное; *жаба* связана с ощущением нехватки воздуха, учащенным, поверхностным дыханием (одышкой); *ячмень* – зернообразное высыпание на веке глаза. Русскому *рак* в латинском языке соответствует *cancer* «речной или морской рак» [ЛРС, 2007, с. 79]. Русскому *ячмень* соответствует латинское *hordeum (ordeum)* – «ячмень» [ЛРС, 2007, с. 286]. Как показал анализ специальной литературы по рассматриваемому вопросу, образность характерна не только для медицинской лексики, но и для специальных номинаций других профессиональных сфер. В последнее время ученые все чаще обращают

внимание на экспрессивно-стилистические и оценочные характеристики профессиональной лексики, благодаря чему становится все более ясно, что профессиональной терминологии, наряду с точностью ее значений как характерной чертой этой системы, свойственна не столь редко используемая образная и экспрессивная лексика. Так, в работах Т. Н. Даньковой, отражающих особенности функционирования в русском языке аграрной лексики [см.: Данькова, 2008; 2009; 2010 и др.] и в работах О. Ю. Пищулиной, отображающих лексику елецкого кружевоплетения [см.: Пищулина, 1998], представлен анализ большого числа ярких, колоритных образований в составе исследуемых номинаций. Следует отметить, что экспрессивность и образность анализируемых в настоящей диссертации лексем во многом объясняется особенностями формирования и исторического развития лексики русской народной медицины.

1.2. История формирования лексики народной медицины и её представление в фольклорных, лингвистических и этнографических источниках

Согласно определению, данному в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (под общ. ред. Н. И. Толстого), народная медицина представляет собой «древнейший вид профессиональной деятельности, сочетающей рациональный опыт врачевания с магической практикой изгнания, уничтожения или задабривания духа болезни» и объединяющей «область традиционного знания и систему лечебно-профилактических приёмов славян, направленных на избавление человека от болезни и восстановление его здоровья» [Славянские древности, 1995, т. 5, с. 215-220]. При этом в процессе лечебных манипуляций, как правило, использовались многочисленные языковые и вербальные приемы в виде

самых разнообразных заговоров, целебных «молитв», сопровождавшихся определенными действиями лекаря, что способствовало накоплению большого количества лексического материала в данной области.

Существенно, что русское слово «врач», являющееся производным от и.-е. корня *цег – «вещать, говорить приподнято», имеет общее происхождение со словом «ворчать» (говорить), а также древнерусским вьрати – «прорицать, заговаривать, заклинать» и даже «колдовать» [ФЭС, т. 1, с. 361; ср.: ШЭС, 1994, с. 25; ЧИЭС, т. 1, с. 169-170 и др.]. Ср. также русс. устар. *бáлий* – «врач, прорицатель» [ФЭС, т. 1, с. 115], вероятно восходящее к ст.-слав. *баши* – «врач», от того же корня, что и *бáять* – разговаривать [ЧИЭС, т. 1, с. 170], перекликающееся с церковнославянскими: *баіа* – «лекарь, врачеватель, вещун, колдун», *баліа* – «колдунья, волшебница», *баліи* – «волшебник, ворожея» [ЦСС, 2006, с. 31], вероятно соотносящимися с русс. «боль», мн.ч. «боли» и ц.-слав. *болэііе* – «ощущение боли, скорбь» [ЦСС, 2006, с. 56].

Таким образом, закономерно, что яркой особенностью лексики народной медицины является её жизнеспособность и устойчивость на протяжении ряда веков. Ещё И. П. Павлов отмечал, что медицинская деятельность возникла одновременно с появлением первого человека и что «было бы несправедливо считать историю медицины только с её письменного периода» [Павлов, 1951, с. 432]. Известный британский историк, преподаватель Центра истории медицины Лондонского университетского колледжа Р. Портер в своих работах также акцентирует внимание на том, что история медицины была бы неполной без анализа условий существования древних сообществ, их реального опыта и систем верований, изучения их образов мысли, поведенческих реакций на болезнь, обозначения их представлений о конкретном заболевании и т. д. [Портер, 2009, с. 58-63].

На протяжении всей своей истории человечество постоянно сталкивается с проявлениями различных заболеваний и болезненных состояний, с поиском способов избавления от них через понимание причин возникновения той или иной патологии. Об обязательном рассмотрении истории медицины и медицинских наименований в контексте истории и культуры человечества говорили такие зарубежные исследователи, как Дж. Розен, Ю. Шлюмб, Р. Портер, Р. Михель, Дж. Фостер и др. [см. об этом: Михель, 2013, с.23; Заблудовский, 1981, с. 59 и др.].

Наименования болезней и способы их лечения чрезвычайно разнообразны. Данный лексический слой восходит к глубокой древности. Естественно, что народно-медицинское слово зачастую отображает наиболее характерные особенности предмета или явления так, как видели их наши далекие предки. Согласно мнению Ю. П. Лисицына, первичные медицинские представления древнего человека были стихийно-материалистическими. Наблюдая падение камня или дерева, получая удар чем-либо и ощущая причиненное этим болезненное повреждение (рану, ушиб, перелом и т. п.), человек связывал его с конкретным ударом оружия, камня или палки, падением дерева и т. д. [Лисицин, 2004, с. 15]. Многие понятия народной медицины и сегодня являются отражением этих древнейших представлений. Так, при описании ощущений заболевшего человека народный язык использует лексемы «ломота», «резь», «укол», «удар», сближая эти ощущения с воздействием острого оружия, а телесные страдания рассматривает как следствие этого повреждения («ударило», «прострелило», «разбит параличом», «трясца бьет» и т. п.), что позволяет говорить о первичности семантической мотивированности слова при обозначении того или иного заболевания, а также о первостепенности медицинской симптоматики в процессе накопления народного знания о различных болезнях.

Впоследствии постепенно, по утверждению М. П. Мультановского, представления о причинах заболевания и болезнях стали онтологическими. Болезнь зачастую воспринималась в виде конкретного живого и враждебного человеку существа, имеющего мифическую или реалистическую природу, которое проникает в человеческое тело извне и разрушает его [Мультановский, 1981, с. 24-31]. Данные представления также издревле находили свое отражение в народной медицинской лексике, стимулируя возникновение лексем, обозначающих соответствующие заболевания, такие как *лихора́дка*, *лихомáнка* – согласно славянской мифологии, персонифицированные в образе уродливых женщин болезни, вселяющиеся в человека [СД, 1995, т. 3, с. 117-123]; *напа́сть*, *костоло́м* – заболевания, возникновение которых связывали с потусторонним воздействием [Машурко, 1903, с. 67].

Н. И. Толстой также отмечает, что развитие заболевания в понимании древних чаще всего было связано с наличием непосредственного, физического нарушения целостности человеческого тела и реже – с опосредованным воздействием на человека, в том числе при помощи враждебного человеку потустороннего, персонифицированного зла [СД, 1995, т. 1, с. 226]. Так, возникновение внезапного недуга Святополка в «Сказании о Борисе и Глебе» объясняется следующим образом: «И нападет на нь бес, и раслабеша кости эго, яко не мощи ни на кони седети, и несяхуть его на носилех» [ЛДР, 1990, с. 61; Полное собрание русских летописей, 2000, с. 267]. В «Повести временных лет» упоминается, что «в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями» [ЛДР, 1990, с. 12; ПВЛ, 1996, с. 76].

Вышеизложенные представления оказались весьма устойчивыми, о чем свидетельствуют многие зафиксированные нами в говорах юго-западной Брянщины лексемы *костоёда*, *чёмер*, *пóрча*, *колоту́н*, *ради́мец* и др. –

заболевания, возникновение которых информанты зачастую связывают с колдовством, повреждающим воздействием нечистой силы. Согласно мнению В. В. Усачевой, народным сознанием болезнь до сих пор воспринимается как элемент чужеродный, пробивший границу между мирами и оказавшийся внутри человека, в результате чего заболевший теряет крепость и силу, становится ущербным» [СД, 1995, т. 3, с. 118-119]. Кроме того, болезнь как объект персонифицированный, по народным представлениям, может подчиняться Святым угодникам либо Богу и Пресвятой Богородице. Заболевание также может принадлежать сатане, быть наслано ведьмой. Примечательно, что при этом, однако, болезнь нередко действует как существо самостоятельное, а «понимание болезни колеблется между понятиями о неотвратимой Божьей каре и случайном стечении обстоятельств: инфекции, неудовлетворительное состоянии жилища и др.» [см.: Архипова, 2015]. В подтверждение сказанному приведем один из обнаруженных нами в исследуемой народной традиции заговоров: *//Рóжа, роженица, красная девица, на болоте сидела, на людéй глядела, жéртву искала, на девицу напала//* (с. Ст. Бобовичи) и т. д.

Вместе с тем, в народной среде до сих пор присутствуют и активно проявляют себя восходящие к праславянскому и индоевропейскому периодам остатки языческих верований и дохристианских представлений о болезнях, которые нередко отражаются в текстах используемых знахарями «целебных» заговоров как «элементе некоего сакрального знания, наименее подверженного отклонениям от древнего словесного первоисточника» [см.: Архипова, 2015, с. 58]. В качестве примера приведем зафиксированный нами на Брянщине в селе Замишево заговор от порчи, в котором оформляется запрет на нанесение вреда потенциальной жертве: *//Чтобы рабу божию (говори имя) ни скушать ни на еде заядаючи, ни на питья запеваючи, ни в сну заспающим, ни на красу заглядающим, ни на дыму заселающим, ни на*

ветру заклинающим, ни в путях, ни в дорогах, ни ветру ни молодіку, ни переломе месяцев // (с. Замишево).

Сходные мотивы присутствуют и в других брянских заговорах, например, в заговоре от маточного кровотечения: *//Встану я, умоюсь утренней росой, землицею утрюсь, золотой пеленой солнца красного обовьюсь//* (Клюева Н. П., с. Тростань). Во многих заговорах явно прослеживаются отголоски характерного для язычества мифического восприятия мира, развитию которого, как отмечал ещё А. Н. Афанасьев, способствовало то, что «каждый предмет и каждое явление вызывали в душе человеческой не одно, а многие и разнородные впечатления», способствуя формированию мифического восприятия мира, благодаря чему «до сих пор в наших областных наречиях и памятниках устной народной словесности слышится та образность выражений, которая показывает, что слово для простолюдина есть не только знак, указывающий на известное понятие, но что ... (оно) живописует самые характерные оттенки предмета и яркие, картинные особенности явления» [Афанасьев, 2008, с. 16-43]. Подчеркнем, что о важности фольклорных, этнографических и лексических элементов в реконструкции раннеславянского мировосприятия и славянской мифологии неоднократно утверждалось в нашей науке [ЭМНМ, 2001, т. 2, с. 450].

Онтологическое представление о возникающей у человека болезни стало причиной появления и распространения различных суеверий, к числу которых относятся, например, отмечающиеся в селах юго-запада Брянской области запреты для беременной женщины лить воду через порог, переступать через прясла – жердочки (из-за страха возникновения осложнений в родах), а также необходимость плевка в глаз заболевшему воспалением глазного века (ячменем) человеку и т. д.: *//Если ячмень, то плюнь у глаз, у какой вскочив ячмень три разá. Вот увидит человек у друго́го ячмень. А ёсли я хóчу помóчь, я ему́ тьфу́ у гла́з. И ячмень прохóдит//*

(Цуниева Н. И., с. Катичи).

Кроме того, представление болезни в виде некоей сущности способствовало развитию предупредительной магии (тотемных знаков, амулетов, жертвоприношений с целью задобрить или одолеть опасную болезнь и т. д.), появлению, помимо известных ранее реалистических лечебных действий, связанных с накоплением примитивного бытового опыта лечения заболеваний, символических приемов врачевания, направленных на обман, устрашение и изгнание демона болезни из тела человека, подчинение болезни целителю [Потебня, 2007, с. 26].

Вследствие всех вышеизложенных процессов произошло постепенное объединение функций жреца и целителя, а само понимание причин возникновения болезни сместилось в религиозную сферу. Последнее во многом определило развитие устной традиции накопления и передачи сведений о различных заболеваниях, поскольку это было некое «запретное» знание, доступное лишь прошедшим своеобразную жреческую инициацию посвященным, информация о котором не должна была попасть в «неумелые» руки [Гезер, 1890, с. 17-88].

В связи с вышесказанным следует отметить, что в настоящее время существуют разные взгляды на взаимоотношения медицины и религии на ранних этапах становления человечества. Так, некоторые западноевропейские теоретики культуры и историки (М. Фуко, И. Иллич и др.) придерживаются мнения, что собственно медицина возникла из инстинкта животных, у которых человек почерпнул первоначальные примитивные способы лечения и сведения о лекарственных средствах, в связи с чем появился культ диких животных и ритуальных действий, связанных с почитанием животного-«первопредка», и обычаев, предпринимаемых в том числе и с целью исцеления [подробнее см.: Фуко, 1998, с. 31; Иллич, 1975]. Мы нашли единичный случай доказательства этих

утверждений в зафиксированном нами в с. Замишево заговоре от сглаза, в котором вредитель-колдун (заболевание по народным представлениям также может быть наслано ведьмой или колдуном) буквально отождествляется с волком: *//Волк бельма́ч, меня не бач. Ты ночью родился, в бане не мылся, в церковь не ходил, креста не видал и меня не бач//* (Куприенко В. Д., с. Замишево). Вместе с тем, большинство ученых (И. П. Павлов, Ю. П. Лисицын, Г. Райт, Т. С. Сорокина) считают, что зарождению культовых обрядов врачевания предшествовало приобретение полученных эмпирическим путем практических навыков оказания примитивной медицинской помощи и что возникновение и развитие лечебной магии проходило на фоне уже сложившихся эмпирических знаний и было вторичным явлением [Сорокина, 2008, с. 24; Павлов, 1951, с. 11-13; Райт, 1971, с. 79; Лисицын, 2004, с. 31 и др.].

Примечательно, что народное сознание нередко рассматривало болезнь не только как результат дурного воздействия (поветрие, сглаз и т. п.), но и как следствие нарушения различных религиозных и нравственных запретов. Так, в восьмой главе «Домостроя» «Как христианам врачеваться от болезней и всяких страданий» говорится: «Кто же в своей дерзости и страха божьего не имеет и воли божьей не творит, закону христианского отеческого предания не следует, о церкви божьей и о церковном пении, и о келейном правиле, и о молитве, и о восхвалении Бога не думает, ест и пьет без удержу <...> или те, что от жен блудят или совершают содомский грех и всякую мерзость творят и всякие богоотвратные дела: блуд, распутство, сквернословие и срамословие, бесовские песни, пляски и прыгание, игру на бубнах, трубах, сопелках, завозят медведей и птиц и ловчих собак и конские гонки устраивают <...> чародейство и волхование, и колдовство, звездочетье, чернокнижье, чтение отреченных книг, альманахов, гадальных книг, шестокрыла, верят в громовые стрелы и топорки, в усовье и в матку, в

камни и кости волшебные и в прочие всякие козни бесовские <...> Господь, наставляя нас ... насылает на нас страдания и болезни, и тяжкие недуги, от духов лукавых мучение, огнивание тела, костям ломоту, отек и опухоль на все члены, запор обоим проходам, и камень в почках, и килу, и тайных членов гниение, водянку и глухоту, слепоту и немоту, боли в желудке и страшную рвоту, и вниз на оба прохода и кровь и гной, и чахоту, и кашель, и боль в голове и зубную боль, и грыжу, и подагру, чирьи и сыпь, слабость и дрожь, желваки и бубоны, и паршу, и горб, шею, ноги и руки скрюченные и косоглазие, и иные всякие тяжкие недуги» [Домострой, 2004, с. 142-143].

Отголоски онтологических воззрений на природу конкретного заболевания сохранились не только в народных представлениях («лихорадка», «костоед» и т. д.), но даже в терминологии официальной медицины («грыжа», «рак» и др.) [Мультиановский, 1981, с. 24-31].

Следует отметить, что на Руси первые попытки фиксации сведений о различных заболеваниях стали предприниматься с появлением письменности и были связаны, прежде всего, с поиском народно-медицинских аналогов латинским и греческим наименованиям болезней. Предположительно это были рукописные сборники (изборники) разнопланового содержания, где, помимо практических врачебных советов, давались наставления по поводу различных жизненных ситуаций, для положительного исхода которых следовало прибегнуть к заговору или молитве. Большая часть сохранившихся рукописных литературных памятников остается малоизученной. Опубликованы лишь единичные тексты таких памятников, которые, как правило, анонимны и не датированы, поэтому точное время их возникновения на Руси неизвестно [Груздев, 1974, с. 343-348]. Судя по разноплановости наименований (зельники, врачебники, лечебники, целебники, травники и др.) [см.: БЭС, т. 2, с. 234], уже в Древней Руси существовала примитивная спецификация данной литературы.

По предположению В. Ф. Груздева, данные литературные памятники первоначально, вероятно, принадлежали к числу так называемых отреченных книг, чтение которых запрещалось церковью, поскольку они во множестве содержали противоречащие церковному канону заговорные тексты, именуемые в простонародье «молитвами». Вместе с тем, в этих текстах упоминаются как собственно народные наименования заболеваний, так и народные наименования болезней и лечебных действий, служащие русским эквивалентом латинскому или греческому слову [Груздев, 1974, с. 343-348].

Впоследствии при составлении таких лечебников все больше и больше начинало сказываться влияние византийской и западноевропейской медицинской литературы, а народная составляющая их уменьшалась. Так, уже с XVI века при описании медицинских пособий в текстах рукописных лечебников неоднократно встречается греческая и латинская терминология, даются ссылки на иностранные источники. Ср.: «а то лекарство фрианское», «а то целба немецкая», «сказывал венецианин торговой человек» и т. п. В указанное время появляются иностранные термины и в текстах «целебных» заговоров [см., напр.: Змеев, 1895, с. 21; Зеленский, 1897, с. 51 и др.]. Кроме того, примерно в этот же период конца XVI в. – начала XVII в. появились и первые переводные тексты, посвященные медицине, наиболее известным из которых стал переведенный с польского Симеоном Половцевым «Прохладный Ветроград», имеющий полное название «Книга глаголемая Вертоград Прохладный, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещах ко здравию человекам пристоящих» [БЭС, 1892, т. 4, с. 56]. Широкую известность получили также приписываемые Аристотелю наставления, так называемые «Тайная тайных» (восходящие к арабскому оригиналу IX века) и «Аристотелевы врата», уже имевшие широкое хождение в западноевропейской латинской письменной традиции [см. об этом: Буланин, 1989, с. 427-430; МЭСБЭ, т 1, с. 48].

В качестве примера отголоска иностранного влияния, косвенно указывающего на давность зафиксированного текста, вероятно, может служить заговор, до сих пор бытующий в селе Тростань Новозыбковского района Брянской области: *//Беги, флюс. Я за тобой погонюсь, я тебя поймаю, я тебя ударю//* (Клюева Н. П., с. Тростань), а также следующие заговоры, записанные нами в селе Замишево того же района: *//Солнце на закат скатись, урина уймись. Аминь//* (Шкрабова В. С., с. Замишево); *//Сердце у тебя што б стучать, легкие што б дышать, почки што бы урину из тела знать. Поднимаю и восстанавливаю в твоём теле место урины. Аминь//* (Куприенко В. Д., с. Замишево).

В то же время следует отметить, что лечебники как письменные литературные памятники в XVI-XVII вв. не были доступны для широкого, массового использования, прежде всего, в силу своей эксклюзивности, а также в связи с отсутствием должного уровня навыков чтения и письма среди населения. Как правило, лечебниками пользовались представители царского двора, зажиточные слои общества и духовенство, а также медики, официально приближенные к придворному сословию. Выступая в качестве прообраза будущей профессиональной медицинской литературы, лечебники представляли собой своеобразные пособия, используемые как с целью обучения врачеванию, так и для решения конкретных практических задач в медицине того периода, что способствовало формированию в России специальной медицинской терминологии, становлению русского медицинского языка, положило начало развитию первых врачебных школ [Боброва, Журавлева, 2011, с. 115]. Позднее и народные массы стали пользоваться рукописными лечебниками, однако их использование в народной среде не носило системного характера [см.: Боброва, Журавлева, 2011, с. 117].

Как показал анализ специальной литературы по исследуемому вопросу,

на рубеже XVII-XVIII вв. появились и первые переводные книги, полностью посвященные медицине (в первую очередь, травники), в которых уже давались отсылки к первоисточнику и иногда даже обозначалась личность переводчика: «Сие писано с виницейского переводу и переведена бысть с немецкого языка на словенский, а перевел полонянич Литовской, родом Любчанин». Вместе с указанием наименования лекарственной травы, способов её сбора и применения в травниках приводилось и немалое количество примет и суеверий, а также отдельных заговоров [см. об этом: Исаченко, 2007, с. 42]. Содержание рукописных лечебников того периода нередко сводилось к непосредственному описанию проявлений различных заболеваний и способам избавления от них. Заболевания в них впервые стали распределяться по месту их действия в организме человека, причинам возникновения и т. д., что послужило прообразом будущей профессиональной медицинской классификации. Наиболее типичным примером лечебных книг рассматриваемого типа является состоящий из 53 глав «Реестр из дохторских наук, сочиненный 7204 (1696) года Афанасием, архиепископом Холмогорским» [см.: Соколов, 1872, т. 4, с. 62].

Таким образом, проведенные исследования позволяют утверждать, что начало формирования в России профессиональной медицинской литературы относится к концу XVII века [см.: Флоринский, 1880, с. 113-234; Рихтер, 1814, т. 2, с. 74].

В то же время большая часть населения в указанное время продолжала пользоваться услугами знахарей и народных целителей, в наиболее простых случаях прибегая к самолечению, что было обусловлено не только плохой доступностью профессиональной медицинской помощи для широких народных слоев, но и малограмотностью населения, а также нехваткой профессиональных врачей, которая сохранялась вплоть до конца XIX века.

Следует отметить, что знания в народной медицине передавались в

основном устным путем. По причине недостаточного количества людей, умеющих читать, а также из-за сакрального отношения людей к народному медицинскому материалу записывалась лишь малая часть медицинских знаний. Малограмотность, с одной стороны, ограничивала круг людей, которые могли бы воспользоваться не только русскими, но и переводными медицинскими источниками (прежде всего, греческими и латинскими), однако, с другой стороны, способствовала сакрализации и сохранению русской народной медицинской традиции, основанной в том числе и на применении заговорно-заклинательных текстов [см. об этом: Забелин, 1879, с. 114-135]. Вероятно, присутствие латинизмов в текстах русских заговоров можно объяснить желанием народных целителей профессионально соответствовать настоящим врачам.

Наибольшее распространение рукописные лечебники имели на Руси, начиная с XVI в. и вплоть до середины XVIII в. К концу XVIII – началу XIX вв. количество рукописных лечебников стало постепенно снижаться. Лечебники стали уступать место первым печатным изданиям. Однако их использование еще прослеживается в купеческой и мещанской среде [см. об этом: Груздев, 1974, с. 345].

В первой половине XIX века интерес к истории России, народным истокам, в том числе к народной медицине, у русских людей стал возрождаться, что было обусловлено, прежде всего, значительным патриотическим подъемом, связанным с войной 1812 года и изгнанием Наполеона из России. В указанное время начинается обращение жителей России к духовным истокам народной культуры, формирующее у них ощущение себя частью единого славянского мира.

В рассматриваемый период происходило накопление значительного количества материала в области этнографии, фольклористики, лексикологии и истории славянства. Видными исследователями в данных областях

научного знания стали русские ученые В. И. Даль, А. Н. Пыпин, И.М.Снегирев, а чуть позже – И. П. Сахаров, И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев, Д. О. Шеппинг, историки Н.С.Тихонравов, Е. И. Классен, П. И. Шафарик и др. Накопление богатого этнографического и фольклорного материала продуцировало появление первых попыток фиксации, а иногда и трактовки отдельных лексем из области народной медицины. Так, в частности, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля приводятся такие лексические единицы, как *грыжа, кила, чемер, тунун, огник, пранцы, ногтоед* и др., дается толкование отдельных лексем и связанных с ними представлений (нередко с указанием территории) [Даль, 2003, т. 1-4]. Вместе с тем, в рассматриваемый период это явление не носило системного характера.

В середине XIX века продолжалось накопление данных по народной словесности, в том числе и в области народной медицины. Большое количество информации публикуется в периодике – в центральных изданиях («Этнографическое обозрение», «Этнографический сборник», «Этнография», «Живая старина» и др.) и в местных областных ведомостях, краеведческих «памятных книжках» и т. п. [см. об этом: Поликарпов, 1906; Буслаев, 1861, с. 35-37; Кремер, 1871; Селиванов, 1862 и др.]. Однако собирание и изучение лексического материала в области народной медицины в XIX веке все же оставалось несистемным и чаще всего осуществлялось при различных этнографических или фольклорных описаниях [подробнее см.: Срезневский, 1851, 1959; Буслаев, 1861, 1954; Потебня, 1865, 1877, 1896, 1914, 1962, 1980; Афанасьев, 1995, 2008; Шахматов, 1886, 1898, 1914 и др.].

Со второй половины XIX века начинается обобщение и систематизация накопленного материала, его анализ. В то же время происходит обращение исследователей к изучению заговорных текстов, осуществляется их активная публикация, издаются некоторые лечебники XVII-XVIII вв., а также

начинают разрабатываться этнографический и мифологический компоненты народной медицины [см.: ПКАГ, 1864, с. 9-20; Ефименко, 1878; Майковъ, 1869; Ветухов, 1907; Мансикка, 1909, 1926; Змеев, 1895 и др.].

В XIX столетии изучению поэтики и мифической составляющей заговора, его компонентов и персонажей, происхождению и жанровым характеристикам заговорных текстов были посвящены работы А. Н. Веселовского, А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, М. И. Соколова, И. Д. Мансветова, Е. Н. Елеонской и ряда других исследователей.

В дальнейшем исследователи (Л. Н. Майков, Л. Малиновский, Ф. И. Буслаев, Н. В. Крушевский, В. И. Даль, А. А. Потебня, Ф. Ю. Зелинский; А.М. Астахова, А. П. Топорков и др.) не раз обращались к всестороннему анализу текстов заговоров, рассматривая их в историческом, лингвистическом, жанровом, фольклорном и этнографическом аспектах [Майков, 1869; Буслаев, 1861, 2005; Малиновский, 1875-1876; Крушевский, 1876; Рудаков, 1890; Даль, 1880; Потебня, 1877; Зелинский, 1897; Кагаров, 1917, Познанский, 1917; Астахова, 1928; Померанцева, 1964; Петров, 1981; Топоров, 1993, Топорков, 1997, 2010; Грушко, 1995; Аникин, 1997; Кляус, 1999; Раденкович, 1999; Николюкин, 2001; Каргин, 2001; Смилянская, 2003; Копылова, 2003; Колесов, 2004; Фудзивара, 2004; Ермакова, 2005; Карабулатова, 2005; Мадлевская, 2007; Байдимиров, 2012, Глухова, 2018 и др.]. Процесс изучения таких текстов продолжался на протяжении всего XX века, вплоть до 2000 г. История вопроса фиксации и изучения текстов русских заговоров в период XIX-XX вв. хорошо освещена в посвященной тамбовским говорам работе Д. Н. Лоскутовой [Лоскутова, 2010].

Изучение местных говоров в России к концу XIX века, заметно возрастая, все активнее связывало две науки – диалектологию и этнографию, вышедшие из некогда единой науки антропологии как науки о человеке [см.: Токарев, 1966]. Ещё Д. К. Зеленин писал о необходимости соединять

диалектное деление территории языка с историко-этнографическим как о деле первой необходимости, так как только это соединение «может заполнить ту никем не пройденную пока пропасть, которая отделяет собою два этапных пункта диалектологов»: XIX век живых говоров и IX век как век летописца Нестора, между которыми – пропасть [Зеленин, 1913, с. 3; Зеленин, 2014, с. 56; Зеленин, 1991, с. 14-17]. Конечно, это несомненное преувеличение нерешенности проблемы, но она действительно требовала активизации развития исследований в этом обширном по своим задачам направлении, в связи с чем литература того периода, посвященная проблемам изучения территориальных говоров, а также аспектам материальной и духовной культуры восточного славянства в их истории и современном состоянии изобилует ссылками на материалы обеих наук [Токарев, 1966].

Так, например, И. И. Срезневский полагал, что местные наречия изучаются не филологией, а этнографией, однако сам он диалектов не изучал, поскольку этнографией не занимался [см. об этом: Колесов, 1986, с. 183]. В свою очередь, А. А. Шахматов активизировал собирательскую деятельность по диалектологии, былевой поэзии и фольклору с целью составления диалектных и этнографических карт [см.: ФЗ, 1948].

В центре научных изысканий по вопросу границ говоров в начале XX в. стояли работы Е. Ф. Карского «Белорусы» и «К вопросу об этнографической карте белорусского племени» [Карский, 1902]. В 1913 г. увидела свет знаменательная в научном отношении работа Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим непереходным смягчением заднеязычных согласных». В ней с привлечением этнографического материала автор подверг осмыслению современное для той эпохи «московское наречие» [Зеленин, 2014, с. 525-532]. Е. Ф. Будде, крупный исследователь южнорусских говоров, выделил и описал Касимовский говор Рязанской губернии, подкрепляя свои наблюдения указаниями на элементы

материальной культуры края [см.: Будде, 1904]. В своем отчете о поездке 1902 года «О говорах Тульской и Орловской губернии» ученый отмечал в том числе и ряд характерных брянских слов, связанных с медициной, например, таких как *грызь* и *грызень* (Карачевский уезд) [Будде, 1904, с. 116]. К лексике брянских говоров обращался и П. Н. Тиханов своей работе «Брянский говор. Заметки из области русской этнологии» (1904 г.), в которой также исследуется лексическая единица *грызь* [Тиханов, 1904, с. 35].

Вместе с тем, этнографическая сторона народной медицины учеными конца XIX – XX вв. нередко продолжала рассматриваться через призму заговорного текста и народной обрядовости. Следует подчеркнуть, что изучение народных представлений о причинах возникновения различных заболеваний и способов избавления от них осуществлялось не только филологами и этнографами (см., напр., исследования А. А. Потебни, А.И.Соболевского, Е. Ф. Будде, П. С. Ефименко, П. А. Расторгуева, А.А.Шахматова, Г. С. Виноградова, Н. П. Тиханова, А. А. Макаренко, С.В.Максимова, В. С. Арефьева, К. Д. Логиновского, М. Забылина, М.В.Красноженова, Е. Н. Елеонской и др.), но и такими профессиональными медиками, как В. Дерикер, В. Ф. Демич, М. М. Добротворский, Э.Я.Зеленский, В. И. Рудинский, Г. И. Попов и др. Последние, занимаясь изучением вопросов распространенности заболеваемости среди крестьянства, сельской бытовой гигиены и местного родовспоможения, напрямую соприкасались с фольклором, обрядовостью и диалектной лексикой, в том числе медицинской.

Внимание медицинской общественности к крестьянскому быту было обусловлено, прежде всего, стремлением искоренить суеверие, противостоять малопродуктивному с точки зрения официальной медицины народному врачеванию, добиться снижения младенческой и детской смертности, которую зачастую связывали с предродовой и послеродовой

обрядовостью, с опасными действиями повитух. Вместе с тем, работа по просвещению народных масс способствовала сбору и систематизации значительного объема этнографического и лексического материала.

В XIX – XX вв. исследователями формировались списки областных слов и выражений, характеризующих местные говоры [см.: Семеновъ, 1897; Будде, 1892, 1904; Сахаров, 1900; Материалы для изучения великорусскихъ говоровъ, 1910; Поликарпов, 1906, 1911, 1912 и др.], изучались номинации заболеваний, болезненных состояний и связанных с ними лечебных действий, а также лексемы, обозначающие людей из народной среды, занимающихся врачеванием [см.: Богданович, 1897; Демич, 1894; Макаренко, 1897-1898; Рудинский, 1896 и др.].

Однако следует отметить, что собранные материалы оставались малоизученными с лингвистической точки зрения. Были предприняты отдельные попытки трактовки некоторых номинаций болезней в славянских языках, в том числе обусловленные стремлением прояснить этимологию этих лексем. Исследованиями в этой области с разной степенью углубленности занимались И. П. Сахаров, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский, А.А.Потебня, А. Н. Афанасьев, П. Н. Тиханов, Р. Н. Попов, Е. Ф. Будде, А.С.Будилович, М. Фасмер, П. А. Расторгуев. Размышления о этимологическом толковании отдельных наименований народной медицины присутствуют у А. И. Соболевского (*почечуй*, то есть геморрой) [Соболевский, 2006] и Г. С. Виноградова (*прострёл*) [Виноградов, 2005].

Интерес к лексической составляющей народной медицинской лексики возобновился только к середине XX века благодаря статье В. А. Меркуловой, предпринявшей попытку трактовки таких народных номинаций заболеваний, как *мозоль, костолом, огонь, веселуха, паха, барин, падучая, почесуха* и др. [см.: Меркулова, 1969; 1980], а также диссертационной работе В. С. Тереховой, исследовавшей лексику народной медицины на основе

рукописных лечебников XVII-XVIII вв. с учетом как отдельных лексем, так и устойчивых словосочетаний, обозначающих болезненные состояния человека [см.: Терехова, 1961]. Кроме того, народная медицинская лексика в указанное время нередко использовалась для характеристики осуществляющихся в говорах различных языковых процессов [см., напр.: Резцов, 1989].

Исследованию лексики народной медицины как «народной терминологической системы» посвящена статья Н. Н. Щербаковой, разграничивающей исконно русские наименования заболеваний и фонетически и грамматически адаптированные лексемы, заимствованные из литературного языка [Щербакова, 2013, с. 111-117]. О народной медицинской терминологии как предмете для научного исследования также говорится в работах В. А. Меркуловой (1980 г.) и В. П. Строговой [см.: РНГ, 1997]. Номинации болезней в древнерусском языке анализирует Т. В. Олещук (1983 г.). Как народное название болезни глаз, в пределах двух полей рассматривает лексему *ячмень* Е. Л. Березович, показывая, что данные поля имеют одинаковые принципы внутренней организации [Березович, 2007, с. 243-305; Березович, 2009, с. 259].

Как показал анализ специальной литературы, с позиций этнолингвистики освещаются различные составляющие бытописания русского и иных славянских народов в академическом словаре «Славянские древности» под общей редакцией Н. И. Толстого [СД, 1994; 2004], в котором также нашло отражение описание многих народно-медицинских компонентов. Определению места болезни и смерти в погребально-поминальной обрядности посвящены работы О. А. Седаковой (1999 г.) и Т. В. Махрачевой (1997 г., 2008 г.), которая также говорит о связи болезни с календарной атрибутикой [см.: Махрачева, 2008].

Исторические аспекты формирования медицинской лексики были проанализированы в монографии Ганны Дидик-Меуш «Українська медицина.

Історія назв», посвященной исследованию медицинской лексики письменных памятников («медицинских словарей») – Лечебников XVI-XVIII вв. В данной работе представлен обширный материал по медицинской лексике древнерусского периода, извлеченной из письменных источников, приведен словарь анализируемых терминов, а также непосредственно отражен переход народных наименований болезней в официальные медицинские термины, сделана попытка классификации древнерусских медицинских наименований [см.: Дидик-Меуш, 2008].

В исследованиях Н. Г. Архиповой представлен анализ особенностей функционирования концепта «болезнь» в рамках наивной языковой картины мира носителя диалекта. Рассматривая структуру указанного концепта и его этнокультурное значение, исследователь обозначает смысловозначительные признаки болезней на физическом и акциональном уровнях, доказывает, что болезнь определяется как чужеродный, мифический элемент в народном мировосприятии [см.: Архипова, 2001, 2004]. В работах В. В. Усачевой (2008 г.) и Т. А. Агапкиной (2009 г.) восточнославянская заговорная традиция и структурные компоненты народно-медицинской обрядовости рассматриваются как элементы народного мировосприятия.

Следует отметить, что в последние десятилетия в отечественном языкознании получил распространение многоуровневый подход к исследованию лексической составляющей народной медицины, которая как системное образование подвергается всестороннему анализу с точки зрения этимологической реконструкции, структурно-семантического, этнолингвистического, лингвосемиотического и лингвокультурологического подходов.

Комплексный анализ народной медицинской лексики представлен в работах Т. В. Володиной [см.: Володина, 1997, 2006], Ю. А. Кривошаповой [Кривошапова, 2007, с. 11-16], К. В. Пьянковой [Пьянкова, 2008, с. 13-14],

Н.С. Ганцовской [Ганцовская, 1994, 2007], К. С. Верхотуровой [Верхотурова 2008, с. 19-20], И. В. Пенюковой [Пенюкова, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 и др.], С. М. Поздеевой [Поздеева, 2005], М. В. Туриловой [Турилова, 2010], В. В. Колесова [Колесов, 2004] и т. д.

В исследовании Д. Н. Лоскутовой, выполненном в русле этнолингвистического направления, предпринята попытка комплексного описания народной медицины тамбовских крестьян в тесной взаимосвязи с языковым, ментальным и этнолингвистическим компонентами. Автором рассматриваются вопросы структурирования микрополей «Болезнь», «Больной, склонный к болезням человек», «Здоровый человек», «Лечение» как отдельных фрагментов лексико-семантического поля «Народная медицина». На материале говоров Тамбовской области в данной работе исследуются культурно-языковые образы таких заболеваний, как *атрофия, недоношенность, детская бессонница, ангина, грыжа, сибирская язва, лихорадочные заболевания*, анализируются внутренние связи, детерминирующие закономерности восприятия болезни. В составе лексико-семантической группы «Народная медицина» описываются семантические пространства трех выделяемых автором ключевых микрополей: «болезнь», «больной\здоровый», «лечение болезни» [см.: Лоскутова, 2010].

В целом, как показал анализ, формирование лексики народной медицины имеет длительную историю, что подтверждают многочисленные данные фольклорных, лингвистических и этнографических источников.

1.3. Этапы изучения этнографической и лингвистической составляющих в говорах юго-западной Брянщины

Исследование лексики диалектного языка с необходимостью предполагает учет не только семантического, но и территориального аспекта

функционирования языковых явлений, поскольку «ареал слова во многих случаях является одним из важных факторов формирования семантической структуры диалектного слова» [Осовецкий, 1982, с. 49]. Кроме того, нередко отмечаемый исследователями прерывистый характер границ использования той или иной лексической единицы связан с фактом постепенного затухания одного значения слова и заменой его каким-то другим содержанием. Причем у многозначного слова разные значения нередко имеют разный ареал своего бытования.

Система диалекта, как правило, вступает в соприкосновение с соседними диалектами и языками, в результате чего возникает экономическое, культурное, этническое взаимодействие. Лексика брянских говоров, в том числе медицинская, с необходимостью вступает во взаимодействие с лексикой территориально близких южнорусских говоров, а также с украинским и белорусским языками. В науке доказано, что в большей степени подвержены взаимовоздействию языки близкородственные, имеющие большое структурное и материальное сходство, а тем более – диалекты одного языка. Данное утверждение не является исключением и для взаимоотношений брянских говоров с соседними говорами и генетически родственными языками, взаимовлияние которых нередко обуславливает включение в говор или язык новых лексем, что стимулируется такими «внутренними» факторами, как наличие слаборазвитой синонимии в заимствующем говоре и потребность в экспрессивной синонимии и в эвфемизмах [см.: ОЯ, 1970, с. 286], а также внешними причинами, связанными с миграционными процессами в разные эпохи и с разной степенью интенсивности [см.: Бережняк, 2010, с. 63].

Брянская область как административная единица была создана после освобождения от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году [УкСЗ, 1956, с. 42-43]. До этого периода она территориально входила в состав соседних

Гомельской, Смоленской, Орловской и Черниговской областей, что во многом определило региональную специфику и характерную неоднородность брянских говоров. В разное время к изучению говоров Брянщины обращались известные историки, лингвисты и этнографы, которых привлекало приграничное положение этих мест.

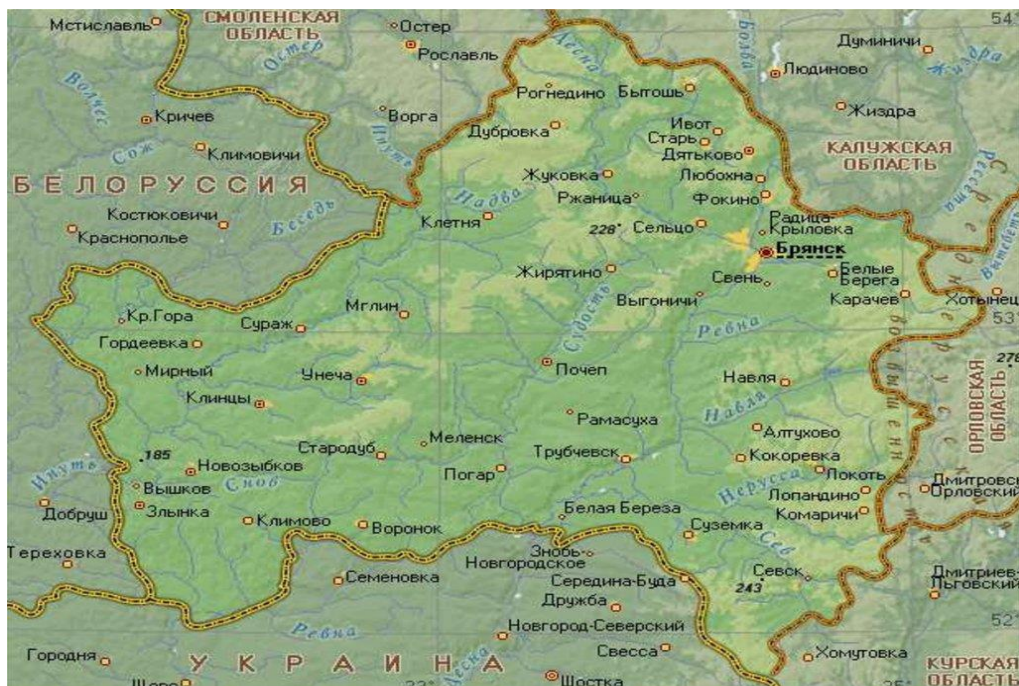

Рис.1 Карта Брянской области

Изучение различных уровней брянских говоров активно протекало со второй половины XIX в. Согласно данным, представленным в статье научного сотрудника Унечского краеведческого музея О. А. Антиповой, в архиве Географического общества хранятся две рукописи А. Сполохова, вероятно, являющиеся первыми письменными документами, отражающими особенности речи жителей Брянщины: «Местный словарь простонародного языка Орловской губернии, уездов Трубчевского, Брянского и Карачевского» (1850 г.) и «Этнографическое описание Орловской губернии, уездов Трубчевского, Брянского и Карачевского» [см. об этом: <https://museum-unecha.ucoz.net/publ/issledovaniya/issledovaniya/govory>].

Целым рядом исследований конца XIX в. во главу угла была поставлена не просто лексика говоров, но также изучение этнографии и этнолингвистики обширного региона, относящегося к Полесью, находящемуся на территории трех государств. В разные периоды брянскими говорами интересовались П. Н. Тиханов, Е. Ф. Будде, впервые попытавшиеся определить этимологию отдельных местных лексем, таких как *грызь*, *грызень*, *чемер* и др. [см.: Тиханов, 1904, с. 36; Будде, 1904, с. 143]. Изучением говоров Брянщины занимались также А. А. Шахматов, Е.Ф.Карский, А. И. Соболевский, Н. Н. Соколов, И. Р. Голанов и др., определявшие в качестве одной из первостепенных задач необходимость прояснения взаимоотношения брянских говоров с сопредельными говорами соседних областей.

Известная историческая полемика, развернувшаяся между Е. Ф. Будде и Е. Ф. Карским вокруг вопроса принадлежности брянских говоров, позволила ученым прийти к заключению, что «народный говор Брянского уезда» [Карский, 1905] восходит к древнему говору племени северян, когда-то заселявшему западную Брянщину и что он ближе всего к белорусскому языку [см.: Будде, 1905; Карский, 1905].

Первое серьезное лексикографическое описание брянских говоров было предпринято учеником А. А. Шахматова, профессором П.А.Расторгуевым в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» [СГЗБ, 1973]. Фундаментальная работа в данной области была продолжена в «Словаре брянских говоров», изданном под редакцией В. И. Чагишевой и В.А.Козырева [см.: СБГ, 1976-1988].

Следует отметить, что «Словарь народных говоров Западной Брянщины», составленный уроженцем города Стародуб П. А. Расторгуевым, содержит около 8 тысяч лексических единиц, собранных в 267 населенных пунктах. В данном лексикографическом источнике зафиксирована

диалектная лексика западных районов области, собранная под руководством автора, отражены характерные грамматические лексические и фонетические черты речи местных жителей [СГЗБ, 1973]. Работа П. А. Расторгуева над словарем, задуманным им ещё в 1903 году, началась в 1934 году и продолжалась в виде постоянного редактирования, внесения дополнений вплоть до 1954 года, когда словарь окончательно был подготовлен к печати. Однако его издание состоялось лишь в 1973 году.

П. А. Расторгуев, будучи преподавателем Новозыбковского государственного педагогического института, неоднократно выезжал в близлежащие районы Брянщины, имел постоянное общение с местным населением. На основе данных, собранных во время выездов в западные районы области, а также на основе фольклорных и печатных записей ряда исследователей (М. Н. Косич, Е. Ф. Будде, А. Н. Афанасьева, А. Ф. Полевого, М. В. Ушакова, Н. П. Тиханова, А. Д. Нечаева и др.), в словаре П. А. Расторгуева зафиксирован богатейший материал, отражающий историю словарного состава говоров западных районов Брянской области первой половины XX века.

Опираясь на собранный и проанализированный материал, П. А. Расторгуев выделил исследуемые им говоры в отдельную группу, обозначив их как «северско-белорусские», так как считал, что они наследуют говору славянского племени северян, когда-то располагавшихся на части территории Черниговской, Курской и Полтавской губерний. Ученый сближал племя северян с племенами вятичей и радимичей, считая, что их говор в своих общих чертах белорусский [СГЗБ, 1973].

Однако в дальнейшем ученый пришел к выводу, что изучаемые им западные брянские говоры, испытывая влияние русского литературного языка и южновеликорусских народных говоров, постепенно приобретают характер южнорусских. Впоследствии П. А. Расторгуев окончательно

определил говоры Западной Брянщины как «южновеликорусские (развивавшиеся в прошлом и развивающиеся в настоящем) на белорусской основе» [СГЗБ, 1973].

К числу лексикографических источников, зафиксировавших лексику Брянщины, относится разрабатываемый с 50-х годов XX века в Ленинграде «Словарь брянских говоров». Данный словарь относится к типу толковых недифференциальных словарей и является коллективным исследованием кафедры русского языка Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена, осуществлявшимся при активном участии и под личным руководством профессора В. И. Чагишевой, которая более 30 раз, начиная с 1951 года, выезжала на Брянщину, руководила работой по сбору и обработке материала.

В результате многочисленных экспедиций в различные районы Брянщины, начиная с 50-х годов прошлого века, на протяжении более чем 30 лет был собран богатый лексический, этнографический, фольклорный материал. Вся совокупность сделанного за тридцатилетний период позволила В.И.Чагишевой прийти к выводу о постепенном вытеснении белорусских явлений южновеликорусскими и охарактеризовать брянские говоры как «особую группу южновеликорусского наречия, обладающую известным единством, но при этом не представляющую единообразия» [СБГ, 1997]. Значимым результатом проведенных работ стала картотека, содержащая до полутора миллионов карточек, в которых фиксировались диалектные слова и выражения, а также их значения. Необходимо подчеркнуть, что участниками экспедиций на Брянщину также фиксировались многочисленные брянские частушки и обряды. Авторы планировали создать словарь полного типа, в который бы вошел основной словарный состав брянских говоров второй половины XX века. Однако в связи со смертью В.И.Чагишевой в 1981 году и начавшейся в стране перестройкой работа над

словарем была приостановлена. Было опубликовано лишь 5 выпусков словаря, после чего его издание остановилось на букве «Ж». Работа над словарем осталась незавершенной.

С 70-х годов XX века к работе над составлением словаря брянских говоров присоединились и сотрудники Брянского государственного педагогического института. Был составлен содержащий свыше 5000 словарных статей первый полный (от А до Я) Брянский областной словарь под редакцией Н. И. Курганской, издание которого состоялось в 2007 году. В словаре приводится толкование значений слов и их вариантов, а также фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Каждая лексическая статья иллюстрируется материалом, записанным в различных районах Брянской области, в том числе в районах, пограничных с Украиной и Белоруссией [БОС, 2007]. Работа над словарем продолжилась и после его первого издания. Брянский областной словарь в дополненном виде в своей окончательной редакции был переиздан в 2011 году [БОС 2, 2011].

Однако заинтересованность ученых Брянска местной лексикой не ограничилась только составлением и публикацией областного словаря. В работах брянских исследователей представлен интересный материал по обрядовой лексике местных говоров, сделаны своеобразные зарисовки трудовых и праздничных обрядов, наименований игр и т. д. [см.: Терешина, 1968 и др.]. В статье Г. А. Власовой содержится ценная этнокультурная информация о *кошуле*, *паневе*, *андараке*, *саяне*, *запоне*, *носовке* и т. д. Статья особенно интересна привлечением сопоставительных этнографических источников Белоруссии и Украины [см.: Власова, 1968].

Новозыбковским исследователем О. В. Белугиной глубоко и разносторонне изучена лексика зимнего и весеннего обрядовых циклов в фольклоре юго-западных районов Брянской области. Автор подчеркивает вытекающее из анализа материала важное положение о том, что изученные

ею районы, относящиеся к Восточному Полесью, «до сих пор во многом сохраняют архаичные черты духовной и материальной славянской культуры» [см.: Белугина, с. 4]. Исследователь раскрывает не только генетически русские обрядовые особенности (их структуру, функции, вариативность), но и их связь с обрядовостью Украины, с которой истари взаимодействовала история и культура Брянщины.

Вместе с тем, следует отметить, что лексика народной медицины на Брянщине до настоящего времени остается мало исследованной.

Так, во всех трех словарях брянских говоров, перечисленных выше, практически отсутствует лексика, относящаяся к народной медицине. Мы определили её фактическое отсутствие в словаре П. А. Расторгуева (за исключением лексем *гры́жа*, *гры́зь*, *почечу́й*, *кила́*). В Словаре брянских говоров под редакцией В. И. Чагишевой мы обнаружили всего 37 лексем, большинство из которых только условно можно охарактеризовать как наименования болезней в народной медицине (*ва́вка*, *бо́лька* и т. п.), а некоторые из представленных слов в настоящее время, вероятно, следует отнести к общеупотребительным (*гры́жа*, *ва́вка* и т.п.) [см.: СБГ, 1976, 1-4].

В первом издании Брянского областного словаря» под ред. Н.И.Курганской приводится лишь несколько словарных статей, имеющих отношение к лексике народной медицины. Ср.: *гры́злы* – зубы, *гры́зь* – грыжа, *кила́* – грыжа, *глу́зд* – ум и др. [БОС, 2007, с. 27, 41].

Во второе, дополненное, издание словаря под ред. Н. И. Курганской были включены собранные нами непосредственно в юго-западных районах Брянской области и опубликованные в ряде научных статей (2007-2013 гг.) лексемы *почечу́й*, *пра́нцы*, *че́мер*, *скула́*, *косто́д*, *ногто́д*, *во́гник* и др. [БОС 2, 2011].

Необходимо подчеркнуть, что интерес автора настоящего диссертационного сочинения к лексике народной медицины, представленной

в говорах юго-западной Брянщины, обусловлен, прежде всего, тем, что автор является практикующим врачом и уроженкой г. Новозыбков Брянской области, с детства слышавшей живую диалектную речь изучаемых говоров. Окрестности г. Новозыбков, в том числе и село Новое Место, в котором жили предки автора данной диссертации, представляют собой большой интерес с лингвистической точки зрения, поскольку данная местность характеризуется древнейшими исторической и культурной составляющими, связанными с историей становления русской государственности.

Рис. 2 Юго-запад Брянской области

Согласно исторической справке, данные территории издревле являлись своеобразными «переходными зонами» для различных племенных союзов и этносов, поскольку располагались между основными местами расселения славянских (и не только) племен [Кублицкий, 2001, с. 4-9; Вольный, 1989, с.3]. Примерно к 7 в. н. э. среди балтского населения этих мест, на западе будущей Брянской области, в полесьях появились поселения радимичей, чьи земли занимают также Белорусское и Смоленское Посожье, в связи с чем начал происходить быстрый процесс ассимиляции древнего балтского населения [см.: Кублицкий, 2001, с. 5-6, 8; Коробко, 2019, с. 10-12]. Как

отмечает летописец, «и радимичи, и вятичи, и северяне один обычай имяху». [Повесть временных лет, 1996, с. 84]. И если кривичи прибыли на Брянщину с севера, северяне – с юга, то радимичи и вятичи, вероятнее всего, с юго-запада [см.: Лихачев, 1996, с. 124-158].

В конце IX – начале X вв., в связи с тем, что Брянские Земли перешли в состав Киевского государства, со стороны Чернигова на Брянщину пришли дружины киевских князей, за которыми в глубь данной территории начал продвигаться поток поляно-русских переселенцев [см.: Кублицкий, 2001, с. 3-6, 8; ср.: Лузик, 1992, с. 5-6]. Согласно Лаврентьевской летописи, на третий год после того, как князь Олег овладел Киевом, «иде Олег на северяне и победи северяны и възложи на нь дань легьку» [ЛавЛ, 1997, с. 382].

Таким образом, население Среднего Подесенья уже изначально было неоднородным, а сами границы обитания славянских племен были изменчивыми, поскольку продолжалось освоение местности. В процессе формирования единого древнерусского государства и общей народности появлялись новые границы, отличные от племенных разграничений [Кублицкий, 2001, с. 5-9, 10].

К концу первого тысячелетия территория Брянщины была поделена между пятью восточнославянскими военно-племенными союзами, среди которых оставалось немногочисленное балтское население. Как считают историки, большую часть территории современной Брянщины занимали радимичи [Кублицкий, 2001, с. 5-7; ср.: Коробко, 2019, с. 10].

В разные периоды российской истории западные брянские территории входили в состав Удельного Брянского княжества, Новгород-Северского княжества, Черниговского княжества, Литвы. В XVI-XVII веках брянские города неоднократно подвергались разграблениям после нападений татар и польско-литовских князей [см.: Кублицкий, 2001, с. 24, 29-30; ср.: Вольный, 1989, с. 3; Лузик, 1998, с. 49 и др.].

По окончании Смутного времени, в 1618 году, западные районы Брянщины отошли к Речи Посполитой, что привело к изменению состава населения этих районов, возникновению конгломерата различных языковых групп. Возвращение Брянского пограничья в состав России состоялось в 1667 году одновременно с вхождением в состав России Левобережной Украины [Кублицкий, 2001, с. 25; Коробко, 2019, с. 12].

Это объединение послужило новым толчком к развитию приграничных юго-западных районов Брянщины, активно заселяющихся казачеством и служилыми людьми. Так, село Новое Место изначально было основано как сотенное село Стародубского полка, а в 1797 году присоединено к вновь образованной Малороссийской губернии в качестве заштатного города Черниговской губернии [см.: Лазаревский, 2006, с. 474]. Реформа, проведенная патриархом Никоном в XVII веке, вызвала бегство раскольников из Москвы в Урочище Зыбка, открывавшее речной путь на юг России, что и послужило поводом для основания старообрядцами города Новозыбков [Гумилевский, 2011, с. 86-89; Лузик, 1993, с. 4; Вольный, 1989, с.3-5].

До 1919 года Новозыбковский уезд относился к Черниговской губернии. С 1919 года он находился в составе Гомельской губернии. В 1925 году Гомель и ряд прилегающих к нему районов были включены в Белорусскую ССР, а город Новозыбков с прилегающими к нему селами вошел в состав Брянской области. В 1929 году была создана Западная область с центром в городе Смоленск и к ней был присоединен Новозыбковский район, находившийся в составе Орловской области до 1944 года [История Брянского края, 2003, с. 71-79, 110-12, 238; Лузик, 1998, с. 49].

5 июля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была вновь образована Брянская область. С тех пор внешний вид области остался неизменным [см.: СЗ, 1956, с. 41-42; История Брянского края, 2003, с. 238-

243, 290-293, 308].

Исторические события, связанные со становлением Брянщины, а также её приграничное положение между славянскими государствами, у которых, согласно Радзивилловской летописи, изначально был «род един и язык един» [Полное собрание русских летописей, т. 38, с. 11], способствовали тому, что здесь сформировался и все ещё сохраняется пласт богатой народной культуры, уходящей своими корнями в глубокую древность.

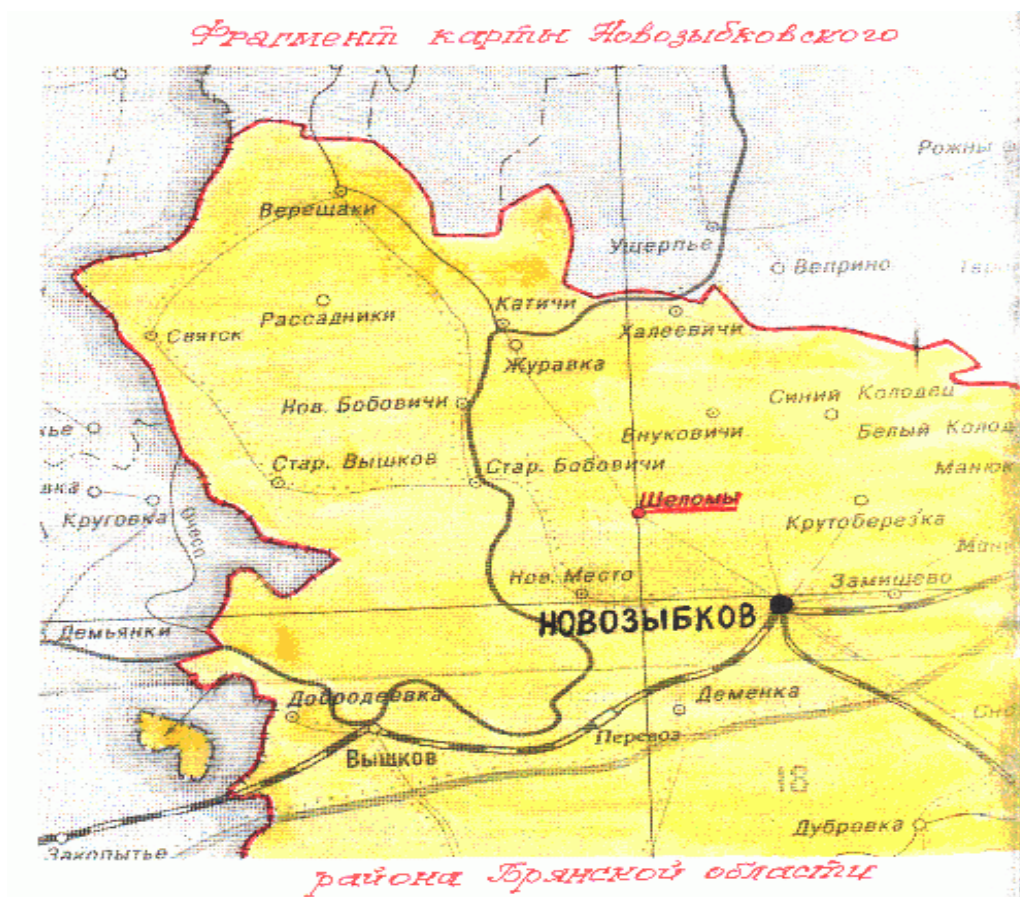

Рис. 3 Фрагмент карты Новозыбковского района Брянской области

Особенно это заметно на примере лексической и этнографической составляющих народной медицины, которые, несомненно, требуют всестороннего изучения. В этом плане особенно интересны юго-западные территории брянского приграничья как вобравшие в себя всю

многогранность восточнославянского триединства.

Народная медицина – наиболее древняя, первичная область человеческого знания, полученного, как правило, эмпирическим путем и затем закрепленного в многочисленных лексических, фольклорных и обрядовых символах. Согласно определению, данному В. И. Харитоновой, под термином «народная медицина» понимается сфера традиционной крестьянской культуры – комплекс устных медицинских знаний, базирующийся на представлениях о человеке как части природы и космоса [Харитонова, 1993, с. 10]. К особенностям изучения языкового материала, связанного с народной медициной, следует отнести его сохраняющуюся сакральность и закрытость для большинства населения.

Как показали проведенные исследования, обычно информант знает некоторые наименования отдельных болезней, знакомых ему главным образом в силу того, что он сам перенес какое-то из них или же ими болели его близкие. Также в сельской местности, главным образом, среди старого населения на бытовом уровне ещё иногда отмечается применение отдельных способов предупреждения и лечения наиболее простых и частых заболеваний: травм, порезов, ушибов, «порчи», болезней зубов и рожистого воспаления. Во всех более серьезных случаях, по словам носителей местных говоров, надо «идти к бабке», «искать бабку». Иногда обращению к народным целителям предшествуют безуспешные попытки обращения за помощью к официальной медицине. Вместе с тем, наиболее возрастные информанты, в силу того, что в детском возрасте из-за различных причин (отсутствие возможности добраться до города, военные действия и др.) их неоднократно лечили сельские лекари, могут не только перечислить большое количество слов, относящихся к народной медицине, но и воспроизвести отдельные заговоры, описать способы и методы лечения, которые при этом применялись. Тем не менее, наиболее полной информацией, касающейся

народной медицины, конечно, обладают непосредственно сами сельские целители, которых с каждым годом остается все меньше. Так, из трех «бабок», с которыми нам удалось побеседовать, в настоящее время остались только две: Варвара Даниловна Ханаева (село Старые Бобовичи) и Раиса Сергеевна Вицентий (ранее проживавшая в с. Лужки, переехавшая в село Большое Полпино). Валентина Дмитриевна Куприенко (село Замишево) уже умерла. Важным источником информации также являются ближайшие родственники таких целителей (дети, внуки), при условии, что они захотят поделиться ею с исследователем.

В связи с вышеизложенным, при сборе материала автору настоящего диссертационного исследования неоднократно помогала его профессия врача. Информанты чувствовали заинтересованность автора темой беседы, а практикующие народные целители, видя коллегиальное и уважительное отношение к себе, быстро переходили к «профессиональному» общению, обсуждению случаев различных заболеваний.

Однако следует отметить, что в половине обследованных населенных пунктов (Перевоз, Карна, Корчи, Манюки, Калиновка, Новые Катичи, Вышков, Гута, Дёменка, Добродеевка) ни одного информанта, владеющего лексикой народной медицины, нами выявлено не было.

Лексику народной медицины удалось собрать только в 12 из обследованных нами сел юго-запада Брянщины: Новое Место, Замишево, Тростань, Старые Бобовичи, Новые Бобовичи, Шеломы, Катичи, Вихолка, Верещеки, Величка, Рудня, Лужки (всего 73 информанта), а также в городе Новозыбков (35 информантов) и в селе Большое Полпино (7 информантов). Говор села Большое Полпино, расположенного в Брянском районе, исследовался нами в связи с тем, что там проживают семьи переселенцев из юго-западных районов Брянской области. Вместе с тем, материал по лексике народной медицины в данном селе нам удалось собрать только у

потомственной народной целительницы Вицентий Раисы Сергеевны 58 лет (ранее проживавшей в с. Лужки Климовского района), поскольку остальные опрошенные нами информанты народной медицинской лексикой практически не владеют.

Всего в рамках данной работы нами было опрошено 115 информантов.

Материал для исследования собирался нами на протяжении 12 лет с 2007 по 2018 год.

На основе собранного материала можно сделать вывод, что жителям исследуемого региона свойственны многие черты южных говоров:

– аканье (ср.: *То адна и та же малитва, ана табе, врачу, лехкости даст*);

– окончание [т'] в 3-м лице единственного и множественного числа глаголов (ср.: *Вот тады яна им и говóрить – пусть у храм идúть и нясу́ть на пóмин за ма́тку ти меду, ти конхвéкт*);

– произношение на месте буквы ф звука [хв] (ср.: *Як яго звали? Хвамилия у няго была Брыль, а можа ж то и проздвишче. Хвортку затвори, дуе*);

– наличие форм *табе* и *сабе* в дательном и предложном падежах (ср.: *Я же табе кажу – иде-то я еще ат водки давала хреснику свайму... А ён сам по сабе жив, никóго не впускав*);

– диссимиляция (ср.: *ампетицúт, ндрáвиться, калидóр, просквúрка* и др.);

– наличие безударного окончания - *ы* у существительных среднего рода с твердой основой в форме именительного падежа множественного числа (ср.: *Усе óкны позачиня́ли*);

– произнесение на месте долгих звуков [ш] и [ж] звуков [ш'ч'], [шч] и [ж'д'ж], [ждж] (ср.: *Я табе ишчо пошчу, я ж позапúсывала вот эта вот, а што гаварúть – забыла. А ён вожджи и не держит*);

- совпадение безударных окончаний 3 л. мн. ч. у глаголов I и II спряжений (ср.: *Усе пишуть, пишуть, а ти што делают? А как спякуть, носють святить паскву*);

- фрикативное образование звонкой задненёбной фонемы [ʒ] и ее чередование с [x] в конце слова и слога (ср.: *А Бох яго знаё! Смог бы, дак сдэлав!*);

– отсутствие произношения [o] на месте безударного е (яканье) (ср.: *Раньше дэвкi вянкi [в'анки] у ряку кiдали. Вяснóй[в'асной] усё сеяли. Ты сор вiняс [вын'ас] ти не?*);

- произнесение, как и в литературном языке, на месте бывшего ħ звука [ʼэ] (ср.: [в'эт'ър], [л'эс]);

- отсутствие случаев утраты интервокального j и последующих изменений в сочетаниях гласных и появление его в иноязычных словах (ср.: *акарди[jo]н, шпи[jo]н*);

– наличие особых форм личного и возвратного местоимения с окончанием -e в родительном и дательном падежах и различие основ родительного падежа в сравнении с дательным падежом (ср.: *У менé крэпко свётлая хата была, дак ко мне усе петь хадiли. Придвiнь мiску к собé и сiляй, у тебé гушчи мнóга*);

– неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных в первом предударном слоге (ср.: [сабака], [тасовка], [малитва], [близарук]), во втором предударном слоге (ср: [мълако], [късаглаз]); в заударных слогах (ср.: [выдъл], [баба] или [бабъ], [надъ] или [нада]) и др.

Диалектизмы, употребляемые в говорах юго-западной Брянщины, разнообразны с точки зрения происхождения и структуры. Среди них выделяются диалектизмы фонетические (*хвामीля, просквiрка, пуцай* и др.), словообразовательные (*кiльки* – «пальцы рук», *поссыкун* – «недержание мочи», *ачаврев* – «поправился, выздоровел» (произв. от «чрево») и

др.), морфологические (*к собѣ, ѣздють, балѣсть, нѣсють* и др.), собственно лексические (*киюшка, прѣнцы, шукать, отчинять, бурѣк, ятреб, богдѣночка* и др.), семантические (*гулять* – «играть», *крѣнко* – «очень», *мѣтка* – «родинка», *юшка* – «дымоход», *топить* – «обогревать», *отвѣдать* – «посетить» (больного) и др.), этнографические (*чепелѣ, прѣльник, загнѣтка, грубка, махѣтка, прѣсла* и др.), фразеологические (*хѣмины (ты) кѣры* – «глупый человек», *лѣдырь от комлѣ* – «ленивый от рождения», *халимонѣ в головѣ* – «глупости в голове», *с глузд сошел* – «сошел с ума», *хѣже гѣрькой рѣдки* – «очень неприятно» и др.), синтаксические (*топится печь; не пали свет, и никто не шел, как я яго отвѣдала* и др.).

Следует отметить, что в современный период происходит рост языкового сознания носителей исследуемых говоров, что, в свою очередь, стимулирует появление изменений в составе их лексики, в том числе медицинской. Как известно, классики отечественного языкознания неоднократно писали об изменениях в русском языке. Так, например, И. И. Срезневский главным законом в жизни языка считал закон его самоизменяемости [см.: Срезневский, 1959, с. 101-105]. Лексика не только общенародного языка, но и говора характеризуется постоянными изменениями количественного состава словесных единиц, а также изменениями отношений между элементами лексико-грамматических групп (ЛСГ). При этом лексика народной медицины не является исключением. В исследуемой лексике представлены в том числе два лексических пласта, характерных для общенародного языка: архаизмы и неологизмы.

Как показали данные диалектологических экспедиций, в последнее время у многих носителей местного говора совершенно очевидно начало проявляться языковое сознание, что, несомненно, свидетельствует о растущей духовной культуре сельских жителей. Обнаруживается стремление информантов не просто пояснить значение того или иного местного

медицинского слова, его семантики и формы, но сопоставлять данную информацию с терминологией общенародного типа. Ср.: «*знахарку у нас еще звали ведьма*»; «*шептуха тоже у нас говорят*»; «*шептунья, ведунья, ведьма – все одно*» (Вицентий Р. С., с. Б. Полпино); «*Костоёд – это остеомиелит по-научному*»; «*Инсульт – это по-русски*» (Куприенко В. Д., с. Замишево) и т. д.

Следует отметить, что в ходе беседы с носителями исследуемых говоров обнаруживалась определенная закономерность: сельские жители сравнивали свой говор с другими говорами, а также с литературным языком. В сознании незначительного числа информантов содержится даже информация о диахроническом аспекте функционирования терминов, указание на переход некоторых из них в разряд устаревших слов. Как устаревшая отмечается, например, лексема *сласту́н* – детское заболевание, связанное с выделением липкой жидкости из ушей младенца (Торбик М. М., с. Лужки) Встречаются также пояснения, связанные с возрастом информанта: «*Старикі говóрят почечу́й...*» (Польникова Г. И., с. Новое Место) и т. п. Однако следует отметить, что таких пояснений не так много.

Как известно, для территориального говора, в силу невысокой грамотности населения, характерно несовершенство речи, несоблюдение норм и правил литературного языка, в связи с чем в местной речи происходят изменения звукового облика многих книжных слов, терминов, в том числе и терминов медицины, обозначающих болезни, обусловленные «неточностью воспроизводства». Как отмечал Н. В. Крушевский, «вместо менее удобопроизносимой звуковой группы мы часто подставляем более удобопроизносимую, которая не является изменением одного звука в другой, а простая подстановка одного вместо другого» [Крушевский, 1876, с. 53; Крушевский, 1892].

Изучение состояния медицинских знаний носителей брянских говоров

в настоящее время позволяет утверждать, что большую роль в развитии лексики народной медицины в исследуемых говорах играют не только экстралингвистические факторы, обусловленные бурным развитием медицинской науки, но и повышение медицинской грамотности сельского населения. Так, в процессе сбора материала нам пришлось неоднократно сталкиваться со стремлением информантов не просто пояснить значение того или иного местного медицинского слова, его семантики и формы, но сопоставить эту местную информацию с терминологией общенародного типа.

Следует отметить, что ученые всегда отдавали должное литературному языку как языку, имеющему письменность. Так, например, А. А. Потебня подчеркивал, что письменность действует с удвоенной силой в сравнении с «изустным языком»: письменная мысль усложняется, совершенствуется несравненно быстрее устной. По мнению исследователя, сложная работа мысли невозможна без письменности [Потебня, 1962, с. 56]. Процессу овладения местным населением медицинской терминологией, несомненно, способствует давно протекающий в нашем обществе процесс нивелировки говоров под воздействием литературного языка, отраженный, в частности, в работах Л. И. Баранниковой и др. [см.: Баранникова, 1967; 1970; 1974; 1977].

На современном этапе происходит активное взаимодействие исследуемых говоров с русским литературным языком, характеризующееся присутствием промежуточных образований – полудиалекта и локальных вариантов литературного языка, что ещё раз подтверждает слова В.В.Виноградова о том, что «между диалектами и литературным языком существует сложная цепь взаимоотношений ... интердиалекты, полудиалекты, разговорное междиалектное койне» [Виноградов, 1967, с. 62; ср.: Виноградов, 1938, с. 54].

Термин полудиалект (калька с немец. *Halbmundart*) подразумевает «результат объединения в одном типе речи диалектных и литературно-языковых черт, иногда с примесью просторечия» [Крысин, 2004, с. 21]. В Брянской области данный термин применим, прежде всего, к речи жителей города Новозыбков, представителей первого или второго поколения горожан, переехавших в город из окружающих его близлежащих сел. Как отмечает Т.С.Коготкова, «полудиалекты представлены устной речью населения небольших городов, расположенных на территории тех или иных диалектных групп» [Коготкова, 1977, с. 77-103; ср.: Коготкова, 1979, с. 21].

Вместе с тем, по нашим наблюдениям, на полудиалекте могут говорить представители более молодого поколения сельских жителей, имеющие среднее специальное или даже высшее образование (агрономы, учителя), представители сельской интеллигенции. Стремление «облагородить» свою речь, в первую очередь, характерно для людей более образованных (вне зависимости от их возраста) и лишь затем – для более молодых селян, получивших неполное или полное среднее образование.

По словам В. М. Жирмундского, полудиалекты «...являются привычным средством речевого общения с теми, кто не являются уроженцами данной местности или, как «образованные», говорят на литературном языке» [Жирмунский, 1956, с. 27-28; ср.: Жирмунский, 1968, с.56].

Тем не менее, даже при прекрасном владении литературным языком, как это отмечал еще А. А. Шахматов, «уроженцы той или иной местности... в особенности те, которые научились литературному языку преимущественно из книг и из школы, не употребляя его с малолетства, сохраняют в своем произношении ряд местных областных черт» [Шахматов, 1941, с. 94-95]. Так, у опрошенных нами жителей г. Новозыбков, имеющих высшее образование, сохраняются такие характерные местные речевые

отличия, как фрикативное образование звонкой задненёбной фонемы [ʒ] и ее чередование с [x] в конце слова и слога; неразличение гласных неверхнего подъема после твердых согласных и даже отдельные примеры диссимилиации (*просвірка, просквірки* и др.). Весьма распространенными в речи горожан оказались синтаксические, семантические и фразеологические диалектизмы.

Таким образом, для взаимодействия исследуемых нами говоров с литературным языком характерно усиление влияния последнего, что отражается не только в частичном замещении диалектных форм на литературные в речи наиболее образованных и молодых информантов, но и в наблюдающемся прогрессивном нарушении единства самой системы говора как совокупности коммуникативных средств. Роль социального фактора также весьма важна для сохранения (либо утраты) местных диалектных черт.

ВЫВОДЫ

Обобщая изложенное в первой главе диссертационного исследования, можно сделать следующие выводы.

Понятие «диалект» представляет собой разновидность конкретного языка, употребляемую в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Территориальный диалект – это разновидность общенародного языка, которая служит средством общения людей на определенной территории и характеризуется различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике. Основной единицей территориальных диалектов и минимальной ареальной единицей является говор – язык одного или нескольких населенных пунктов, однородных в языковом отношении.

Сложность диалектного членения языка отражается в ряде названий

ареальных единиц, к числу которых относится наречие – наиболее крупная единица диалектного членения, представляющая собой совокупность территориальных диалектов, объединённых общими признаками. В русском языке выделяют Северное и Южное наречия, между которыми располагается сочетающая черты обоих наречий полоса среднерусских говоров, включающих в себя более мелкие объединения – группы говоров.

Диалектный язык представляет собой теоретически моделируемое образование, не имеющее реальной коммуникативности и прямой взаимозависимости составляющих его элементов, но характеризующееся наличием определенных системных соответствий. На уровне конкретного говора диалектное слово обладает реальным планом содержания, который может быть назван реальной семантикой. На уровне языковых макросистем различного уровня та же лексическая единица обнаруживает конструктивную семантику, свойственную языковым образованиям, объединяющим несколько частных языковых образований, которые обладают потенциальной коммуникативностью и характеризуются определенными системными соответствиями. Наречие, а также такие диалектные макросистемы, как диалектные зоны, группы говоров, диалектные группы, обладают конструктивной системностью. Конкретному говору свойственна реальная системность. Диалектный язык отличается сложностью системной организации. В лексике говоров наблюдаются языковые явления, характерные для любой языковой системы, в том числе парадигматические (отношения полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, таксономии), синтагматические и деривационные связи и отношения.

Система диалекта вступает в соприкосновение с соседними диалектами и языками, в результате чего возникает экономическое, культурное, этническое взаимодействие между разными диалектами. В большей степени подвержены взаимовоздействию языки близкородственные, имеющие

большое структурное и материальное сходство, а тем более – диалекты одного языка. Лексика брянских говоров, в том числе медицинская, вступает в тесную взаимосвязь с территориально близкими ей южнорусскими говорами, а также с украинским и белорусским языками.

Особенности исторического развития диалектного языка определили наличие в русских народных говорах закона экономии речевых усилий в живой речи, нередко реализующегося посредством суффиксации, в результате которой лексические единицы общенародного языка, а также научные термины, трансформируясь под влиянием диалектного употребления, нередко приобретают сниженный оттенок в народной речи. В лексике народной медицины действие закона экономии речевых усилий в большинстве случаев реализуется через общенародные заимствования из латинского языка путем замены латинских громоздких образований народными медицинскими номинациями. Еще одной особенностью диалектной речи, в том числе связанной с народной медициной, является экспрессивность и образность.

Народная медицина представляет собой древнейший вид профессиональной деятельности, сочетающей опыт традиционного знания и систему лечебно-профилактических приемов, направленных на избавление человека от болезни и восстановление его здоровья. Существенный пласт языковых единиц в лексике народной медицины принадлежит наименованиям болезней. Данный лексический слой восходит к глубокой древности. Народно-медицинское слово отображает наиболее характерные особенности предмета или явления таким образом, как представляли их древние люди. Первичные медицинские представления древнего человека были стихийно-материалистическими, а впоследствии стали онтологическими. В понимании древних развитие заболевания чаще всего было связано с наличием непосредственного, физического нарушения

целостности человеческого тела и реже – с опосредованным воздействием на человека, в том числе при помощи враждебного человеку потустороннего, персонифицированного зла. Представление болезни в виде некоей сущности способствовало развитию предупредительной магии (тотемных знаков, амулетов, жертвоприношений с целью задобрить или одолеть опасную болезнь и т. д.), в результате чего произошло постепенное объединение функций жреца и целителя, а само понимание причин возникновения болезни сместилось в религиозную сферу.

Первые попытки фиксации сведений о различных заболеваниях стали предприниматься на Руси с появлением письменности и были связаны, прежде всего, с поиском народно-медицинских аналогов латинским и греческим наименованиям болезней. Еще в Древней Руси появились такие письменные медицинские источники, как зельники, врачбники, лечбники, целебники, травники и др. Впоследствии при составлении таких лечбников все больше и больше начинало сказываться влияние византийской и западноевропейской медицинской литературы, а народная составляющая их уменьшалась.

На рубеже XVII-XVIII вв. появились первые переводные книги, посвященные медицине. Начало формирования в России профессиональной медицинской литературы относится к концу XVII века.

В XIX веке происходило накопление значительного количества материала в области этнографии, фольклористики, лексикологии, истории, в том числе связанного с медициной. Со второй половины XIX века начинается обобщение и систематизация накопленного материала, его анализ, а также начинают публиковаться заговорные тексты и некоторые лечбники XVII-XVIII вв., разрабатываются этнографический и мифологический компоненты народной медицины. В XIX-XX вв. исследователями формировались списки областных слов и выражений,

характеризующих местные говоры. В последние десятилетия в отечественном языкознании получил распространение многоуровневый подход к исследованию лексической составляющей народной медицины, которая как системное образование подвергается всестороннему анализу с точки зрения этимологической реконструкции, структурно-семантического, этнолингвистического, лингвосемиотического и лингвокультурологического подходов. Со второй половины XIX в. осуществляется изучение лексики брянских говоров, а также этнографии и этнолингвистики обширного региона, относящегося к Полесью, находящемуся на территории трех государств. К числу лексикографических источников, зафиксировавших лексику Брянщины, относятся «Словарь народных говоров Западной Брянщины» П. А. Расторгуева, «Словарь брянских говоров», разрабатываемый с 50-х годов XX века в Ленинграде, «Брянский областной словарь» под редакцией Н. И. Курганской (2007 г., 2011 г.). При этом лексика народной медицины на Брянщине до настоящего времени остается мало исследованной.

Исторические события, связанные со становлением Брянщины, а также её приграничное положение между славянскими государствами способствовали тому, что на исследуемых территориях сформировался и все ещё сохраняется пласт богатой народной культуры, уходящей своими корнями в глубокую древность. Особенно это заметно на примере лексической и этнографической составляющих народной медицины, которые требуют всестороннего изучения. В этом отношении особенно интересны юго-западные территории брянского приграничья, вобравшие в себя всю многогранность восточнославянского триединства.

Глава II.

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАИМЕНОВАНИЯХ БОЛЕЗНЕЙ ГОВОРОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ

2.1. Тексты заговоров как важнейший источник для изучения наименований болезней в говорах юго-западной Брянщины

Как показали проведенные исследования, для анализа языковых единиц тематической группы «Наименования болезней», представленных в говорах юго-западной Брянщины, большое значение имеет обращение к текстам заговоров от разных болезней, поскольку исследуемая лексика нередко употребляется в таких текстах. Кроме того, для изучения наименований болезней весьма важно обратиться к этнографическому аспекту, который ярко представлен в заговорных источниках.

В текстах заговоров, характерных для говоров юго-западной Брянщины, народные лекари нередко обращаются к пантеону Святых, который совмещает в таких текстах христианские и остаточные языческие верования. О наличии двоеверия как базиса русского народного мировоззрения раннехристианской эпохи и дальнейшего стойкого сохранения отголосков этого двоеверия на протяжении последующих веков (вплоть до недавнего времени), говорили А. Н. Афанасьев, Н. И. Толстой, С.М.Толстая, Б. А. Успенский, Н. В. Крушевский, В. Н. Топоров, П.С.Ефименко и др. Наиболее полно этот удивительный симбиоз воплотился в фольклорных произведениях и, в частности, в заговорах, сакральным образом читаемых сельскими знахарями с целью излечения от различных

заболеваний или для их предупреждения.

При этом сами целители четко различают «отрицательную» (чисто языческую), темную, колдовскую и «положительную» (окрашенную присутствием христианской составляющей) семантику используемых языковых единиц и определяют первые тексты как заговóры, а последние – как молитвы: 1. //Мене сглазили, так на правой руке три чёрки сядéло. Мене резали. Бабушка мне раз посмотрела и сразу и прошло. Она какую-та молитву читала. Я не знаю, какую она молитву читала// 2. //Скула, скулица– это бывает от изглаза или от наговóра. Могут наговорить тебе это. – Эту скулицу – её куда-то отсылают? – Нет, её просто вышёптывают. Тоже заговóр от скулы какой-то есть. Скула, скулица.../ а дальше я не знаю. Я молилася Богу, а заговóром я не увлекáлася// (Выкачко К. Н., с. Новое Место); //У каго у-дому недорáйда, или вот, вочи осляпляются, тады шептáть нада. Шептуха малитву прочтэ и помогáе// (Торбик М.М., с. Лужки) 1.//Одна наверно бабка такé молитвы читáе, другá такие. Одна шéпче так. Другая шепче так// (Куприенко К. Н., с. Замишево).

Также в качестве примера подобного восприятия приведем записанный нами в селе Замишево Брянской области заговор от грыжи, применяемый народной целительницей Куприенко Валентиной Дмитриевной, и последующее объяснение ею своих действий: 1. //А грыжу тожа-ш лечат, вот молитвы есть. Вот, читаешь Отче наш и малитву. А ты тень тенище, грызь грыжыще, вас трети девять грызей. Ты самая старейшая, большая, унимай своих сестёр// 2. // Скулицу эту. Ну эта-ж малитвами тоже лечут. Як хто заболее другий раз, погляжу – подскажу, дак на мене и говорят, шо я ведьма! Ты понимаешь шо? Якая я ведьма? А я болею, а кто мне што дéлае? А? ты понимаешь што? Я-ш читаю, во... шо иногда и сабе вот понадобица, шо б меньше мне ходить по бальницах// 3. // Дети, кричат и надо им... а что у них балит – никто ничёго не знае. Тожа малитву читают, я ж не

знаю её. Это-ш если б вот были' старые люди. Вот, например, мая ма́тка, тётка Кули́на/ вот етые б знали. Ты знаешь, еты мне уже балячки надоели мои, вот я и читаю от них и вутром и вечером, и вутром и вечером! Вот если встаю часов у шесть, я пока не помолю́ся там, читаю акафист Багородицы, Царица Мать Небесная ета ... Малитовку Михайла Архангела у мяня е/ читаю малитавку маленькой Матрёнушке / читаю. Я нико́му не говорю, што я читаю. Эта моё дело! Хочу я – читаю, хочу – не читаю! Деўки разговаривают у бальнице, а я уже стишу́сь // во так перекрешиу́ся кода сподтишка, и читаю, што помню. Господь помогаете пока. Поддерживает! Да// (Куприенко В. Д., с. Замишево).

Также четко народ прослеживает «положительные» и «отрицательные» характеристики самих целителей, различая последних по способу воздействия на обычного человека, принесению вреда или пользы последнему: //Кілу, я знаю, привешивают знахари// (Медведева В. М.); //Зна́харку у нас ещё звали ве́дьма. Знахарки всегда были ведьмами. Ведьма – это не всегда плохо. Есть белые, есть черные. Веду́нья ещё звали – много ведает, много знает, значит. Ну, шепту́ха тоже у нас говорили. Шептуха, зна́харка, веду́нья, ве́дьма. Или знаха́рка говорили или зна́харка// (Вицентий Р.С., с. Большое Полпино).

Присутствующие в народных заговорах «мотивы из канонических или апокрифических текстов буквально растворяются в стихии мифологического субстрата» [Юдин, 2006, с. 130]. В связи с последним нам представляется интересным проследить сложную парадигматику именных отношений, связанных с каждым сюжетным мотивом, присутствующим в текстах собранных нами брянских заговоров.

Следует отметить, что связанные между собой разноуровневым сочетанием отношений парадигмы имен и сюжетов сформировали сложную и запутанную систему сюжетно-ономастического пространства заговоров,

поскольку на раннем этапе принятия христианства языческие «божества» нередко ассоциировались в народном сознании сразу с несколькими христианскими Святыми. В итоге имя христианского Святого как имя собственное вступало в сложные лексические, этимологические и семантические отношения, специфика которых, в конечном итоге, определялась сочетаемостью данного имени с «опустевшим» местом древнейшего мифологического сюжета, «хранящем память о персонаже мифа, чье имя утрачено народной памятью» [Юдин, 2006, с. 131].

В исследуемых нами текстах присутствуют различные мотивы духовной и физической защиты-исцеления от наиболее часто встречающихся в настоящее время заболеваний. Так, мотив загрызания/ перегрызания болезни характерен для достижения желаемого исцеления от различных видов паховых и пупочной грыж: *//Гры́зю грызут я знаю//* (Панова М.А., Шеломы); *//А грыжу тожа ш лечат, вот молитвы есть и как её лечат? Грызут? – Да. Вот, читаешь полностью Отче наш. И малитву: А ты, тень тенище, а грызь грыжыще, вас трети девять грызей. Ты самая старейшая, большая, унимай своих сестёр. Ты галавная, мозговая, ты житейская, потолочная, костевая, горловая, ты утренняя, полунутренняя, ты сердцевая, паховая, подъёмная, потешная, ты урочная, приговорная, ты колючая, болючая, пахлючая, вонючая, я вас всех угавариваю и заговариваю, выговляю и вытаптываю. Не я сама собой, а с Господом Богом, Божией Материю, с Иоаном Крестителем. Приступись Иоан Креститель рабе божей (и тады имя говоришь) выговаривать и заговаривать злую, грузющую, колючую, болючую, томлючую, у рабы (опять имя говори). Вы, грызи, до сих пор бушевали, покуда моего слова не чува́ли. Моё слово такое крепкое. И тебя грыжа высылаю, вымавляю на темные леса, на топкие болота. И там тебе, грызища колючая, болючая, столы понакрываты, кубки поналиваты. Там тебе пить и гулять, а рабе божией (опять говори имя) не*

волновать. Сядь на место и на золотое кресло, уложись тихонько, легонько. Яко солнце святое вокруг землю обходит и на своё место заходе, так и ты, злая, колючая, болючая грызюща на своём месте остановися, откуда ты вышла, остановися и никуда не шевелися. У рабе (повторяй снова имя того, кто с грыжей) тихонько улажися. Ты/ Святая Троица и Святой Дух/ прими мой лёхкий дух. Аминь// Или вот ещё так можно. Это мне женынына из Клинцов молитву дала. Месяц прибывать, а грыже не бывать. Я не пун грызу, а грыжу выгрызаю. Аминь// (Куприенко В. Д., с. Замишево); // Ад-грыжи как-то есть заговор такой/ но я не знаю. Как-то грызут и загрызают зубами и говорят: Грыжа, грыжа, я тебя ем или згрызу. И ана как-то проходит, но я не знаю как// (Выкачко В. Н., с. Новое Место).

Мотив остановки льда на реке показателен для ожидаемого исцеления от вызванного различными причинами длительного кровотечения: *//Заговаривают и кровь: стой, кровь, как лед стоит... что-то вот так. Как лед на реках стоит. Вот так там, какие-то три слова сказать и кровь прекращается, останавливается// (Кирьяненко Г. И., с. Новое Место) // Вот если операция и там кровь тячёт сильно/ вот тихонько пра себя надо сказать, что стой, кровь, как на реке лед стоит! Ала кровь стой или красна кровь стой, как на реке лед стоит! И перекрестица// (Выкачко К.П., с. Новое Место).*

Наиболее часто исцелению людей от всех болезней в зафиксированных нами брянских заговорах способствуют Иисус Христос, Божья Матерь, Иоанн Креститель, Михаил Архангел, Архангел Гавриил: 1. *//Ну эта вот, када живот опускается, матка на низ. Подбйм живота называется. Надо читать: Господу Богу помолюся, усем святым поклонюся. Зори заряницы, божьи памошницы станьте в помащ (имя назавашь, чьё имя там)...вышаптываю, выговариваю, на место наставляю. Золотник, золотник, стань на место, на злотое кресло. Як Исус Крестос в кресло/ так*

ты на своё место. Я же тебя вышаптываю, выгавариваю, на место наставляю// 2. //От рожки у меня есть. Первым разом, добрым часом Господу Богу помолюся, Пречистой Божией Матери поклонюся, помогите вышаптать, выгаваривать в рабе божией рожу-рожевицу, рожу белую, рожу серую, рожу косматую, лохматую, богровую, красную, черную, синюю, желтую, наносную, подбро́сную, наговорную, приговорную, мужскую, женскую, удóвую, сиротскую, поддевочную, порабитскую, ветрянную, домовую. Выгавариваю рабе (говоришь яё имя) с румянага лица, черных бровей, ретивóго сердца, буйной головы, горячия крови, сладког мозга// 3.// не я помогаю, не я пособляю, а Матерь Пресвятая Богородица/ сам Исус Христос животворящим крестом, Михаил Архангел Гаврил блавеститель// 4. // Не я сама собой, а с Госпадом богом Божья Матерью, с Ианом Крестителем. Приступись, Иан Креститель, рабе божей (имя) выгаваривать и заговаривать тризлую грызицу колючую, балючую томлючую у рабы божей...// 5.// Во имя Отца и Свитого Духа. Аминь. Первым разом, господним часом Господу Богу помолюся, святым угодникам поклонюся. Станьте мне ф-помочь. Исус Христос и Матерь Божия милостью своей излечите...// 6.// Позовите меня, Божия Матерь, и я приду на помочь вам молитву читати. Чия рука побила, моя молитва излечила. В сей час, в сию минуту. Не я тебя, Божья Мати, призываю, вызывают тебе ф-помочь светые ангелы небесные, архангелы божие. Прошу Матерь Божью и Исуса Христа// 7. //Матушка Пресвятая Богородица, исцели раба божьего от врага – рака. Аминь, аминь, аминь// 8. // Первым разом, божьим часом Господу Богу помолимся. Просим богом волосня. Волосень, волосень, выйди на колосень. Я тебе волосень выгавариваю. Ты, волосень подуманный, поглядный, урочный, улечный, ветровый, домовый, волосовой вместе с Господом Богом просим уйти и выгавариваем с-костей, с рук, очей, мощей моих выгоняю волосень и засылаю тебе на дикие камыши, белые коренья под

белые камни, куда зверь не забегая, куда гад не заползая// (Куприенко В.Д., с.Замишево).

Несколько реже с этой целью обращаются к Святителю Николаю, целителю Пантелеймону, Святому Трифону, Двенадцати Апостолам: *//Двенацать апостолов заговёр подписали, печатью венчали, к ней ключи потеряли, к себе в божье царство забрали. Аминь//* (Куприенко В.Д., с.Замишево); *//Приди на помощь рабу божиему... Пресвятая Богородице, скорая помощница, Светой Николай Угодник божий, изличитель Пантелеймон и чудотворец. Уский нерв карый глаз, черными глаз, седок божий, Святой Трифон батюшка, вы ходите по морям океанам/ вы лечите болящих/ скорбящих. Так станьте у-помочь рабе божьей болящей// Излечите всякие болезни от вочей, с рук, с ног, с черепа с позвоночника, с белого тела. Где ты/ болезнь/ стоишь, тут тебе не стоять, тут тебе не бывать, красной крови не пить, желтых костей не ломить, сердце не калоть// Сойди ты/ болéсть/ с рожденной, крещенной (имя ее лица) на сухие леса, на топкие болота. Во имя Отца и Сына и Святого Духа//* (Ковалева И.Т., с. Старые Бобовичи).

От *сглаза* (изглаза), *пóрчи* и *уроков* (заболеваний, вызванных колдовством, сглазом), по народному представлению, лучше всего оберегает Илья Пророк, который отгоняет нечистую силу, поражая её небесными огненными стрелами, отстреливает болезнь, в чем можно проследить соотнесенность данного сюжета с индоевропейским образом громовержца, с праславянским языческим божеством Перуном/Перкуном: *//Илья пророче скóльную стрелю, как рабе божьей... материнской утробе не бывать, так... жил не тянуть, костей не ломать, горячей крови не проливать, так вовек рабе божьей ... скорбей не бывать и не видать. Во имя Отца и Сына Святого Духа. Аминь//* (Куприенко В. Д, с. Замишево).

В этой связи знаменательно, что ещё В. Н. Топоров говорил «об

известной связи Громовержца и целителя» у индоевропейских народов [ЭМНМ, 1991, с. 240; Топоров, 1974, с. 71-74]. В связи с последним отметим, что в исследуемых заговорах распространены мотивы разрубания, отстреливания болезней, а также их отсечения, перегрызания (см. выше). Для получения хорошего исхода предстоящей операции, в первую очередь, обращаются к Ангелу Хранителю, а также к Иисусу Христу, святителю Николаю, Пресвятой Богородице.

При этом особое внимание уделяется помощи не только больному, но и самому оперирующему врачу: *//Там же е двадцать молитв таких. Знаешь, по-разному понаписаны. И вот такая-ж самая. Ангел мой, пайди со мной. Ты впереди, а я за тобой. Да ты, Божья Матерь, встань возле стола и спаси меня. Дай моему врачу быстроту, а мне легкости. Как Исуса Христа сняли с креста, так сними меня, Господи, с операционного стола. Аминь. Аминь. Аминь. Ну эта еще одна и та же, тольки по-другому // Ангел мой/ пойди со мной, ты впереди, я позади. А ты, Матерь Божия, стой у-стола и охраняй меня, рабу ... Врачам скорости, а мне лехкости. Аминь. А ты, Исус Христос. Сними меня со стола, как сняли Тебя с креста. Матерь Божия меня провожает, Исус Христос меня благословляет, Никалай Угодник чудотворец меня встречает. При тяжёлом моём пути, ангел мой, стой рядом са мной. Аминь // (Куприенко К. Д., с. Замишево); //Ангел мой, пойдём со мной, ты упереди, я позади, а ты, Матерь Божья, стой у стола и охраняй меня, рабу...Врачу спóрости, а мне лёхкости. Аминь// (Выкачко К. Н., с. Н. Место); //Ну это перед операцией. Прошу Спасителя Исуса Христа, Николу Святителя. Господи, Святой Никóла, божий помошник, помогаешь Господу Богу, помоги мне, грешнице, прости мне моё согрешение, явись ко мне ф-ту минуту, как мне зделают операцию, збудí меня. – Ну збудí, это када у этом самом...в реанимации када вже ты ляжишь, дык после наркозау етых. От того читать, шоб проснуться// (Торбик М. М., с. Лужки).*

Как специфику современного знахарства следует особо подчеркнуть присутствующий в среде носителей брянских говоров обмен письменными текстами заговоров: *//Там же е двацать молитв таких. Знаешь/ по-разному понапíсаны. Эта вот знаешь, как другие...эта ув одново́ одно стисываэшь, у другóва/ другую, ну а это адна и та-же молитва//* (Куприенко К.Д., с.Замишево).

Широко распространенная ранее (характерная для фольклора) устная передача информации между информантами – носителями знаний о народной медицине практически отсутствует. При этом нередко отмечается нарушение традиционной сакральности, ранее выражавшейся в передаче знаний только в «профессиональной» среде, как правило, в пределах одной семьи, путем обучения целительству.

В настоящее время распространение этой информации среди народа происходит, как правило, в больницах, между ранее незнакомыми людьми, живущими зачастую на значительном расстоянии друг от друга: *//Это мне жєницина из Клинцоў молитву дала. – Это от грыжи малитва? – Не эта ат подо́йма живота. Эта Петровна из Клинцов во и мне тожа дала от сухоты́//* (Куприенко В. Д., с. Замишево); *//У Таси была бумашка от валасня́ /так я с той бумажки з-её переписала//* (Лозинская З. И., с. Новое Место).

В то же время сама сакральность традиционно сохраняется, но в связи с всеобщей базовой грамотностью принимает новые формы, такие как нежелание делиться полученными знаниями со многими из-за боязни возможного порицания, ношение с собой рукописных текстов народных «молитв» в качестве своеобразного оберега от возможного вредительства со стороны худого человека: *//Я у Бога верую. Вот я перекрестилася, я тебе откровенно говорю, я что записываю, я другóй раз никому не говорю. Як шо-нибудь каму сажєшь – ой, Валя Галькина ведьма, Валя Галькина знає усё! А што я знаю?//* (Куприенко В. Д., с. Замишево); *//Мене енту молитву бабка*

одна дала с-сабой насить. От изгláза// (Пастушенко Н. И., с. Вихолка).

Одновременно с характерной для народа наблюдательностью подмечаются, сохраняются и передаются устным путем связанные с действиями целителя элементы самого процесса врачевания болезни: // *Со ржи, с колоскоў делают такие вот, как квáчик. А потом у водичку у такую у тепленькую и палец этот или руку лóжить и этими колосками водíти и это вот читать. Так раньшы бáпка делала// (Выкачко К. Н., с. Н. Место); //Эта вот у меня руки балели. Сарай этот рубленый быў. И двери. Дак яна мене как-то рукамы во так вот прилáживала... Да она мне прилáживала руки во так и к дверям к этим, идé вот панимаешь што, ётые, ну шо двери аткрываються вот. И шаптáла// (Куприенко В. Д., с. Замишево).*

Следует отметить, что на современном этапе в среде носителей исследуемых говоров происходит активное освоение лексики официальной медицины, а также медицинской латыни в искаженном виде: 1. //Костяни́ца— эта заболевание костей, ревматизм. Костяница замучила. А во подéлась. А костяни́ца бьет/ мучает// 2. //Вóлчек/ красная волчанка. Чагой-то у Катьки рожá такая-то красная? да это вижу, это/ верно/ вóлчек завелся. Да ты шо? Да, и бедная мучается! и суставы баят, и крутит и... волчком вертица! А на рожу – глянь-ка... какая рожá, пятнами уся покрываеца// 3. //Гангрéну у нас ещё называли огневи́ца. Огневи́цей точно гангрéну звали а еще подожди ... этот Анто́нов о́гонь и огневи́ца и о́гник тоже могли называть...// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино); //Люба от скули́щи лечилась... яна ходе, ходе – никто ей не помогае от аллергии. У её аллергия. Васнецова Любоў Михайловна семьсят ей четыре... как её лечат, скули́щу эту? Ну эта-ж малитвами тоже лечут. Скула́ сме́шная, скула́ потéшная, скула́ подумная, скула́ пога́дная, скула ветровáя, скала жировáя, скула́ рóжá, скула... Но это тот самый минингит как называют, ты понимаэшь, у вас по-научному. Да, минингит/это приговóрная скула // (Куприенко В. Д., с.

Замишево). 1. //Сучье вымя/ это гидраденит, а напу́щенка или ещё напу́щёнка – психиатрическая патология, психическое заболевание. Ну, а порча – когда у человека несколько болезней сразу// 2. //Сонце на закат скатись, урина уймись// (Ершова С. Е., с. Новые Бобовичи).

Примечательно, что в ряде случаев лексика официальной медицины отражается и в текстах заговоров. Кроме того, среди народных целителей получают широкое распространение попытки привнесения «научного подхода» к объяснению причинно-следственных отношений при развитии того или иного заболевания, что проявляется прежде всего в подведении официальной медицинской основы под народно-медицинскую «терминологию», а также в толковании собственных действий: 1. //А что такое родимчик / это какая-то неврологическая болячка. Вот судороги при них. Ребенок умереть может. А помер. А что? А родимчик взяў. Это детское, родимчик, это состояние, заболевание. А кри́ксы / вот проявление родимчика, ну ребенок кричит и кричит. Но это фсе одно и то же, это относится к родимчику// 2. //Чемерь – чаще всево, што это аппендицит, любое непонятное заболевание у животе: «чемер узял». Дня через три ти четыре, распухает живот и человек умирает// 3. //Стёнь – это ощущение такое, будто стянутости тела, малоподвижности, такая болячка и вот так проявляется. Это раньше так в старину звали. Ну ... вроде рождались так што ли... больными// 4. //Оча́врев, это от чарёв, чрево, пу́зо. Поправился, потолстел. Вот сейчас очарёвела – потолстела, очавёрилась – пузом накрылась. От слова чрёвер – чрево, живот, пузо. Ятреб, во ещё – ятреб нарóстила. – Ятреб это тоже пузо, во, ятреб отпусти́ла// 5. //Сурóчить когда крутит, вертит, боль сильнаа в животе. Ещё сурóчить – это как вот крутить вертеть, скручивать ... нитку сурóчат кагда, кудель, пряжу делают// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино); //Ача́врие, оча́вривать начал, значит, ён поправляется, идет на поправку, оздоравлие//

(Торбик М. М, с. Лужки).

Примечательно, что в среде носителей диалекта при определении того или иного заболевания, не ассоциирующегося у носителей говора с термином официальной медицины, и по сей день преобладает народно-медицинская терминология: *//Так у няго-ж черная немочь, падучая черная. Ён же как с войны пришеў кантужыный и биець ево//* (Панова М. А., с. Шеломы); *//А што у Катьки случилась з-дитёнком? А во, родімчик забраў. Усё кричаў и кричаў и родімчик забраў. Схаранили//* (Вицентий Р. С., с. Б. Полпино); *//Сижу, а почечуў и печё и печё, и кравя идут. Разыгрался гадость. Тяжелое либо падняла, либо подстыла. Чавой-то ана так-то пашла? А пачечуў разыграўся. А старые гóвораць пацацуй, пачещуй, пачечуй чи почечуй, пачачуй, пачичуй. Вот так вот могут сказать старые люди, кому за восемьдесят... Памаложэ хто – те гóвораць почечуй. Но эта редко уже употребляется//* (Ханаева В. Д., с. Ст. Бобовичи); *//Ногать дярет ночь, не знаю што делать, ето-ж валасень. Нада к Фёкле иттить яна ето выговаривает//* (Пастушенко Н. И., с. Вихолка).

В связи с вышесказанным, нам представляется интересным тот факт, что, несмотря на присутствие в текстах заговоров многочисленных отголосков языческих мотивов, сами целители считают, что некоторые болезни возможно лечить только в церкви: *//Ну, вообще-то, когда считается, ну ... там сидит, крикун – одержимый нечистым. Пóрченный ... Сглазили может или еще какое-то проявление / одержимый. В церкви лечат. бабки другой рас тожа путаются лечить. Но вообще-то это лечат только у церкви//* (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино). И вместе с тем, по мнению информантов, есть такие заболевания, которые излечиваются только после обращения к знахарям, способным нейтрализовать предполагаемое вредоносное воздействие и исцелить заболевшего: *//Напущенка – эта чаще всего кагда сделают людям – люди нёмощь напустили ... эта напушенная*

блезнь, от бабок та дедов. Напущёнка – это связано с колдовством. Напущёнка или напущенка/ хто как произносит. Эта болезнь, которую не лечат врачи, каторая непонятная// (Ковалева И. Т., с. Старые Бобовичи).

Подобные представления весьма устойчивы во времени. Примечательно, что их иногда разделяют и представители официальной медицины – врачи и медсестры, вышедшие из народной среды. Веря в эффективность народного целительства, они, находясь при исполнении своих профессиональных обязанностей, иногда даже предпочитают его официальной медицине. При этом необходимо подчеркнуть, что такое отношение к целительству наиболее сильно распространено среди младшего медперсонала, сотрудников санитарного звена, которые нередко готовы и сами оказать в этом плане «народнопрофессиональную» помощь врачам и медсестрам.

О подобном отношении со стороны пациентов и медработников свидетельствует рассказ жительницы одного из сел Куприенко Валентины Дмитриевны, записанный нами в 2011 году: *//Мне ж аж кода делали операцию, дак пришла адна такаа, с-под Брянска. Да гавóre: ой, яки у тебе ноги етые, прямые. И ты знаэш што? Не успела яна выйти, як заболела у мене нога, во тут во. Вой-вой-вой! Гарить агнём! Ничёго не могу сделать. Вой-вой-вой! Пошла, говорю, Юль, пагляд, што такое? Ана говóря: Вой, Боже мой! А мне ж операцию назначили на четверх. Она па говóря: скажи врачу... Ну, пришёл, я показала. А ён и гавóря: меньше ходи палатам! А я говорю: и не ходила. Прихóдили девочки сюда етые самые, вот мы разговáривали. Ну дак ён пасылаў и мне ету ... санитарку, Станиславну. Я в реанимации кода лежала, так ён мне ету Станиславну привóдив. Дак яна мне, ты знаеш што? Читала Отче наш на етом самом. И ён... давал ён мене какие там таблетки. А яна мне воды принóсила. Святая вода. И она мне мазала вот тут, а потом ещё через ручку, через дверную, она мне лила*

и мажа вот эта места, рожу. И мазала вот этой водой. Я када там лежала, так ана меня и обтирала ею. И она, рожка, панимаешь, што было вот такая бардовая, красная, ажнак гарело усё на свете, а потом она стала бледнетъ, бледнетъ, стала розовая. А потом ён паглядев и гаворя: Ну, тяперь можна делать операцию! И вот и мне зделали аперацию, а яна тьфу-тьфу-тьфу (стучит по дереву) и прошла. А када уже мы разговорилися после операции, так из другога крыла женишына и говорила, што вот надо было притти и к – нам, у нашу палату, у нас тут молитвы были от этой самой, от рожки. Она мне от подбйма живота молитву дала. Нехай табе буде, гаварйт, вот я и списала// (Куприенко В. Д., с. Замишево).

Подтверждением древности исследуемых процессов является то, что в современных заговорах, а также непосредственно в среде носителей диалекта и в настоящее время сохраняются представления о персонификации болезни не только по отношению к человеческим, но и к зооморфным образам (следует сказать, что в фиксируемых нами брянских заговорах вообще присутствуют частые отсылки к зооморфным мотивам), ярко выражено значение неживой природы, окружающей сельского человека: *//Шоб ня рос горб/ нужно сломить ветку девочке, девице. И потом лёгонько так, ударять по горбу и вот это // Итти туда иде птица лает, рыба кусает, где немой орёт, где мёртвый живёт// (Куприенко В. Д., с. Замишево); //Рак тяжёлый, болючий, едучий. Отпусти клешни, откатись у тёмный песок, на сухой кусток, где петух не поёт, птица гнезда не вьёт// (Мишина Н. И., с. Новые Бобовичи).*

Таким образом, как показали проведенные исследования, тексты заговоров, представленные в говорах юго-западной Брянщины, представляют собой важнейший источник для изучения наименований болезней, поскольку в них содержится большой лексический пласт, отражающий реалии народного целительства и особенности этнографии исследуемого региона.

2.2. Особенности формирования лексических единиц тематической группы «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины

Как показал анализ заговорных текстов, а также записанных бесед с народными целителями и другими носителями говоров юго-западной Брянщины, в числе тематических групп (ТГ), характерных для исследуемых говоров, наиболее обширной является ТГ «Наименования болезней». Все другие ТГ («Наименования симптомов заболеваний», «Наименования процессов, связанных с лечением, лечебных действий», «Наименования лекарственных средств», «Наименования частей тела человека», «Наименования, связанные в народной медицине с магическими представлениями» и т. д.) тесным образом связаны с анализируемой в настоящем исследовании ТГ «Наименования болезней», поскольку лексические единицы, входящие в их состав и обозначающие симптомы болезней, части тела человека, лекарственные средства и т. д., позволяют наиболее полно раскрыть смыслы, связанные с номинациями различных заболеваний в говорах юго-западной Брянщины.

Тематическая группа «Наименования болезней» в исследуемых говорах отличается не только особенностями составляющих ее единиц, но и особенностями организации. В составе анализируемой ТГ выделяются лексико-семантические группы, связанные с обозначениями разновидностей заболеваний, которые характеризуются достаточно сложными связями и отношениями между составляющими их лексическими единицами:

1. Инфекционные заболевания.
2. Болезни органов дыхания
3. Заболевания сердечно-сосудистой системы

4. Урологические болезни
5. Кожные заболевания
6. Заболевания органов брюшной полости
7. Болезни опорно-двигательного аппарата
8. Детские болезни
9. Женские болезни
10. Заболевания, связанные с действием потусторонней силы.

Все перечисленные лексико-семантические группы содержат в своем составе наименования, формирование которых происходило под влиянием самых разных языковых процессов, среди которых ведущую роль играют механизмы образной номинации, прежде всего табуирование, метонимия, метафора, синекдоха и др., что во многом обусловлено образным характером самой народно-медицинской культуры, получившим отражение в говорах юго-западной Брянщины.

Как показал анализ, большое значение для формирования наименований болезней в исследуемых говорах играет табуирование, которое представляет собой ограничение или полный запрет словоупотребления, определяемый экстралингвистическими факторами (ср.: *табу* – «в первобытном обществе: запрет, налагаемый на какое-н. действие, слово, предмет, употребление или упоминание которых неминуемо карается сверхъестественной силой» [ОЖ, с. 786]). Следует отметить, что явление табуирования имеет большое значение для развития цивилизации. Пытаясь хоть как-то противостоять враждебному для него миру, испытывая страх перед неведомым и ощущая свою незащищенность, человек выработал своеобразную систему запретов и антизапретов, основой которой, вероятно, стали определенные действия, звуки, изначально носившие сакральный характер. Само возникновение слова произошло, вполне возможно, путем сложения магических формул, нацарапанных на дереве, камне или коже

мистических знаков, которые особым образом озвучивались (в представлении древних звук – это разящие оружие божества) и со временем, в процессе развития, принимали форму слов.

Приписываемая звуку магическая сущность, вероятно, зависела от силы его магической энергии, которая, в свою очередь, определялась местоположением звука в слове. Один и тот же звук, по представлениям древних, обладал различной магической силой, в зависимости от местонахождения его в начале или в конце формирующегося слова. Возможно, этим объясняется происхождение табуирования, которое, якобы, защищает человека от злого воздействия. Это достигалось путем перестановки начальных и конечных элементов слова. Такой перестановке нередко сопутствовало возникновение у получавшейся формы противоположного значения. Слово рассматривалось как сакральная формула, начальные и конечные элементы которой символизировали священные узлы Жизни и Смерти [Маковский, 2005, с. 270-278]. Постепенно утрачивая свою сакральность, эти элементы превратились в формальные кодовые показатели распределения энергии внутри слова [Маковский, 2005, с. 277, 279].

В качестве примера возможного присутствия табуирования в юго-западных брянских говорах можно привести диалектную лексему *стенъ*, которая, по нашим наблюдениям, фиксируется в селах Лужки, Карна и Катичи в значении «мышечная слабость конечностей у детей, истощение, сухотка». Слово *стѣнь*, вероятно, восходит к праславянскому периоду. Ср. у М. Фасмера: *стенъ* – «стонать»; болг. *стеня*; серб.-хорв. *стенъем*; чеш. *stenati*, лит. *stenu*; лтш. *stenet*; англос. *stenan*; др.-исл. *stynja*. Кроме того, у него же находим диалектную вятскую лексему *стенъ* – «тень», очевидно, омонимичную брянской лексеме и аналогичную древнерусскому слову в значении «тень, видение» [ФЭС, 2003, т. 3, с.755].

По нашему мнению (с учетом чередования о\е), слово *стенъ* предположительно связано с древнерусскими лексемами *стеню*, *стенати* – «стонать». П. Я. Черных также приводит диалектную словесную единицу *стенъ* в значении «тень человека» [Черных, т. 2, с. 236]. В данном случае вполне возможно проявление табуирования, запрета на то или иное слово, поскольку и по настоящее время носители местного диалекта сознательно избегают прямого наименования того или иного заболевания из-за боязни накликать болезнь, позвать её к себе.

При таком предположении становится возможным обозначить ещё один путь происхождения слова: брянское диалектное *стенъ* может быть связано не только с элементами переноса от *стенъ* – «тень» к *стенъ* – обозначению объективного вида заболевшего (истощения человека при длительной болезни). Нельзя также исключить того, что изначально лексема *стенъ* могла выступать в качестве эвфемизма для обозначения детского заболевания, связанного с мышечной слабостью конечностей у детей, истощением и т. п. (ср. также сравнение душ умерших с тенями в древнегреческой мифологии и, в частности, у Гомера [ЭМНМ, 1991, т. 1, с. 51]. Поскольку понятие болезни, особенно на раннем этапе развития человечества, было тесно связано с понятиями смерти, являвшейся продолжением жизни, и также жизни, считавшейся продолжением смерти, оно, в силу суеверия, табуировалось наравне с последними [Маковский, 2005, с. 270-278].

Жизнь и смерть в представлении древних сплетались воедино, образуя своеобразный непрерывный замкнутый цикл. Интересно, что в мифологиях земледельческих народов Ближнего Востока и Европы доминируют мотивы смерти как условия плодородия [ЭМНМ, 1991, т. 2, 384-385]. Любой «переход» в иное состояние так или иначе фиксировался через символические смерть – рождение. Очевидно, это воспринималось

одновременно как конец, начало и продолжение существования. Такое отношение проецировалось не только на человека, но и на всё сущее, что отражалось, прежде всего, в обрядовости. Следует вспомнить, например, дошедший до наших дней обряд сжигания Масленицы или оплакивание невесты перед свадьбой. Подобные представления оказались весьма живучи. Их отголоски наблюдаются и в современном обществе: смена фамилии невестой, смена имени при пострижении в монашество, где человек продолжает своё существование уже в новой ипостаси. Об особом отношении славян к порогу дома, связанному с представлениями о роде, рождении, смерти, говорят А. Н. Афанасьев [Афанасьев, 2008, с. 1044] и Л. Нидерле [Нидерле, 2001, с. 304].

В этой связи интересны бытующие в среде носителей брянских говоров представления о необходимости соблюдения роженицей целого ряда запретов-ограничений, нарушение которых, по мнению информантов, может привести к преждевременной смерти ребенка, к невозможности его вхождения в этот мир: *//Када берэмяна нельзя плевáтися, нельзя ваду́ чрэ́с ступэ́ньки, за парог выливáть. Нельзя итíть чрэ́с пря́сла, и вот чрэ́з бардюрчики у вас, у гóроде нельзя итíть. Почему? При рóдах пулавина мóжа абматáтися круг шеи. Патаму́ што мама шагáла чрэ́з жéрдочки. Эта так пря́сла называется у дярэ́вне. И чрэ́з них нельзя перелáзывать. Нада абхóдить //* (Выкачко К. Н., с. Новое Место); *// Када идéш ражáть у эту ... раскрывáйте усé двери нараспáх. И идíте, и не закрывáйте. Када́ уже у машину сядите, тада́ тóка и закрóють за вами двери. Прихóдишь у палáту – и там тожа раскрывай дверь или вóкна и тада́ смóжешь бы́стренько радíть и харашó. Вот за éтим двери мать усегдá раскрывáить //* (Куприенко В. Д., с. Замишево).

Открывание дверей как магическое обрядовое действие, выполняемое с целью облегчения наступающих родов, вероятно, перекликается с

отмечаемым у славян отношением к дому как к противостоящему враждебному внешнему миру жилому («живому») пространству, которому нередко приписывались антропоморфные черты. Так, согласно приводимой Н.И.Толстым русской загадке, окна – это «глаза избы», а дверь при метафорическом осмыслении уподоблялась рту [СД, 1999, т. 2, с. 25, 117]. Эту антропоморфность подтверждает и явное этимологическое родство слов *око* и *окно* в большинстве славянских языков [ФЭС, 2003, т. 3, с. 128].

Примечательно, что семантика окна, порога, двери как медиаторов между «тем» и этим светом проявляется и в похоронном обряде, в поверьях, связанных с областью смерти. Согласно восточно-славянской мифологии, через окно в дом проникает смерть, а душа умершего покидает дом через дверь или окна, поэтому на Руси было принято для облегчения умирающего держать открытыми двери или окна [Нидерле, 2001, с. 223-224; СД, 1999, т.2, с. 25; СД, 2004, т. 3, с. 534].

Нами зафиксировано, что данные представления и до настоящего времени бытуют в среде носителей брянских говоров: // *Када пакойника тольки вѣнясут – сразу и зачиняйте двери. И первые двери, и любые. Шоб ни дай Бог не было еще пакойника в этом доме. Шобы ён ни захватив еще каго*// (Кирияненко Е. Г., г. Новозыбков) // *Хвóртки мáтка казáла открывáть если хто дóлга умéрть не мóже*// (Перга М. П., с. Верещаки).

Представляется неслучайным, что открытые окна и особенно двери символически соотносятся у информантов не только со смертью, но также с родами. Мы считаем, что подобная переключка смерти – рождения, вероятно, является отражением древнейших (основанных на цикличности смены времен года) представлений о смерти как о рождении ребенка (рождении в новую жизнь), а также о жизни как о преодолении смерти.

В этой связи гипотетически можно предположить, что метафорическое антропоморфное осмысление отдельных частей жилого дома, возможно,

является реликтовым отголоском матриархата и древнейшего осмысления всего дома как человеческого (женского?) тела, а открытая дверь выступает своеобразным атрибутом символической «смерти» в утробе с целью рождения в этот мир или же отражением реальной смерти – «рождения» уже в потустороннем мире: // *Раньше если у кóго жена у рóдах, то усе двери у даму пораспáхивали. А патом затворяли, да. А мы уже рожали у больницы. И уже никаких примет. Ничёго. Но почему-то, знаешь вот еще до шести недель роженица остерега́лася вот усякого-усякого. Я это знаю, што мама говорила. Из дóму она не выхóдила што б сглаза небыло. Потому што стоит открытая гробница до шести недель перед ней. Стоит открытая гробница. Вот это мама говорила*// (Поддубная П. М., с. Шеломы).

Кроме того, в среде носителей местных говоров дверь и сегодня воспринимается как нечто, способное навредить или принести исцеление. Так, согласно народным представлениям, под дверь можно подложить порчу, подкладень в виде различных колющих предметов (игл, булавок). Это может привести к заболеванию первого прикоснувшегося к ним человека: // *У мяне у дверях подкладень быв, ну, а ба́пка гавóре што эта самое, ну, што у ру́ки нельзя брать, а вазьми́те эта на лапа́ту, вь́несите иде́ дарога и запали́те, но шóб то́льки дым на вас не пашéл*// (Шкрабова В. С., с. Замишево).

Вместе с тем, дверь активно используется в народной медицине как объект очистительных ритуалов: // *Я не магу ни спать, ни лечь, у мене руки, вот ты панимаешь што, балтаются. Дак яна мене как-то рукамы во так вот прила́живала руки и к дверям, иде вот, панимаешь што, етые, ну, на чём двери висят. И вот я прикла́дывала руки, и яна́ мне шапта́ла вот это вот*// (Куприенко В. Д., с. Замишево).

Интересен зафиксированный нами в селе Лужки Климовского района заговор от сглаза: // *Со скобы́ вода́, а с меня́ худоба́*// (Торбик М.М., Лужки), при произнесении которого заболевшему необходимо трижды вылить воду

через ручку входной двери. В этой связи весьма интересна отмеченная нами в этом же селе диалектная глагольная форма *ачáвреть* в значении «поправиться», «выздороветь» и объяснение происхождения этого слова самими носителями говора: //Ачáврев от слова чарéв, пузо. Попрáвился, потолстéл значит. Очавéрила – пузом накрýлася, а похудéла – потóнела// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино); //Ачáврие, очáвривать начал, значит, ён поправляется, оздоровля́е// (Торбик М. М., с. Лужки).

Таким образом, проведенные исследования позволяют утверждать, что понятие болезни, особенно на ранних этапах развития человечества, было тесно связано с понятиями смерти, являвшейся продолжением жизни, и жизни, считавшейся продолжением смерти. Вследствие этого понятие болезни довольно часто табуировалось. Табуирование названия болезни было вызвано стремлением избежать прямого наименования недуга из-за боязни «накликать» беду, позвать её к себе [Маковский, 2005, с. 66]. Чем древнее и однотипнее в различных языках название того или иного заболевания, тем более, на наш взгляд, у исследователя оснований считать, что изучаемое слово образовано посредством табуирования.

Не удивительно поэтому, что в древности в качестве табу для понятия болезни часто выступало понятие «родить, рождение» как своеобразный способ обмануть возможную смерть от заболевания, показать, что заболевший человек ей уже не принадлежит, так как он, проходя через болезнь, как бы «рождается» заново. Ведь с рождением связаны древнейшие представления о том, что ничто живое не умирает, но лишь временно покидает этот мир, чтобы затем родиться повторно [ЭМНМ, 1992, т. 2, с. 385; ЭМФ, 2003, с. 181]. Рассматриваемые процессы еще и в настоящее время вербально выражаются в современных русских говорах. Так, зафиксированные нами в исследуемых брянских говорах лексемы *родíмец* в значении общего названия для заболеваний новорожденных, входящей в

состав ЛСГ «Детские болезни», и *родѣмчик* в значении «эпилепсия», «судороги» табуируются понятием «родить». Ср.: //Но этот *родѣмчик* тожа ж как-то бапки шаптáли. Када рóдится рябѣнок, то нясѹт яго у баню. В бане моют рóжаницу и бапка смотрит вот ётого дитѣнка, бѹде шаптáть и *родѣмчик ётот*, и ат грыжсы// (Калоша Н. Н., с. Катичи).

Объяснение табуирования через рождение находим также у А.Н.Афанасьева. Рассуждая о почитании усопших у славян и некоторых других европейских народов, исследователь приводит лексическую единицу *родѣмец* – «паралич», связывая её с понятием Рода – духа, божества потустороннего мира. Царствуя в воздушных сферах, он, с одной стороны, посылал на землю души, порождая детей, а с другой – препровождал души усопших в страну бессмертия. Данные представления, согласно «Энциклопедии мифов народов мира» А. С. Токарева, восходят к культу индоевропейского *Nordhu* – роду, собранию потомков. Интересно, что у некоторых индоевропейских народов новорожденное дитя считается перевоплотившимся предком, душа которого вошла в женщину [ЭМНМ, 1992, т. 2, с. 385]. Ср. также у В. И. Даля: Род – «дедушка», «хозяин», «домовой» [Даль, 2003, т. 4, с. 10].

Весьма интересным представляется также отмеченное В. И. Далем диалектное вологодское орд – «привидение», «тень», «призрак покойника» [Даль, 2003, т. 2, с. 690], которое, по предположению П. Я. Черных, восходит к древнерусскому *родь* [ЧИЭС, 2007, т. 2, с.118-119]. Можно предположить, что вологодская форма возникла вследствие вторичного табуирования. В церковнославянском языке М. Фасмер находит слово *род* в значении «преисподняя» [ФЭС, 2003, т. 3, с. 491].

Очевидно, раннеславянское сознание изначально помещало наиболее древних представителей своего пантеона богов в недра земли. Отчасти это подтверждается и формой *родѣмец* – «чёрт» (диал. табуистическое название,

букв. «родимый») [ФЭС, 2003, т. 3, с. 491]. Это говорит об отождествлении болезни непосредственно со злым духом, о наличии у древнего человека представления о болезни как о божьей каре. У А. Н. Афанасьева, отмечавшего, что болезни «...рассматривались нашими предками как спутницы и помощницы Смерти», а повальные и заразительные прямо признавались за самую смерть, которая выступала в качестве древнейшей богини, это подтверждается приводимыми исследователем без указания конкретного языка славянскими формами: bogine – оспа, bozagan – язва, чума [Афанасьев, 2008, с. 943]. В среде носителей исследуемых говоров до настоящего времени бытует ярко выраженное отношение к болезни как к своеобразному наказанию свыше. Так, например, в селе Новое Место Брянской области в ходе экспедиции, проведенной нами в 2007 году, от К.Н. Выкачко, 68 лет, было услышано: *//Я уся бальная, то мяне бог наказуе //*.

В связи с вышеизложенным следует сказать о восходящей к древним анимистическим представлениям людей персонификации болезни как носителями диалекта, так и самими целителями, приписыванию ей способностей живого существа: возможности болезни как самой действовать физически, видеть, передвигаться, сидеть, совершать зловерные действия по отношению к человеку (ударять больного, жечь его огнем, грызть и т. п., а также, например, совершать попку, сидеть на чем-либо и др.), так и подвергаться физическому воздействию (разрубаться, связываться и т. д.).

Данные представления и в настоящее время присутствуют в среде носителей говоров юго-западной Брянщины. Так, в селе Старые Бобовичи нами был зафиксирован следующий заговор от рожки: *// Рóжа, роженіца, красная девіца, на болóте сидéла, на людéй глядéла, жéртву иска́ла, на девіцу (произносится имя заболевшей) напáла//* (Ханаева В. Д., с. Старые Бобовичи). И дальше от имени Бога целительница высказывает пожелание, чтобы болезнь перешла на домашних животных (на козла, на кота), требует

от болезни не ломать, не грызть больную, велит ей вернуться обратно на болота и т. п.

Следует отметить, что чаще всего болезни отождествляются носителями диалекта непосредственно со злым духом, с живым существом (чаще всего женского пола). Здесь можно вспомнить собранные Ю.Б.Жидковой в Воронежской области пословицы и поговорки о болезнях и здоровье человека: *//Болезнь не по лесу ходит, а по людям.//Сама болезнь скажет, что хочет.//Лихорадка – не matka; треплет, не жалеет.//Лихорадка пуще мачехи оттреплет.//* [Жидкова, 2005, с. 131-136].

В селе Новое Место Брянской области было отмечено наличие у носителей диалекта персонификации отдельных составляющих окружающей природы в их связи с тем или иным заболеванием: *//Зубы я знаю, заговаривают на месяц. Как находит маладой месячко, вот человек стоит перед вокном и гаварит: Маладiк маладой, у тябя рог залатой. Ты на том свете быв? Быв. Пакойников видеv? Видев. У них зубы не балят? Не балят. Чтобы у меня раба божиего (имя) зубы никакда не балели. И так три разы в адин месяц//* (Выкачко К. Н., с. Новое Место).

Варианты данного заговора от зубной боли были зафиксированы нами в Новозыбковском районе Брянской области, в селах Тростань и Замишево: *//Месяц Данило, где ты бывал? На том свете. Что ты видал? Кости и мощи. У них зубы не болят? Пусть же и у меня, рабы божией (имя заболевшей) не болят//* (Куприенко В. Д., с. Замишево); *//На сходок нельзя, а вот как заидет молодiк, то и говори. Месяц, месяц, молодiк, ты по свету ходив? Ходив. Живых и мертвых видал? Видал. У них зубы не болят? Не болят. Ну, пусть и у меня не болят//* (Гурова А. И., с. Тростань).

Широко известен тот факт, что в общеславянских народных верованиях образ луны и месяца устойчиво ассоциируется с загробным миром [СД, 2004, т. 3, с. 143]. Согласно индоевропейской мифологической

традиции, нашедшей свое отражение в лексической составляющей данной группы языков, луна считается символом смерти, местом пребывания душ умерших [ССМС, 1996, с. 211].

В этой связи представляет интерес присутствующая в брянских заговорах отсылка-обращение к умершим с целью «позаимствовать» у них здоровье. Мы предполагаем, что растущий месяц, первоначально выступая в качестве языческого божества, относящегося как к видимому, так и к потустороннему миру, по архаичным народным верованиям, ещё сохранял какую-то связь с умершими до наступления полнолуния. Следовательно, в этот период он мог поспособствовать их помощи своим ныне живущим потомкам. А последние, в свою очередь, молитвами старались облегчить загробную участь усопших предков. Особо отметим, что при сборе материала мы столкнулись с двумя вариантами заговоров от зубной боли, в которых вместо упоминания усопших происходит упоминание родного брата месяца: *//Месяц, месяц, ты богат, у тебя есть брат, у твоего брата зубы не болят? Не болят. Так у меня, рабы божьей пусть зубы не болят //* (Ханаева В.Д., с. Старые Бобовичи); *//Месяц, месяц, ты рогат, у тебя есть брат Филат. У него зубы не болят? Ну так чтобы и у меня (имя) зубы никогда не болели //* (Васнецова Л.М., с. Замишево).

Следует отметить, что у славянских народов прослеживается мотив «лунного» братоубийства: согласно поверьям, находясь на луне, два брата не могут поделить имущество. Они вырывают друг у друга дубинку или вилы, в результате чего происходит гибель одного из братьев (болг., з.-укр., рус., бел., пол.). Согласно одному из вариантов данной легенды, Каин закалывает Авеля вилами, а потом остается на Луне в наказание за грех братоубийства [СБ, 2004, т. 3, с.151-152; ЭМНМ, 1991, т. 2, с. 79], что, вероятно, символизирует его духовную смерть.

Предполагаем, что, обращение к брату месяца в тексте вышеописанных

заговоров, вероятно, является отголоском более древнего варианта мифа, в результате разрушения которого, переосмысления народом своей древней мифологии, один из обожествленных близнецов утрачивает свою божественную сущность и, буквально становясь смертным, ещё какое-то время продолжает оставаться объектом народного почитания (возможно, в качестве первопредка), способным оказывать помощь просящему.

Отношение к болезни как к наказанию свыше и сегодня бытует в среде носителей местных говоров. Так, слово *чѐмер* – «чѐрт», отмечаемое у В.И. Даля [Даль, 2003, с. 4, с. 589], близко к брянским: *чѐмер* – 1. «боль в животе, от которой часто умирают, аппендицит» 2. «головная боль» и *чѐмер* – «припадок у детей»: // *Бѐтся дитя – чѐмерный. Када синеють и падають – это чѐмерные дети*// (Торбик М. М, с. Лужки). В донских говорах *чѐмер* – 1) грыжа; 2) эпилептический удар [БТСДК, 2003, с. 573]. Кроме того, согласно В. И. Далю, слово *чемер* может также означать головную боль [Даль, 2003, с. 573]. В других языках данное значение также нередко связано с болезнью: болг. *чемер* – яд; сербохорв. *чемер* – яд, гнев, но и скорбь; словен. *seter* – яд, желчь, гной, гнев; чеш. *seter* – сыпь; словц. *seter* – опухоль, сгусток крови; др-польск. *czemier* – чемерица; лтш. *seterins* – чемерица; д.-в.-н. *hemera*, нов.-в.-н. диал. *hemern* – чемерица; греч. «хамарос» – растение *Delphinium* [ФЭС, 2003, т. 3, с. 331]. *Delphinium* – лат. дельфиниум шпажник, прострел – имеет ядовитый корень.¹

Кроме того, слово *чѐмер* (*чомор*) нашло употребление и в художественной литературе. И. М. Курносова – елецкий исследователь творчества Е. И. Замятина – отмечает в произведениях последнего относительно слова *чомор* синтез нескольких значений в семантике одного слова (*чомор* – «чѐрт, бес» и *чомор* – «яд растения»), приводя следующий отрывок из произведения Е.И. Замятина: «Со всего бега стал Федор Волков,

¹ Благодарим преподавателя Елецкого университета им. И.А.Бунина Ю.Ю.Савинову за предоставленную информацию о растении *Delphinium*.

как чомором помраченный» («Африка»). «И неясно, – продолжает рассуждать исследователь, – ...помрачен Фёдор Волков то ли бесом, то ли ядом слов Яусты». Она же говорит о том, что в мифологическом сознании древних славян демонические существа сулили несчастья, болезни и смерть, и неслучайно названия нечистой силы совпадали с названием болезней. Далее И.М. Курносова приводит лексическую единицу *чемер* в значениях «черт», «яд» и «боль от яда» с пометой пенз [Курносова, 2009, с. 107-111].

Е. Ф. Будде в своей работе 1904 года относительно тульских и орловских говоров приводит слово *чемер* в значении «болезнь живота» [Будде, 1904, с. 143]. Однако уже в 1904 г. П. Н. Тиханов, фиксируя слово *чемер* в брянских говорах, оставляет его без указания значения [Тиханов, 1904, с. 36]. Позволим себе предположить: поскольку многие из значений слова *чемер* в различных языках соответствуют описанию проявлений пищевого отравления (головная боль, боль в животе, судороги с потерей сознания [СПВ, 1990, т. 1, с. 318-328], иногда – кожные проявления: сыпь и др.), очевидно, изначально данное слово выступало в качестве названия определенного ядовитого растения, которое могли по ошибке употребить в пищу и заболеть. Древнее отождествление с болезнью мифического злого божества могло перейти и на конкретное растение, вплоть до почитания этого растения как самого божества. Таким образом, понятия «злой дух» – «болезнь» – «растение», очевидно, в раннем сознании как бы сливались в единый образ и, обозначаясь одним словом, одновременно подвергались древнейшему табуированию: *semer с экспрессивной приставкой *se- от и.-е. *mer – «горький» [ФЭС, 2003, т. 3, с. 332].

Поскольку древнее мышление было преимущественно образным, явление табуирования способствовало возникновению и развитию мифического мировосприятия, появлению «секретных» слов, установлению первичных закономерностей, причин и следствий в развитии языка.

В более поздний период, благодаря метонимическому переносу, слово *чэмер* стало употребляться для обозначения отдельных проявлений отравления чем-либо, в дальнейшем же, когда утратилась связь с первоначальным заболеванием – пищевым отравлением. Эти метонимические названия симптомов как бы «переросли» сами себя. Оставаясь по своей сути симптомами, в настоящее время в лексике народной медицины они выступают как названия самостоятельных заболеваний, различных по проявлениям.

Как показали проведенные исследования, чаще всего табуирование названий болезней и сопутствующих им состояний, фиксируемое в местных говорах, осуществляется посредством эвфемизации. И до настоящего времени носители местного диалекта сознательно избегают прямого наименования того или иного заболевания, при этом четко осознавая его «настоящее», научное название: *падучая, чёрная, чёрная болéзнь* – эпилепсия, где эвфемизмы «падучая», «черная» являются «разрешенными словами», употребляемыми вместо запрещенного. Описание физического состояния человека в момент болезни также подвергается эвфемизации. Например, слова *слечь, уклáсться* и *свалíться* употребляются носителями диалекта в значении «заболеть».

В качестве эвфемизма для обозначения заболевания, особенно заболевания нервной системы, в говорах может выступать слово *удар*, которое в исследуемых говорах входит в состав ЛСГ «Заболевания сердечно-сосудистой системы». Интересно, что у В. И. Даля слово «удар» одним из своих значений имеет «болезнь» [Даль, 2003, т. 4, с. 472], тогда как в говорах юго-западной Брянщины «болезнь» является основным значением лексемы *удар* (паралич, инсульт). Так, в Новозыбковском районе Брянской области нами было записано: //Усё в-деревне ругаются/ шоб тябя удáр вдáрив. Это значит парáлич, парализацья. В-аснавном это ат-злости// (Шапотько Т. И.,

с. Величка). Такое понимание заболевания, по нашим представлениям, восходит к весьма древним временам, когда те болезни, которые наиболее часто возникали и характеризовались быстрым развитием симптомов, воспринимались как Божье наказание. Кроме того, болезнь, вероятно, изначально ассоциировалась с получением раны в бою, так как это был наиболее частый путь приобретения болезни.

В исследуемых говорах вообще «пожелание» испытать удар синонимично пожеланию болезни: //Да шоб табя уже вдáрило!!! (Шевцова Л.А., г. Новозыбков). Вера в то, что болезнь есть дело враждебного существа, злого духа, восходит к глубокой древности. Согласно А. Н. Афанасьеву, верование это встречается у всех индоевропейских народов. Ещё Гомер приписывал тяжкие недуги прикосновению злого демона. Аналогично и древние индусы верили в подобное воздействие злых духов на человека [Афанасьев, 2008, с. 946]. Предание дает этим существам божий бич и стрелы, а телесные страдания рассматриваются как следствие от укула или удара их оружия: болезнь – это «божья рана». Согласно бытующим у славян представлениям, чтобы предать род людской болезням, сатана истыкал перстом тело первого человека. В других вариантах предания он действовал жезлом, палицей; см. также глагол *приткнѹть* – «коснуться» [Афанасьев, 2008, с. 952] и брянское диал. *прѹтка* – «болезнь» (Гурова А.И. с. Тростань).

В этой связи интересно русское слово *прострѣл* – «острая боль, ломота и колотье в пояснице» [ОЖ, 1999, с. 622] и украинское *пристрѣт* – «болезнь, происходящая, по понятиям народа, от дурной встречи, сглаз» [ГРУЯ, 1958, т. 3, с. 442] (ср. русск. стрелять, укр. пристрѣй – «снаряд, прибор» [ГРУЯ, 1958, т. 3, с. 442]). Ещё А. Н. Афанасьевым было отмечено, что у чехов головная боль называется *strily*, а на Руси сибирской язве соответствует название *змеиный прострел*, так же, как и выражение «разбит параличом» может заменяться выражением «его прострелило» [Афанасьев, 2008, с. 952].

В связи с представлением о болезни как о простреле интересно привести часть записанного Л. Майковым заговора: *«Не от ветра, не от вехоря пришла сия стрела в раба Божия; и выходи, сия стрела, из раба Божия (имярек) на уклад, на железо и на масло, тенись, не ломись и не рвись, всегда, ныне и пристно и во веки веков, аминь»* [Майков, 1997, №89]. Здесь целесообразно обратить внимание на соотнесение стрелы с молнией. Мы считаем, что первоначально прострел, очевидно, ассоциировался с действием именно стрелы, а не иного оружия.

Отголоски мотивации возникновения подобных воззрений, вероятно, лежат в области остатков языческих верований, восходящих, возможно, к значению «разряд молнии – гнев божества, Перуна». Л. Майковым приводится ещё один заговор, где болезнь просят: рассыпья, раскатись по буйным ветрам и по чистым полям [Майков, 1997, №189]. Возможно, в данном случае прослеживается ассоциация с громом, молнией, которые, «рассыпаясь», становятся неопасными. По нашим наблюдениям, носители диалекта считают, что колдовство может заключаться в оставленных на дороге колющих предметах, вещах, которые нельзя поднимать, наступать на них: в противном случае, человек, тем или иным образом первым к ним прикоснувшийся, обязательно заболеет: *//Паднимать ничёго няльзjá, асобенно булауки, никакие ни-игёлки, колющее асобенно/ни-ножницы/ни-нажй.//Это как молния колет, так и это плохо?//Да, да!//* (Кирьяненко К. С., с. Новое Место).

С пожеланиями для болезни «рассыпаться», «раскатиться», возможно, связано описанное А. Л. Топорковым битьё посуды в народной медицине, которое также призвано испугать, отогнать болезнь. У восточных славян, поляков, словаков и сербов при конвульсиях накрывали ребенка корытом и разбивали сверху горшок, у белорусов и украинцев били горшок над головою больного, «чтобы отогнать лихорадку». Словаки варили лекарственный отвар

из трав в новом горшке, который потом разбивали [СД, 1995, т. 2, с. 182].

В Новозыбковском районе, согласно данным, полученным нами в ходе экспедиции, при опущении матки (брянск. *подб́йм живота́*), опущении органов брюшной полости, грыжах на живот больного ставился горшок с подожженным в нем хлопком, ватой, который потом разбивался (получено от Куприенко В. Д., 68 лет, с. Замишево). В селе Новое Место, по показаниям Выкачко Клавдии Николаевны, 67 лет, на крестины ребенка палкой разбивался горшок с ритуальной кашей. При этом оценивалось количество, размеры и форма получавшихся черепков, из которых затем всем присутствующим на крестинах гостям давали испить воду. Подобное делалось для того, чтобы у последних в будущем «не болели зубы». Считалось, что подобный ритуал предохраняет от болезней зубов.

В связи с вышеизложенным, интересны собранные Ю. Б. Жидковой в Воронежской области поговорки современных носителей диалекта: // *Чем ушибся, тем и лечись!* // *Горшок на живот – всё заживёт.* // [Жидкова, 2005, с. 131-136].

Не менее интересным для рассмотрения с точки зрения явления табуирования является диалектное слово *напа́сть* в значении «болезнь». Как существительное женского рода лексема *напа́сть* входит в синонимический ряд: *беда, горе, бедствие, бездолье, злополучие, катастрофа, несчастье, невзгода, невзгодье, безвременье, неприятность, злоключение, неудача, затруднение, испытание, пагуба, гибель* [СРС, 2006, с. 34]. У В. И. Даля «напасть» – *беда, бедствие, несчастье, злыдни, нападки судьбы, рока* [Даль, 2003, т. 3, с. 446]. На наш взгляд, для данного слова, вероятно, первично значение действия, то есть глагольная форма (ср.: *нападать* – «травить, атаковать, обижать» [СРС, 2006, с. 316], а также *нападать* – «ударить, обрушиться, навалиться» [СС, 1975, с. 256]). Однако в говорах от обозначения *напасти* – «беды» образовалась отсутствующая в литературном

языке и употребляемая в качестве эвфемизма форма *napáсть* – «болезнь», поскольку в древности болезнь воспринималась как нападение злых сил, действующих против человека [Афанасьев, 2008, с. 952].

Нами было замечено, что в некоторых селах носители исследуемых говоров слово «болезнь» заменяют словом *napúщeнка*, (Спека П. В., с. Верещаки; Вицентий Р. С., с. Большое Полпино), входящим в состав ЛСГ «Заболевания, связанные с действием потусторонней силы». Это связано с представлениями о болезни как о следствии злого воздействия, колдовства, «напущения».

Как показали наблюдения, в исследуемых говорах повсеместно распространена эвфемизация понятия болезни словом *nóрча*, которое также входит в состав ЛСГ «Заболевания, связанные с действием потусторонней силы». В среде носителей местного диалекта считается, что длительно или часто болеющего человека «спортили». Отголоски мотивации подобного употребления лежат в области верований в возможность злого воздействия со стороны потусторонних сил, враждебных человеку. Согласно А. Н. Афанасьеву, существуют общеевропейские представления о девах судьбы, которые с момента рождения ребенка начинают прясть нить его жизни, а по некоторым верованиям – ткать человеку посмертную сорочку (саван). Представления о сорочке смешиваются с не менее древним представлением о телесной одежде, облакающей душу со дня рождения по день смерти человека. Одна из дев периодически портит работу своих сестер (путает нить, портит холст), отчего смертного на земле постигают неудачи и болезни. Сходное воздействие приписывается и бабкам, волхвичкам как носителям обрядового, запретного знания, доступного лишь посвященным. См. др.-русс. волхв – «волшебник», словен. *volhva* – «гадалка» [ФЭС, 2003, т. 1, с. 346].

Возникновение у многих народов древнейших представлений о сорочке, как нам думается, связано с отхождением непосредственно после

рождения ребенка из родовых путей так называемого послéда – остатков плаценты с пуповиной и покрывавших ребенка оболочек – пленчатоподобной беловато-красноватой ткани, которая, окружая ребенка в утробе матери, удерживала вокруг него околоплодные воды, так называемое «плодное яйцо», без нарушения целостности которого рождение ребенка невозможно [Акушерство, 1970, с. 53-64, 136-141]. В связи с тем, что, по нашему мнению, смерть в древности воспринималась как второе рождение (уже в иной мир), это, очевидно, и диктовало необходимость наличия у человека прижизненной сорочки, облекающей душу, разрыв или повреждение ткани которой символизировало рождение, невозвратный выход души в иной мир, телесную смерть.

Интересно, что до настоящего времени на Брянщине (как и во многих областях России) повсеместно бытует представление о том, что если ребенок родился с остатками послéда на теле, то есть в не сильно порванной «одежде», то он в последующем будет защищен от бед и счастлив: *//А мой бáтько, ён на хврóнт ушóв, и за трі годы на ём ни царáпины, а нам бáпка казáла, ён у мáтки у сарóчки радіуся//* (Ханаева В. Д., с. Старые Бобовичи).

Следует отметить, что остатки послéда на ребенке опрошенные нами носители диалекта в юго-западных районах Брянской области называют именно сорочкой – «родился в сорочке», а саму «сорочку», по народным представлениям, необходимо сохранять всю земную жизнь данного человека (потеря её ведет к болезням, смерти), что, как нам кажется, подтверждает наше предположение о причине возникновения приведенных выше общеевропейских представлений.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что табуирование, несомненно, присутствует и в профессиональной медицинской лексике. Это, однако, особый вид табуирования, обусловленный желанием щадить больного, сохранять у него надежду на выздоровление. В то же время оно

учитывает необходимость донесения информации о тяжести состояния пациента до другого врача. При таком табуировании нередко используются латинские термины, которые, часто являясь переводом на латынь русского названия болезни, будучи совершенно точно понимаемы в профессиональной среде, выступают в роли незаметных для пациента эвфемизмов. Примерами подобной эвфемизации служат профессионализмы *канцер* (лат. *cancer*), *тумор* (лат. *tumor* «опухоль»), а также слова *заболевание*, *вариант*, *образование* – в значении «рак»; *люэс* (лат. *lues*) – в значении «сифилис», *синдром приобретенного иммунодефицита* – «СПИД». В роли эвфемизмов выступают также аббревиатуры: *tbs* – «туберкулез» (из латыни), *В1* – «рак» (от лат. «бластома»), *abs* – обозначение отсутствия чего-либо (из англ.), *mts* – «метастаз» (из латыни). Табуирование с целью сокрытия информации используется также при описании тяжести состояния больного: *агравация* – «симуляция болезни»; *возможность летального исхода* – «возможность смерти пациента»; *кахексия* (лат. *cachexia*) – «истощение», *казус инкурабилис* (*Casus incurabilis*) – «неизлечимый случай» и др.

Вместе с тем научно-медицинская терминология не избежала проникновения в неё отдельных табуистических образований из сферы народно-медицинской лексики. Так, слово *лихорадка* – повышение температуры тела до высоких цифр (дословно «рада лиху»), являясь следствием табуирования, активно употребляется в учебной, научной медицинской литературе для обозначения гипертермии – повышения температуры (ср. также следующие официальные медицинские наименования болезней: *проказа*, *ящур*, *белая горячка* и т.п.) [ИБ, 1950, с. 35-71, 94, 158].

Как показали проведенные исследования, еще одним способом образования лексических номинаций народной медицины в говорах юго-западной Брянщины является метонимия. При этом явление метонимии в

исследуемых говорах нередко созвучно метонимическим процессам, происходящим в терминологии официальной медицины, что представляется неслучайным, поскольку современная русская научная медицинская лексика своими корнями уходит в лексику народной медицины. Именно поэтому иногда бывает весьма сложно отнести то или иное слово в исследуемом материале только к народной или только к научной терминологии. Не уравнивая эти две системы, все же необходимо отметить существование между ними особых «переходных зон». Так, народная лексика нередко становится достоянием медицинской терминологии, при этом, однако, всегда имея латинское медицинское соответствие. В свою очередь, термины официальной медицины, по происхождению относящиеся к народным (напр., *обморок, язва* и др. [ВБК, 1969, с.93-99; ВБ, 1950, с.74]), хотя и становятся составляющими научной литературы, частично сохраняют свою народность, которая в них ощущается до настоящего времени.

Всё вышеперечисленное характеризует одну из ярких особенностей лексики народной медицины – её жизнеспособность и устойчивость на протяжении ряда веков. Многие из народных названий заболеваний и в настоящее время широко употребляются в научно-медицинской литературе (ср.: *чесóтка, ячмéнь, сучье вы́мя, ящур, крапíвница, красну́ха, красная волча́нка, чахо́тка, желту́ха, лихора́дка, обморок, прока́за, кривоше́я, борода́вка, ро́жа, рак, сибíрская язва, о́спа, рво́та, ко́лика, мокро́та, лишáй, бе́лая горя́чка* и т. п.) [см.: ИБ, 1950].

Так, например, диалектная лексема *красну́ха* вошла из лексики народной медицины в научно-медицинскую лексику в значении «острое инфекционное заболевание, проявляющееся характерной экзантемой (мелкопятнистой, бледновато-розоватой сыпью), умеренным повышением температуры, легким катаром слизистых верхних дыхательных путей» [ИБ, 1950, с. 306]. Очевидно, что лексема *красну́ха* этимологически восходит к

обозначению оттенков красного цвета сыпи. При этом латинская лексема *rubeola*, вероятно, также является производным от лат. *rubeo* – «быть красным, краснеть», *rubber* – «окрашенный в красную краску», а также «раскаленный докрасна, горячий, жгучий» [ЛРС, 2001, с. 563].

В качестве примера языковой метонимии можно также рассматривать перешедшее из диалекта и используемое в научной медицине русское литературное слово *корь* и его латинский аналог *morbilli*, служащий в качестве наименования инфекционного детского заболевания, проявляющегося типичной сыпью на коже и слизистых оболочках, лихорадкой [ИБ, 1950, с. 288].

Возникновение русской лексемы *корь*, согласно М. Фасмеру, объясняется наблюдающимся при этой болезни шелушением кожи (ср. кора), (ср. также польск. *odra* – «корь», восходящее к «деру», «драть», лит. *kera* – «отделяться, отходить (о коже, коре)» и т. д. Исследователь также приводит форму *chor* в том же значении с пометой: «вероятно, под влиянием польск. *chory* – «больной» (ср. русс. *хво́рый*, брянское диал. *хворéть* – «болеть» [БОС, 2007, с. 356], русс. диал. олонек. *хорь* – *корь* [ФЭС, 2003, т. 3, с. 343] и т. д. В связи с последним необходимо отметить и латинское название кори *morbilli*, возможно, обусловленное лат. *morbus* – болезнь и *morbo* – «заболеть, быть больным, страдать» [ЛРС, 2001, с. 398].

Как отмечалось выше, в говорах юго-западной Брянщины лексемы, входящие в состав ТГ «Наименования болезней», также нередко образуются в результате метонимии. Ярким примером одновременного присутствия метонимии в говорах и в их официальном греко-латинском аналоге является лексема *почечу́й* – «геморрой» (г. Новозыбков, с. Катичи, с. Шеломы, и т. д.) (ср.: *геморрой* (*Variceshaemorrhoidales*) – «расширение вен заднего прохода и прямой кишки» [ВБ, 1950, с. 318]). Необходимо подчеркнуть, что А.И.Соболевский объясняет происхождение лексемы *почечу́й* от слов «теку»,

«течь» [Соболевский, 2006, с. 342]. Ср.: *геморрой* (греч. *haimorrois* – «кровотечение») – «расширение вен нижней части прямой кишки в виде узлов, иногда кровоточащих, воспаляющихся и ущемляющихся в заднем проходе» [СИС, 1988, с. 117]. Очевидно, последнее слово в латинском медицинском термине *Variceshaemorrhoidales* образовалось путем заимствования из греческого языка, в котором оно, в свою очередь, появилось благодаря метонимии. Ср. также греч. *haimas* – «поток крови» [ГРС, 2006, с. 30].

В качестве примера метонимичности можно привести также диалектное слово *во́гник* – «нарыв, болячка с изъязвлением на лице, шее» (с.Новое Место, с. Замишево), которое, вероятно, соответствует научному латинскому *Carbunculus* – «обширное, быстроразвивающееся гнойное воспаление кожи и подкожной клетчатки» [ТС, 1947, т. 1, с. 543] (ср.: *carbunculus* (лат.) – «уголек» [СИС, 1988, с. 216]). В данном случае латинское название является метафорой, так как произошел перенос наименования «уголек» – от «уголь». Отмечая протетическое *в-*, мы вслед за В. И. Далем считаем слово *во́гник* производным от «огонь», «огненный» (как отражение субъективных ощущений больного при этом заболевании, вызванных повышением температуры, местным жжением). В. И. Даль, связывая «огник» со словом «огонь», приводит его с иным ударением: *огни́к* – «огнёвик, болячка, чирей, веред» [Даль, 2003, т. 2, с. 645]. Это же подтверждают и данные украинского языка, где *огник* вторым из значений имеет «уменьш. от «огонь; огонек» [ГРУЯ, 1958, т. 3, с. 36]. Некоторые исследователи (Ф.Соссюр, С. Младенов, О. Гуйер) сближают русск. *огонь* с др.-инд. *angaras*– «уголь» [ФЭС, 2003, т. 3, с. 118]. Следует отметить, что в с. Новое Место Новозыбковского района Брянской области до настоящего времени бытует записанный нами заговор от данной болезни, произносящийся перед открытым огнем: // *О́гник, о́гник, забяри́ (чей-то: называется имя человека)*

вогник// (Выкачко К. Н. 68 лет, с. Новое Место).

В составе анализируемой лексики народной медицины выделяется также широкий пласт слов, возникновение которых связано с метафорическим переносом, переосмыслением, как правило, стилистически нейтральных лексем в сторону придания им эмоционально-экспрессивной окраски (напр., диал. *жа́ба* (с. Шеломы, с. Вихолка, с. Катичи, с. Новое Место, с. Н. Бобовичи, с. Лужки, с. Тростань), соответствующее научно-медицинскому «стенокардия», связано с ощущением нехватки воздуха, учащенным, поверхностным дыханием (одышкой); ср. также лексемы *скула́*, *во́лос* и др.).

В этой связи вызывает интерес также образование посредством метафорического переноса лексической единицы *типу́н*, обозначающей воспаление единичного сосочка языка человека (повсем.). Предположительно, данное слово произошло от обозначения птичьей болезни *типу́н*, характеризующейся хрящеватым наростом на кончике языка птицы [Даль, 2003, т. 4, с. 405], которое, вероятно, было образовано от «*тип-тип*» (подзывные слова для птиц, ср. «типлѐнок» – цыпленок (Сев.) [БОС, 2007, с. 340]), а впоследствии появилась метафора, обозначающая заболевание человека.

Следует отметить, что мы наблюдали также единичные случаи, в которых, по-видимому, можно говорить о синекдохе – назывании целого по имени части. При этом название фиксирует только одну составляющую из комплекса признаков заболевания (ср.: брянск. диал. *костяни́ца* – ревматизм и вышеприведенное брянск. диал. *паду́чая* – эпилепсия). В последнем случае для названия взят лишь один из симптомов болезни: во время приступа эпилепсии человек падает. Однако это название не отражает остальных её проявлений, развивающихся одновременно с падением (тахикардии в момент приступа, сумеречного помрачения сознания, судорог, сведения челюстей,

прикусывания языка, выступающей на губах пены и т. п.) [СПВ, 1990, т. 2, с. 134]. В данном примере, по нашему мнению, также присутствует явление табуирования, распространенное в говоре: *паду́чая, чёрная, радíмец, радíмчик* – народно-медицинские «термины», обозначающие эпилепсию (см. выше).

Проведенные исследования позволяют утверждать, что в образовании лексических номинаций, обозначающих наименования болезней в говорах юго-западной Брянщины, помимо перечисленных языковых явлений, имеющих образный характер, принимают активное участие и другие языковые процессы, среди которых особое место занимает лексическая мотивация.

Следует отметить, что явление лексической мотивации, позволяющей «осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности» [Блинова, 1984, с. 16], весьма распространено в территориальных диалектах [ср.: Топорова, 1996 и др.]. Как показал анализ, в говорах юго-западной Брянщины можно выделить ряд мотивационных признаков при обозначении того или иного заболевания, которые могут быть связаны:

1) с источником возникновения болезни: *ногте́д, костяни́ца, волосе́нь* и др.;

2) с описанием наиболее характерного симптома проявления болезни: *почечу́й, шелуда́, шелудíвый, трясу́чка, трясови́ца, колоту́н* и др.;

3) с обозначением больного органа, места проявления болезни: *костяни́ца* – «ревматизм» (с. Катичи, с. Замишево, с. Ст. Бобовичи, с. Верещаки, с. Б. Полпино), *грудни́ца* – «мастит» (с. Рудня, с. Замишево, с. Вихолка, с. Величка) и др.;

4) с отражением развития болезни, её течения: *косте́д* – «остеомиелит» (с. Б. Полпино, с. Новое Место), *ногте́д* – «панариций» (с.

Большое Полпино), *мочу́н* – «недержание мочи», *водя́нка* – «отек всего тела» (г.Новозыбков), *кри́ксы* и *крику́шки* – «заболевания проявляются постоянным криком, плачем ребенка» (с. Старые Бобовичи, с. Новое Место, г.Новозыбков) и др.;

5) с обозначением причины развития болезни: *гное́д* – буквально «разъедающий гноем», может означать: 1) остеомиелит (при прогрессировании заболевания кость «разъедается» гноем); 2) подногтевой панариций (при развитии болезни из-под ногтя выделяется гной); 3) рану с нагноением (с. Замишево, с. Верещаки, с. Новое Место); *во́лос* – заболевание, по представлениям информантов, возникающее из-за проникновением под кожу восолоподобного червя (с. Тростань, с. Старые Бобовичи, с. Новое Место, с. Катичи), *ногтеви́ца* – «болезнь ногтевой фаланги пальца, сопровождающаяся повышением температуры» (с. Старые Бобовичи, с. Большое Полпино), *ради́мчик* – «заболевание новорожденных» (одно из значений) и др.;

б) с выражением субъективных ощущений заболевшего: *горя́чка* (по нашему мнению, производное от «гореть, пылать»), *огневи́ца* – «лихорадки, болезни, протекающие с повышением температуры тела» (с. Большое Полпино); *во́гник* – «язва либо нарыв на лице, голове, шее; заболевание, сопровождающееся локальным жжением, зудом» (с. Новое Место, с.Шеломы, с.Катичи, с. Вихолка) и др.;

7) с вероятностью злого воздействия как первопричины недомогания: *напу́щенка/напуще́нка* – обозначение любого заболевания, которое плохо поддается лечению (с. Б. Полпино). Ср.: *волхви́ть* – «лечить» (с. Старые Бобовичи), *уро́к*, *сгла́з* – «заболевания, насылаемые взглядом плохого человека» (повсем.) и др.;

8) со связью болезни с животными (*во́лчек*, *су́чье вы́мя* – «воспаление подмышечных потовых желез, по внешнему виду напоминающее собачьи

соски и лечашееся хлебом, скармливаемым собакам» (повсем.), *собáчья стáрость* и др.);

9) со связью болезни с физическим воздействием на человека (*трясуница, колотье, кильки, тряса, удар* и др.);

10) с отражением народно-мифопоэтических представлений о данной болезни: *лихомánка* – обозначение заболевания, протекающего с повышением температуры (г. Новозыбков, с. Новое Место, с. Катичи, с. Новые Бобовичи, с. Тростань, с. Лужки). Ср. у М. Фасмера: *лихомánка* – от «манить», «выманивать» [ФЭС, 2003, т. 2, с. 505]; *жа́ба* – заболевание, связанное с ощущением нехватки воздуха («жаба села») (с. Старые Бобовичи, с. Лужки) и др.

Как показали проведенные исследования, некоторые наименования болезней, присутствующие в говорах юго-западной Брянщины, были образованы посредством калькирования. Словесные единицы, обозначающие реалии медицины, восходят к глубокой древности, поэтому они нередко отображают наиболее характерные особенности предмета или явления так, как представляли их наши далекие предки. Ещё А. Н. Афанасьев отмечал, что поскольку различные предметы и явления легко могут быть сходны некоторыми своими признаками и в этом отношении производят на чувства одинаковое впечатление, то человек стал сближать их в своих представлениях и придавать им одно и то же название или, по крайней мере, названия, производные от одного корня [Афанасьев, 2008, с. 16].

Вероятно, здесь идет речь о параллельном, независимом появлении одинаковых значений вследствие самого развития образного мышления, общности восприятия ситуации древним человеком: известное издревле и наиболее часто отмечаемое детское заболевание у разных народов первично обозначалось просто общим понятием «болезнь», что в дальнейшем привело к возникновению в разных индоевропейских языках двух одинаковых по

значению, но разных по звучанию «терминов» народной медицины. Таким образом, по мере возрастания медицинских знаний, в ходе развития языка происходило появление новых (русс. *хворь* – «болезнь», *хворый* – «больной» и русс. диал. *хорь* – «корь»; польск. *chory* – «больной» и польск. *chor* – «корь» и др.) и переосмысление старых народных медицинских терминов.

Особый интерес в рассматриваемых говорах представляют немногочисленные случаи перехода собственных имен в нарицательные по типу «ИМЯ => НАЗВАНИЕ БОЛЕЗНИ». Такой переход представлен, в частности, в названии болезни *Антонов огонь* – «гангрена», входящем в состав ЛСГ «Инфекционные болезни», которая известна также в украинском (*антонів огонь*) и белорусском (*антонау агонь*) языках. П. Я. Черных квалифицирует данное выражение как кальку с немецкого *Antoniusfeuer* или французского просторечного *feu Saint-Antoine*. В русском языке словесная единица *Антонов огонь* фиксируется в словарях с 1731 года. По мнению ученого, в западноевропейских языках это выражение возникло в средние века и связано с именем католического святого Антония Фивского, мощи которого будто бы исцеляли от этого заболевания [ЧИЭС, т. 1, с. 46].

Как показал анализ, в говорах юго-западной Брянщины слово *ногтеед* (с. Б. Полпино) – «панариций, гнойное воспаление ногтевой фаланги пальца; нарыв под ногтем <...> который обычно сходит» [Даль, 2003, т. 2, с. 553] (синоним *волосень* – «гнойный нарыв» [БОС, 2007, с. 54]) имеет аналог в латинском языке *panaricium* – воспаление пальца, вызванное гноеродной инфекцией [ТС, 1947, т. 1, с. 502]. Лексема *panaricium* [ГРС, 2006, с. 932-933] имеет значение «ногтоеда» [СИС, 1988, с. 358], созвучное брянскому слову *ногтеед*.

К числу способов образования лексических единиц ТГ «Наименования болезней», присутствующих в говорах юго-западной Брянщины, относится сложение основ. Как показал анализ, данный процесс характерен не только

для народно-медицинской лексики, но и для научно-медицинской терминологии. При этом наблюдается своеобразная «зеркальность», проявляющаяся в наличии как в латинском термине, так и в соответствующем ему народном слове двух основ. Ср., напр., медицинскую лексему *osteomyelitis* – «остеомиелит (гнойное воспаление костного мозга с поражением всех элементов кости)» [ТС, 1947, т. 1, с. 498] и соответствующие ему диалектные слова *костоёд* (*костеед*), *гноеед* – «остеомиелит» (с. Большое Полпино, с. Новое Место и др.).

Рассмотрим составные части каждого из сложных слов. Латинское слово *osteomyelitis* произошло от греч. *osteon* – «кость» > лат. *oss\ossis* – «кость» и *myelos* – «(костный) мозг» [СИС, 1988, с. 310, 353] (ср.: *mollis* – «мягкий» [ЛРС, 2001, с. 395], *molitio* – «разрушение» [ЛРС, 2001, с. 395]). Лексема *osteomyelitis* буквально обозначает «костномозговое воспаление». В данном случае научное медицинское наименование связано с обозначением места проявления болезни. Брянское слово *костеед* также сложное слово, составные части которого образованы от словесных единиц *кость* и *еда* (буквально: «поедающий кость»). Лексема *гноеед* также образована от слов *гной* и *еда* и имеет значение «разъедающий гноем».

Слово *гноерод* происходит от «гной» и «родить», буквально «порождающий гной». Рассматриваемые народные названия связаны как с обозначением места проявления болезни (*костоёд*), так и с обозначением причины развития болезни: *гноеед* – буквально «разъедающий гноем». При прогрессировании остеомиелита пораженная кость разъедается гноем. Название также связано с описанием наиболее характерного симптома проявления болезни: *гноерод* – при данном заболевании скопившийся гной выделяется на поверхность кожи [ТС, 1947, т. 1, с. 498]. В данном случае мы имеем дело не только с обозначением места проявления болезни, но и с обозначением непосредственно самого заболевания, развития его –

разъедания кости, и даже с уточнением причины этого развития – расплавления кости гноем. В первом случае кость «поедает» сама болезнь, во втором – производное болезни гной «ест» кость. Возможно, мы здесь имеем дело с элементами табуирования. Так, например, в образовании латинского слова *osteomyelitis* – «остеомиелит», образованного от *os, ossis* – «кость» [ЛРС, с.441] и *myelos* – «мозг» (ср.: *mollis* – «мягкий» и *molitio* – «разрушение» [там же], буквально «костномозговое» (воспаление)), наблюдается сходство с образованием народных медицинских лексем *костеед* и *гноеед*. В данном случае научное медицинское наименование связано с обозначением места проявления болезни. *Костеед* – также сложное слово, составные части которого образованы от «кость» и «еда». Буквально: «поедающий кость». *Гноеед* – от «гной» и «еда» – «разъедающий гноем». Слово *гноерод* происходит от «гной» и «родить», буквально «порождающий гной». Рассматриваемые народные названия связаны как с обозначением места проявления болезни (*костоед*), так и с обозначением причины развития болезни (*гноеед* – буквально «разъедающий гноем»). При прогрессировании остеомиелита пораженная кость разъедается гноем. Название также связано с описанием наиболее характерного симптома проявления болезни: *гноерод* – при данном заболевании скопившийся гной выделяется на поверхность кожи [ТС, 1947, т. 1, с. 498].

Как показали проведенные исследования, одним из ярких языковых процессов в говорах юго-западной Брянщины является возникновение омонимов из полисемии. В ТГ «Наименования болезней» нередко возникает сложность разграничения омонимии и полисемии. В науке о языке немало сказано об отсутствии больших различий между полисемией и омонимией в русском языке [см., напр.: Шмелёв, 2007, с. 97 и др.]. При разграничении данных языковых явлений мы опирались на отмечаемый Д. Н. Шмелёвым принцип диффузности значений многозначного слова, которая заключается в

непротиворечивой совместимости значений в рамках одного контекста и, с точки зрения ученого, является неопровержимым свидетельством связанности лексико-семантических сущностей [см.: Шмелёв, 2007, с. 97]. В то же время диффузность не реализуется при «столкновении» омонимов.

Например, слово *скула́* в говорах юго-западной Брянщины используется как в общелитературном значении («часть лица человека») [ОЖ, 1999, с. 726], так и в диалектном («нарыв с припухлостью, отеком окружающих тканей (как правило, на лице), чирей, фурункул») (с. Новое Место). На наш взгляд, следует говорить о том, что первично эти значения были семемами многозначного слова, в котором второе значение, возможно, возникло на базе первого, аналогичного значению данного слова в литературном языке. Как отмечается в словаре М. Фасмера, слово *скула́* в диалекте может означать «опухоль», «шишку» [ФЭС, 2003, т. 3, с. 661]. С. И. Ожегов дает определение лексической единицы *скула́* как парной лицевой кости под глазницей [ОЖ, 1999, с. 726]. В Брянском областном словаре отмечается: *скула́* – «нарыв, фурункул» (г. Новозыбков), *ску́лка* (уменьшительное слово от лексемы *скула́*) – «нарыв, прыщ» [БОС, 2007, с. 316].

Можно предположить, что первоначально данное слово также имело значение «плотное округлое образование, выпячивание, шишка, нарост». При этом существует вероятность семантического родства с лексемой *кулак*. Так, например, у В. И. Даля встречается слово *скула́чить* – «собрать вместе, сколотить, сбить кулаками» [Даль, 2003, т. 4, с. 213]. Позже в результате метонимии наименование могло быть перенесено на «последствия» кулачного боя для дравшихся лиц – «нарыв, рана, опухоль»: ср. блр. *скула* – «нарыв, шишка на теле», укр. «нарыв, болячка», болг. «рана», словенск. «нарыв, шрам», чеш. и слвц. «щель, трещина, отверстие» [ФЭС, 2003, т. 3, с. 661-662].

Вероятно, путем метафорического переноса от слова *скула́* в значении «плотное округлое образование», «шишка» также появилось значение «выступающая кость на лице, челюсть», а в дальнейшем, также посредством метафоризации, появилось значение лексемы *скула́* «нарыв с отеком на лице». Здесь мы предполагаем наличие движения смыслов от отношений однонаправленной детерминации, «переносности», когда одно из значений как бы предполагает другое (*скула́* – «образование, шишка» и *скула́* – «кость»), или от невзаимоисключающей дизъюнкции, поскольку граница между значениями «округлое образование, шишка» и «кость», которая в данном случае тоже выглядит как округлое образование, шишка, оказывается как бы размытой [ср.: Шмелёв, 2007, с. 97-98], к снижению до минимума диффузности значений (*скула́* – «нарыв с отеком на лице») и, наконец, к возникновению омонимии.

Как видим, это тот самый «трудный» случай, когда полисемия постепенно настолько расходится, что становится омонимией. На наш взгляд, в говорах юго-западной Брянщины в рассматриваемом примере присутствует именно омонимия, поскольку различия лексических значений словесной единицы *скула́* дополняются еще одной существенной особенностью омонимии: лексема *скула́* в значении «нарыв, фурункул» (*скула 1*) в исследуемых диалектах имеет уменьшительную форму *ску́лка* – «нарыв, прыщ», тогда как слово *скула́* в значении «часть лица человека» (*скула 2*) не имеет уменьшительной формы.

Кроме того, формы множественного числа от *скула́ 1* и *скула́ 2* также различаются. Слово *ску́лья* употребляется в говорах Новозыбковского района как форма множественного числа от лексемы *скула́* – «нарыв», а также как форма мн. ч. от слова *ску́лье* – то же, что и *ску́лка* [БОС, 2011, с. 301]. При образовании формы множественного числа от слова *скула́* в значении «лицевая кость» в говорах фиксируется употребление формы *ску́лы*, которая

совпадает с литературной формой множественного числа от данного слова [см.: ОЖ, 1999, с. 726].

Таким образом, хотя абсолютной, окончательной изолированности значений друг от друга, вероятно, еще не достигнуто, в настоящее время, думается, уже можно говорить о несвязанности в анализируемой диалектной лексике значений: *скула́* – «часть лица человека» и *скула́* – «нарыв, чирей, фурункул на лице», то есть об их омонимичности.

Как показали проведенные исследования, возникновение омонимии из полисемии представляет собой весьма продуктивный путь происхождения большинства современных омонимов в исследуемых нами говорах. Ср., например, омонимичные в говорах юго-западной Брянщины лексемы *во́лос* – «роговое образование на теле человека», *во́лос* – «водяной червь», *во́лос* – «заболевание, связанное с нагноением кости»; *гры́зя* – «печаль, ссора» и *гры́зя* – «выпячивание, связанное с выходом под кожу внутреннего органа»; *сма́га* – «несчастье» и *сма́га* – «белый липкий налет на губах при отравлениях»; *че́мер* – «черт», *че́мер* – «заболевание, связанное с воздействием потусторонней силы», *че́мер* – «эпилепсия», *чемер* – «заболевание кишечника», *че́мер* – «психическое заболевание»; *кы́льки* – «бегающие, частые покалывания при онемении конечности», *кы́льки* – «пальцы руки, ноги»; *ради́мчик* – «незаросший родничок у грудных детей» и *ради́мчик* – «судорога/судороги (чаще при эпилептическом припадке)» и др.

Таким образом, при сопоставлении внутренней формы брянских слов с внутренней формой собственно латинских наименований, а также латинских медицинских терминов, образованных на основе греческих, нам удалось определить следующее. Несмотря на отдаленность латинского языка как языка научно-медицинской номенклатуры от живой народной речи и, в частности, от брянских говоров, мы видим, что между ними имеются такие общие черты, как метонимичность, метафоричность, присущие как научно-

медицинской терминологии, так и народно-медицинской лексике, а также образование и научных, и народных медицинских номинаций путем сложения основ. Вместе с тем, между научной медицинской терминологией и народной медицинской лексикой существуют и явные различия. Так, лексика народной медицины, в отличие от научно-медицинской терминологии, характеризуется достаточно выраженным субъективизмом, эмоциональностью, так как нередко пополняется в том числе и за счет расширения эмоционально-экспрессивной составляющей. Эмоциональная и субъективная составляющие медицинской латыни как языка научной номенклатуры, наоборот, сужаются. Лексика народной медицины в полной мере отражает субъективное, эмоционально-оценочное восприятие заболевания. Ср., например, латинский медицинский термин *гипертермия* (повышение температуры тела) и народно-медицинские брянские лексемы *трясу́чка*, *трясови́ца*, *колоту́н*, *лихора́дка*, *лихомáнка* и др. Лексике латинских медицинских терминов в меньшей степени присуще явление табуирования, распространенное в говоре (например, слова *роди́мец*, *роди́мчик*, *паду́чая*, *чёрная* соответствуют научно-медицинской лексеме *эпилепсия* – лат. от греч. *epilepsia*). Поскольку латинские названия прежде всего отражают научные понятия (требующие конкретики), полисемия для них характерна в гораздо меньшей степени. Для латинских названий нами не было отмечено случаев синекдохи, присутствующих в говоре (напр., *костяни́ца* – «ревматизм» (название отражает лишь один из симптомов развития заболевания) и др.).

ВЫВОДЫ

Обобщая изложенное во второй главе диссертационного исследования, можно сделать следующие выводы.

Для анализа языковых единиц ТГ «Наименования болезней», представленных в говорах юго-западной Брянщины, большое значение имеет обращение к текстам заговоров от разных болезней, поскольку исследуемая лексика нередко употребляется в таких текстах. Изучение заговорных текстов является важным с точки зрения этнографического аспекта, весьма ярко в них представленного и имеющего большое значение для характеристики исследуемых номинаций. В текстах заговоров народные лекари нередко обращаются к пантеону Святых, который совмещает христианские и остаточные языческие верования. Целители четко различают «отрицательную» (чисто языческую), темную, колдовскую и «положительную» (окрашенную присутствием христианской составляющей) семантику используемых языковых единиц и определяют первые тексты как заговóры, а последние – как молитвы. В текстах заговоров присутствуют мотивы духовной и физической защиты-исцеления от наиболее часто встречающихся в настоящее время заболеваний: мотив загрызания/перегрызания болезни, мотив остановки льда на реке и др. Наиболее часто исцелению людей от всех болезней в брянских заговорах способствуют Иисус Христос, Божья Матерь, Иоанн Креститель, Михаил Архангел, Архангел Гавриил. Заговорные тексты содержат глубокие духовные смыслы, во многом способствующие интерпретации содержания многих слов, обозначающих болезни. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о древности исследуемых процессов, подтверждением которой является то, что в современных заговорах, а также непосредственно в среде носителей говоров сохраняются представления о персонификации болезни не только

по отношению к человеческим, но и к зооморфным образам, персонификации объектов неживой природы. В говорах юго-западной Брянщины и в настоящее время функционирует не только двоеверие, но и подпадающее под влияние этого двоеверия освоение медицинской лексики посредством письменных форм, изменение сакральности, изменение формы сохранения и передачи информации (преобладание письменных форм передачи текстов, передача сакральной информации людям, не связанным с информантами-целителями близкородственными отношениями и т. д.).

Как показал анализ заговорных текстов, а также записанных бесед с народными целителями и другими носителями говоров юго-западной Брянщины, в числе тематических групп, характерных для исследуемых говоров, наиболее обширной является ТГ «Наименования болезней». Все другие ТГ («Наименования симптомов заболеваний», «Наименования процессов, связанных с лечением, лечебных действий», «Наименования лекарственных средств», «Наименования частей тела человека», «Наименования, связанные в народной медицине с магическими представлениями» и т. д.) тесным образом связаны с анализируемой в настоящем исследовании ТГ «Наименования болезней», поскольку лексические единицы, входящие в их состав и обозначающие симптомы болезней, части тела человека, лекарственные средства и т. д., позволяют наиболее полно раскрыть смыслы, связанные с номинациями различных заболеваний в говорах юго-западной Брянщины.

Тематическая группа «Наименования болезней» в исследуемых говорах отличается не только особенностями составляющих ее единиц, но и особенностями организации. В составе анализируемой тематической группы выделяются лексико-семантические группы (ЛСГ), связанные с обозначениями разновидностей заболеваний, которые характеризуются достаточно сложными связями и отношениями между составляющими их

лексическими единицами: 1) Инфекционные заболевания; 2) Болезни органов дыхания; 3) Заболевания сердечно-сосудистой системы; 4) Урологические болезни; 5) Кожные заболевания; 6) Болезни опорно-двигательного аппарата; 7) Заболевания органов брюшной полости; 8) Детские болезни; 9) Женские болезни; 10) Заболевания, связанные с действием потусторонней силы. Все перечисленные лексико-семантические группы содержат в своем составе наименования, формирование которых происходило под влиянием самых разных языковых процессов, среди которых ведущую роль играют механизмы образной номинации, прежде всего табуирование, метонимия, метафора, синекдоха и др., что во многом обусловлено образным характером самой народно-медицинской культуры говоров юго-западной Брянщины. Наиболее ярким процессом в народно-медицинской лексике исследуемых говоров является табуирование, которое сыграло большую роль в формировании многих наименований болезней. Данный процесс определяется экстралингвистическими факторами, связанными с бытующими в народе запретами на употребление тех или иных слов из-за боязни навлечь беду. Начиная с самых ранних этапов развития человечества, понятие болезни было связано с понятиями смерти, являвшейся продолжением жизни, и жизни, считавшейся продолжением смерти. Вследствие этого понятие болезни довольно часто табуировалось. Чем древнее и однотипнее в различных языках название того или иного заболевания, тем более, на наш взгляд, у исследователя оснований считать, что изучаемое слово образовано посредством табуирования.

Формирование лексики, номинирующей болезни в говорах юго-западной Брянщины, осуществляется также при помощи таких процессов, как лексическая мотивация, калькирование, сложение основ и др. Явление лексической мотивации, основанное на связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности, весьма

распространено в русских народных говорах. К числу наиболее распространенных мотивировочных признаков, на основе которых происходило формирование наименований болезней в исследуемых говорах, относятся отражение наиболее характерного симптома проявления болезни; обозначение больного органа, места проявления болезни; отражение развития болезни, её течения; обозначение причины развития болезни; выражение субъективных ощущений заболевшего; вероятность злого воздействия как первопричины недомогания; отражение народно-мифопоэтических представлений о данной болезни и др. Одним из ярких языковых процессов в говорах юго-западной Брянщины является возникновение омонимов из полисемии. В исследуемых говорах нередки случаи, когда полисемия настолько расходится, что становится омонимией.

Народно-медицинская лексика, обозначающая болезни в говорах юго-западной Брянщины, имеет сходные черты с терминологией официальной медицины, в том числе с латинскими наименованиями болезней, в числе которых – метонимичность, метафоричность, присущие как научно-медицинской терминологии, так и народно-медицинской лексике, а также образование и научных, и народных медицинских номинаций путем сложения основ. Отличительными особенностями народно-медицинской лексики от терминологии официальной медицины являются ее ярко выраженный субъективизм и эмоциональность, а также важная роль табуирования, характерного для наименований болезней, употребляющихся в исследуемых говорах.

Глава III.

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ И СТРУКТУРНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«НАИМЕНОВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ» В ГОВОРАХ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ БРЯНЩИНЫ**

**3.1. Особенности языковых единиц тематической группы
«Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины**

Как показали проведенные исследования, лексические единицы ТГ «Наименования болезней», представленные в говорах юго-западной Брянщины, оказываются различными по ряду оснований: 1) по генетическому признаку (источнику происхождения); 2) по способам образования; 3) по семантической структуре; 4) по формальной структуре и частеречной принадлежности; 5) по типу мотивационного признака и т. д.

I. По генетическому признаку (источнику происхождения) в пределах рассматриваемой тематической группы разграничиваются следующие наименования: 1) собственно научные медицинские термины, трансформировавшиеся под влиянием диалектной лексики (*ампендици́т, ампетици́т, апендю́к, беркулёз, ínсульт, панари́к, парали́к, ури́на, шарлати́н, пилéпсия* и др.); 2) собственно диалектные наименования болезней (*во́гник, во́лос, волосéнь, гноеéд, костоéд, гу́ля, кила́, костяни́ца, мочу́н, нёмочь, ногтеéд, почечу́й, роди́мец, скула́, скули́ца, типу́н, уда́р, ути́н, че́мер, шелуда́* и др. 3) диалектные наименования болезней, обогатившие терминологию официальной медицины (*ячме́нь, корь, гры́жа, ро́жа, красну́ха, чесо́тка, лихора́дка* и др.).

Первая группа наименований, включающая собственно научные

термины, трансформировавшиеся под влиянием диалектной лексики, содержит в своем составе словесные единицы, которые возникли в официальной медицине и в диалектном языке приобрели фонетические, морфологические или словообразовательные модификации. Так, например, в говорах юго-западной Брянщины встречаются слова, имеющие некоторые расхождения с общелитературными лексемами в ударении (ср.: *ínsульт* (брянск.) – *инсу́льт* (общелит.), *карбунку́л* (брянск.) – *карбу́нкул* (мед. термин) и др.), в родовой принадлежности (*ко́рем заболéв* – употребление общелитературного существительного *корь* в форме мужского рода; ср. общелит. *корь* – ж. р. и др.). Некоторые лексемы, обозначающие болезни в исследуемых говорах, характеризуются словообразовательными особенностями, отличающими их от слов литературного языка и научных медицинских терминов: *ампендицѳт*, *ампетицѳт*, *апендюк* (ср. общелит. и мед. *аппендицит*), *беркулэз* (ср. общелит. и мед. *туберкулез*), *панарѳк* (ср. общелит. и мед. *панариций*), *паралѳк* (ср. общелит. *паралич*) и др. Примечательно, что для некоторых исследуемых лексем характерны и фонетические, и морфологические изменения (ср.: *шкарлатѳн* (брянск., м.р.) – *скарлатина* (общелит., ж.р.) и др.).

Значительный пласт лексических единиц ТГ «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины представляют собственно диалектные наименования болезней. Среди таких номинаций различаются слова, характерные только для говоров юго-западной Брянщины (ср.: *крѳксы*, *сласту́н*, *подѳйм живота́*, *мочу́н*, *гнильник*, *ачáвретъ* и др.), и лексемы, распространенные не только в брянских, но и в других русских народных говорах. Так, например, лексема *во́лос* в значении «гнойное воспалительное заболевание мягких тканей ног, пальцев нижних конечностей» в говорах юго-западной Брянщины зафиксирована нами в селах Новое Место, Верещаки, Замишево, Лужки, г. Новозыбков. В данном значении лексическая

единица *во́лос* распространена также в говорах Курской, Костромской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Архангельской, Свердловской областей, в вятских и донских говорах [см.: СРНГ, 1970, т. 5, с. 57]. Лексема *пóрча* в значении «болезнь, вызванная колдовством» повсеместно распространена в исследуемых говорах, а также в Уральских, Вологодских, Воронежских, Архангельских, Тверских, Новосибирских, Кемеровских говорах [см.: СРНГ, 1996, т. 13, с. 114].

Как показал анализ, в говорах юго-западной Брянщины представлены также наименования болезней, изначально возникшие в диалектном языке и впоследствии ставшие научными медицинскими терминами. Так, например, лексическая единица *рóжа* в значении «болезнь кожи» представлена в олонекских, новосибирских, уральских говорах [см.: СРНГ, 2001, т. 35, с. 147]. На юго-западе Брянщины лексема *рожа* повсеместно фиксируется нами в исследуемых говорах в значении «кожное заболевание». В Большом словаре медицинских терминов для обозначения одного из видов поражения кожи фиксируется термин *рожистое воспаление* [БСМТ, 2007, с.178]. Лексема *корь* в значении «детская болезнь» зафиксирована в курских, брянских, калужских, саратовских, пензенских говорах [см.: СРНГ, 1979, т. 15, с. 38]. Как медицинский термин слово *корь* выступает в значении «инфекционная болезнь верхних дыхательных путей, преимущественно у детей» [ПМЭ, 1979, с.304].

II. По способам образования слова, входящие в состав исследуемой тематической группы «Наименования болезней», представлены:

1) лексическими единицами, созданными в результате морфологического способа словообразования (напр., *косто́ёд*, *гное́ёд*, *пралі́к*, *аппендіо́к*, *панарі́к* и др.); 2) лексемами, возникшими вследствие лексико-семантического способа словообразования (напр., брянское слово *круг* в значении «лишай» и общелитерат. *круг* – «часть плоскости, ограниченная

окружностью» [ОЖ, 1999, с. 309] и др.); 3) лексемами, образованными в результате морфолого-синтаксического способа словообразования (см. напр., перешедшие в разряд существительных брянские формы *паду́чая* – эпилепсия (с. Замишево, с. Шеломы, с. Новое Место, с. Лужки, с. Верещаки), *чёрная* – «холера» (с. Тростань, с. Большое Полпино), *рубáшная* – «месячные» (с. Замишево, с. Катичи, с. Лужки) и др.); 4) словесными единицами, образованными при помощи лексико-синтаксического способа словообразования: *не́мачь* (не мочь), *недорáйда* – в говоре сел Лужки, Шеломы в значении «неполноценный, психически больной человек» (возм. от не до радеть – от устар. *радеть* – делать, помогать), *за́чисть* – в значении «выздоровление, очищение» в говоре села Новое Место (вероятно, от за чистоту или от *зачисто* по аналогии с *начисто*) и др.; 5) лексическими единицами, возникшими в результате табуирования и эвфемизации (Ср., напр., лексемы *родíмец*, *родíмчик*, *чёрная*, *паду́чая*, *пóрча* и др.).

Следует отметить, что в говорах юго-западной Брянщины весьма распространенным является морфологический способ словообразования, прежде всего, аффиксация и словосложение. Аффиксация в рассматриваемых говорах преимущественно представлена суффиксальным способом и нередко сочетается с усечением основ исходных словесных единиц, употребляющихся в литературном языке или являющихся научными медицинскими терминами. Наиболее часто процесс аффиксации в исследуемых говорах осуществляется путем замены посткорневых аффиксов исходных слов языка официальной медицины формообразующими суффиксами *-ик*, *-юк*: *апендью́к* (ср. общелит. *аппендицит*), *панари́к* (ср. общелит. *панариций*), *парали́к* (ср. общелит. *паралич*) и др.

Целый ряд словесных единиц в говорах юго-западной Брянщины был образован при помощи способа словосложения. Ср.: *гноее́д* (от «гной» и «еда», букв. «разъедающий гноем»), *костое́д* (от «кость» и «еда», букв.

«поедающий кость»), *ногтеѐд* (от «ноготь» и «еда», бакв. «поедающий ноготь») и др.

Особый интерес в исследуемой лексике представляют словесные единицы, сформировавшиеся в говорах юго-западной Брянщины посредством лексико-семантического способа словообразования, чаще всего представленного метафорическим или метонимическим переносом. Так, например, в исследуемых говорах повсеместно распространено употребление слова *во́лос* в общелитературном значении «тонкое роговое нитевидное образование волосистой части головы» [ОЖ, 1999, с. 94]. Вместе с тем, в говорах юго-западной Брянщины лексема *во́лос* употребляется в значении «водяной червь, поражающий кожу человека», которое сформировалось посредством метафорического переноса на основе внешнего сходства человеческого волоса и водяного червя. Кроме того, в ряде говоров слово *во́лос* имеет значение «гнойное воспалительное заболевание мягких тканей ног, пальцев нижних конечностей» (с. Новое Место, с. Верещаки, с. Замишево, с. Лужки, г. Новозыбков), образовавшееся путем метонимического переноса на основании смежности. Данный случай метонимии связан с отношениями «одно через другое»: ср. *во́лос* – «волосоподобный водяной червь» и *во́лос* – «воспалительное заболевание, причиной которого считается повреждение, причиненное этим червем».

В качестве еще одного примера метонимии в говорах юго-западной Брянщины следует привести лексему *костяни́ца* – «ревматизм» (с. Большое Полпино) (ср.: научно-медицинское *Polyarthritis Rheumatica* – «ревматический полиартрит, является частью сложного синдрома острого ревматизма, характеризующегося воспалительным поражением соединительной ткани, сердечно-сосудистой и нервной систем, суставов и других органов») [СПВ, 1990, т. 2, с. 33]). Ср. также лат. *Rheumatica*, происходящее от греч. *Rheumatismos* – «растекание» [СИС, 1988, с. 420]; *ревма* – «течение, поток,

наплыв» [ГРС, 2006, с. 1113-1114]. На данном примере можно проследить отражение в названии болезни симптомов ее развития, которые связаны с острым началом суставного процесса, захватывающего последовательно несколько средних или крупных суставов (коленных, локтевых, плечевых), и с быстрым, часто в течение нескольких часов, обездвиживанием больного [ТС, 1947, т. 1, с. 272-273]. Лексема *костяніца* представляет собой производное слово от лексемы *кость* и указывает на поражаемый болезнью орган – кость/кости. На наш взгляд, название *костяніца* является более «узким» с точки зрения отражения течения болезни, чем латинское *ревматизм*.

III. По особенностям семантической (содержательной) структуры в говорах юго-западной Брянщины разграничиваются однозначные (моносемичные) и многозначные (полисемичные) наименования болезней. Большая часть исследуемых номинаций представляет собой однозначные лексические единицы. Ср., напр.: *кругі*, *стеня*, *крикун*, *веред*, *ути́н*, *мочу́н*, *гнильник* и др. Многозначные лексемы встречаются в рассматриваемых говорах реже. Ср.: *сте́нь* – «мышечная слабость конечностей у детей» (с.Тростань, с. Катичи), *веред* – «гнойный нарыв на лице, шее», *ути́н* – «боль в позвоночнике, связанная с движением, поворотами тела» (с. Новое Место, г. Новозыбков), *мочу́н* – «неудержание мочи, прежде всего у детей» (с.Большое Полпино), *гнильник* – «обширный гнойный нарыв на коже» (с.Большое Полпино) и др.

В меньшем количестве присутствуют в исследуемых говорах многозначные лексемы, обозначающие болезни. Ср.: *косто́эд* – 1. «исходящий из кости гнойник, остеомиелит – заболевание, проявляющееся истечением гноя, при котором гной, изначально поражая кость, затем выходит на мышцы и кожу»; 2. «костный панариций – заболевание, которое также проявляется истечением гноя из фаланговой кости пальца после

проникновения гноя из мягких тканей в костную ткань» (с. Большое Полпино); *кру́г* – «кожное заболевание, проявляющееся в виде кругов на коже, лишай» (с. Новое Место) и общеупотр. *круг* – «часть плоскости, ограниченная окружностью» [ОЖ, с. 309]; *во́гник* – 1. «кожное заболевание у детей, проявляющееся множественными мелкими язвочками» 2. «единичная глубокая язва на коже у взрослого человека» (с. Большое Полпино).

Следует отметить, что при анализе лексических номинаций различных заболеваний, характерных для говоров юго-западной Брянщины, было установлено, что одно и то же слово в брянских говорах и в других русских говорах имеет разный набор лексических значений. В исследуемых нами говорах лексема может иметь одно значение, а на других территориях она зафиксирована в двух или нескольких значениях. Так, например, лексическая единица *костоёд* (*костеёд*) в значении «исходящий из кости гнойник, остеомиелит» широко бытует в говорах Брянщины. Однако в говоре села Лужки Климовского района у слова *костоёд*, помимо основного, имеется также производное значение: «боль, ломота в костях». Ср.: // *Кастаёд, ёто када́ ко́сти баля́ть. Сауси́м зажра́в кастаёд. Сауси́м зажра́в. Ой, разломі́ло но́ги, разболéлися но́ги сауси́м*// (Торбик М. М., с. Лужки).

Яркой особенностью исследуемых говоров является наличие в них лексических единиц с темной, неясной семантикой (ср., напр.: *пра́нцы, че́мер, сма́га* и др.). Так, например, слово *пра́нцы* употребляется информантами как бранное (г. Новозыбков, с. Новое Место, с. Верещаки, с. Шеломы, с. Рудня). *Че́мер* – 1. боль в животе, от которой часто умирают, аппендицит (с. Тростань, с. Замишево, с. Большое Полпино); 2. головная боль (с. Тростань, с. Большое Полпино) 3. припадок у детей (с. Старые Бобовичи, с. Лужки). *Сма́га* – 1. «налет на губах при болезни» (с. Новое Место, с. Замишево); 2. нужда, горе (с. Тростань, с. Катичи).

Необходимо подчеркнуть, что при опросе информантов нами

отмечалось отрицательное отношение местных жителей к перечисленным выше словам, а также их связь в сознании носителей говоров с тяжелым заболеванием, но каким точно – информанты указать затруднялись. В некоторых случаях данные лексемы воспринимались носителями как бранные и даже запретные для употребления в речи (напр. *пранцы, чéмер*), что, по нашему мнению, косвенно свидетельствует об их эффемизации рядом опрошенных нами информантов. Такое настороженное отношение к данным словам, в первую очередь, отмечалось у информантов пожилого возраста (Кирьяненко Яков Степанович, 82 года; Кирьяненко Матрена Степановна, 80 лет; Кирьяненко Клавдия Степановна, 78 лет (с. Новое Место); Носова Нина Артемьевна, 89 лет, Заворотнова Евгения Фоковна, 83 года, Потапенко Мария Ивановна, 82 года, Вастюгина Евдокия Фроловна, 83 года (с. Шеломы); Ковалева Ирина Тимофеевна, 93 года (с. Старые Бобовичи); Ключева Нина Павловна, 89 лет (с. Тростань); Куприенко Валентина Дмитриевна (с. Замишево), Торбик Мария Михайловна (с. Лужки) и др.).

IV. Словесные единицы говоров юго-западной Брянщины, обозначающие наименования болезней, различаются также по формальной структуре и частеречной принадлежности. С точки зрения формальной структуры исследуемые лексические номинации могут быть представлены как словами, так и словосочетаниями. Большую часть наименований болезней в рассматриваемых говорах составляют однословные лексические единицы, выраженные преимущественно именами существительными. Ср.: *костяница, почечуй, скула, удар, кила, волосень, стень, утын, вогник, радимец, чéмер, напущенка* и др.

Как показал анализ, среди существительных, номинирующих болезни в исследуемых говорах, выделяются слова, употребляющиеся в единственном числе (ср.: *беркулез, волос* (при обозначении заболевания), *смага, крикун* и

др.) и лексемы, имеющие только форму множественного числа (ср.: *пра́нцы, харкі, крі́ксы, крику́шки, рва́ки* и др.).

В некоторых случаях наименования заболеваний и болезненных состояний человека могут выражаться именами прилагательными, перешедшими в разряд существительных (ср.: *рубáшная, чѣрная, паду́чая* (прилагательное, образованное от глагольной формы *падать* с последующим переходом глагола в существительное): // *У яго паду́чая прыключылася*// (Торбик М. М., с. Лужки) и др.).

Весьма распространенными в составе исследуемой группы говоров являются народные медицинские наименования, выраженные глаголами. Среди таких лексических единиц выделяются слова, омонимичные общелитературным номинациям (ср.: *шепта́ть* – «говорить шепотом» [ОЖ, 1999, с. 893] – *шепта́ть* – «лечить» (с. Новое Место, с. Тростань, с. Замишево, с. Старые Бобовичи, с. Катичи, с. Верещаки и др.), *спóртить* – «привести в негодность» [ОЖ, 1999, с. 565] – *спóртить* – «наслать белезнь» (повсем.), *выговáривать* – «делать выговор» [ОЖ, 1999, с. 119] – *выговáривать* – «исцелять» (повсем.), *вста́ть* – «принять стоячее положение» [ОЖ, 1999, с. 106] – *вста́ть* – «выздороветь» (с. Замишево, с. Величка, с. Лужки, с. Н. Место, с. Рудня, с. Н. Бобовичи, с. Шеломы, с. Катичи, с. Тростань), *ски́нуть* – «бросить вниз с чего-н.» [ОЖ, 1999, с. 699, 722] – *ски́нуть* – «потерять ребенка в утробе при выкидыше» (с. Тростань, с. Катичи, с. Замишево, с. Лужки, с. Большое Политно) и др.), а также собственно диалектные наименования (ср.: *заквивéть* – «заболеть» (с. Лужки), *ляци́ть* – «болит» (с. Новое Место, г. Новозыбков), *перха́ть* – «кашлять» (повсем.), *хирчи́ть* – «хрипеть (при дыхании)» (с. Тростань, г. Новозыбков, с. Замишево), *ачáвреть* – «выздороветь» (с. Лужки, с. Большое Полпино), *сквѣлится́* – «разболеться» (г. Новозыбков, с. Лужки), *сурóчить* – «сглазить, наслать белезнь» (повсем.) и др.).

Следует отметить, что глаголы, обозначающие болезни, в рассматриваемых говорах входят в одно словообразовательное гнездо с соответствующими отглагольными существительными: *трясуница* (от глагола *трясти*), *грызь* (от глагола *грызть*), *напуценка* (от глагола *напускать*), *родимчик* (от глагола *родить*), *почесуха* (от глагола *почесать*), *колотун* (от глагола *колотить*) и др. Некоторые народно-медицинские наименования заболеваний входят в одно словообразовательное гнездо с соответствующими прилагательными. См., напр., зафиксированное в с.Лужки брянск. диал. *красуха* в значении «рожистое воспаление» (от прилагательного *красный*).

Как показал анализ, менее представлены в говорах юго-западной Брянщины составные наименования, выраженные устойчивыми словосочетаниями: *сучье вымя*, *Антонов огонь*, *подбим живота* и др. Следует отметить, что составные наименования болезней в исследуемых говорах в ряде случаев сформированы на основе компонентов, повторяющихся в целом ряде рассматриваемых номинаций (ср.: черный: *чёрная немачь*, *чёрная болéзнь*, *падучая чёрная* и др.).

V. По типу мотивационного признака лексические единицы, относящиеся к ТГ «Наименования болезней», в говорах юго-западной Брянщины раграничиваются на основе признаков, по которым народ называл те или иные заболевания.

Как показал анализ, в исследуемых говорах номинации болезней разграничиваются по следующим основаниям: 1) по источнику возникновения болезни (*ногтеёд*, *костяница*, *волосень* и др.); 2) с точки зрения симптома проявления болезни (*почечуй*, *шелуда*, *шелудивый*, *трясучка*, *трясовица*, *колотун* и др.); 3) по основному признаку проявления заболевания (*криксы*, *крикун*, *падучая* и др.); 4) по обозначению больного органа, места проявления заболевания в организме (*мáточная*,

костяніца – «ревматизм», *грудніца* – «мастит» и др.); 5) по отражению развития болезни, её течения (*костеед* – «остеомиелит», *ногтеед* – «панариций», *мочун* – «недержание мочи», *водянка* – «отек всего тела» и т.д.); 6) по обозначению причины развития болезни (*во́лос*, *ногтевіца* и др.); 7) по связи болезни с различными природными стихиями (*во́гник*, *водянка*, *огневіца*, *Антонов огонь* и др.); 8) по связи болезни с животными (*во́лчек*, *су́чье вы́мя*, *соба́чья ста́рость* и др.); 9) по связи заболевания с вредоносным воздействием, оказываемым на человека (*напу́щенка*, *уро́к*, *по́рча*, *лихомáнка* и др.); 10) по связи болезни с физическим воздействием на человека (*трясу́ница*, *колотье́*, *кі́льки*, *тряса́*, *уда́р* и др.); 11) с точки зрения отражения народно-мифопоэтических представлений о данной болезни (*лихо́ра́дка* – дословно: «рада лиху» (от «лихо» – худо, вред); *лихомáнка* – обозначение заболевания, протекающего с повышением температуры и др.) и т. д. Вероятно, подобное формирование лексем, отмечаемое в говорах юго-западной Брянщины, является отличительной особенностью именно диалектного медицинского наименования, связанного со спецификой яркого, образного народного мышления.

3.2. Особенности организации тематической группы «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины

Тематическая группа «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины отличается не только особенностями составляющих ее единиц, но и особенностями организации. В составе анализируемой ТГ выделяются лексико-семантические группы (ЛСГ), связанные с обозначениями различных заболеваний, которые характеризуются достаточно сложными связями и отношениями между составляющими их лексическими единицами:

1. Инфекционные заболевания.

2. Болезни органов дыхания
3. Заболевания сердечно-сосудистой системы
4. Урологические болезни
5. Кожные заболевания
6. Заболевания органов брюшной полости.
7. Болезни опорно-двигательного аппарата.
8. Детские болезни.
9. Женские болезни.
10. Заболевания, связанные с действием потусторонней силы.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что единицы ТГ «Наименования болезней» связаны разнообразными и достаточно прочными системными связями и отношениями, прежде всего парадигматическими, которые представлены преимущественно отношениями синонимии и омонимии.

Как показали проведенные исследования, к числу наиболее ярких парадигматических отношений во всех исследуемых лексико-грамматических группах относятся отношения синонимии. В рамках анализируемых в настоящем исследовании лексико-семантических групп выделяются нередко весьма обширные синонимические ряды, построенные по определенным правилам, одно из которых предполагает наличие в синонимическом ряду слова-доминанты – «главного слова ... стилистически нейтрального и наиболее общего по смыслу члена синонимического ряда» [Жеребило, 2010, с. 57].

Как показал анализ, в составе ЛСГ «Инфекционные болезни» выделяется два синонимических ряда: *волосѣнь – вѳлос – ногтеѣд – (нохтоѣда) – панарѣк – гноеѣд – костеѣд* и *Антонов огѳнь – гангрѣна – огневиѳа – вѳгник (ѳгник)*.

Доминантной лексемой для синонимического ряда *волосѣнь – вѳлос –*

ногтеёд – (нохтоёда) – панарі́к – гноеёд – костеёд является слово *волосёнь*.

Лексическая единица *волосёнь* в говорах юго-западной Брянщины имеет значение «острое гнойное воспаление ногтевой фаланги пальца» и соответствует научно-медицинскому термину *панариций* (ср.: *panaricium* (лат. от греч. «ногтоеда») – «острое гнойное воспаление тканей пальцев рук и реже пальцев ног» [СИС, 1988, с. 358]). Ср.: // *Волосень – это когда ноготь нарывает и расслаивается* // (Миненко А. И., г. Новозыбк.); // *Волосёнь – такой нарыв синий и никто не может ему дать рады. На пальцах в основном бывает этот волосёнь. И палец может гноиться, черный быть* // (Выкачко К. Н., с. Новое Место) [ср.: БОС, 2007, с. 54] и т. д.

В Брянском областном словаре зафиксировано слово *волосёнь* в значении «гнойный нарыв на пальце» [БОС, 2007, с. 54], а также омонимичная ему лексема *волосёнь* в значении «тонкий водяной червь, похожий на человеческий волос, живет в воде, впивается в кожу» [БОС 2, 2011, с. 54]. Следует отметить, что лексема *волосёнь* в указанном значении была также выявлена нами при непосредственном общении с носителями говоров юго-западной Брянщины.

В других русских говорах в значении «гнойный нарыв на пальце» употребляются словесные единицы *волосни́ца* [Даль, 2003, т. 1, с. 235], *змеевёц* и *волосок* (бывш. Казачинская волость Енисейск. округа, Ужурская волость Ачиского округа) [СРНГ, 1965, т.7, с. 174].

Следует отметить, что В. И. Даль приводит слово *во́лосень/волосёнь* в значении «нижняя часть путовой кости или сгиба над конским копытом» [Даль, 2003, т. 1, с. 235], которое, очевидно, является омонимом брянским *волосёнь* – «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, при котором из гнойника могут выделяться волосоподобные нити» и *волосёнь* – «тонкий водяной червь, похожий на человеческий волос». В данном случае мы, вероятно, имеем дело с независимым появлением трех

омонимов путем метафорического переноса из литературного *во́лос* – «роговое нитевидное образование, растущее на коже человека и млекопитающих» [см.: ОЖ, 1999, с. 94-95].

Как показали проведенные исследования, образование брянского слова *волосéнь* в значении «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, при котором из гнойника могут выделяться волосоподобные нити» произошло путем метонимического переноса от *волосéнь* – «водяной червь» к *волосéнь* – «гнойный нарыв на пальце», «заболевание, которое, по народным представлениям, вызывается этим червем».

Лексическая единица *во́лос*, входящая в состав анализируемого синонимического ряда, имеет два значения: «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, панариций»; «гнойное воспалительное заболевание мягких тканей ног, пальцев нижних конечностей». При этом первое лексическое значение слова *во́лос* является аналогичным семантике слова *волосéнь*. В данном значении лексема зафиксирована нами в говорах сел Новое Место, Замишево, Тростань, Старые Бобовичи, Карна, Вышков, Замишево, Большое Полпино, Лужки, г.Новозыбков. Ср.: // *Из пальчика кода есть вот панариций. Эта панариций по медицине, а вообще-то это волос. Палец синий, нарыв от кости и ни один врач ничего не может сделать* // (Выкочко К. Н., с. Новое Место).

Лексическое значение словесной единицы *во́лос* «гнойное воспалительное заболевание мягких тканей ног, пальцев нижних конечностей» и значение лексемы *волосéнь* «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, при котором из гнойника могут выделяться волосоподобные нити» различны в деталях: *волосéнь* – «воспаление пальца вообще» (как верхних, так и нижних конечностей), *во́лос*– «воспаление мягких тканей ног, пальцев нижних конечностей». В данном случае мы, очевидно, имеем дело со специализацией значений слова,

причем не в научной терминологии, а в бытовом восприятии специфики болезни носителями говора и ее отражением средствами языка.

Необходимо подчеркнуть, что словесная единица *во́лос* и в первом, и во втором значениях распространена не только в рассматриваемых нами говорах, но и на других территориях России. Так, например, в говорах Тверской области лексема *во́лос* распространена в двух рассматриваемых значениях [ОРДР, 2009, с. 99]. Кроме того, в тверских говорах лексема *во́лос* имеет значение «болезнь костей, костоеда», омонимичное брянскому слову *во́лос*: «*Эта болезнь зовется грамматически костоед, а у нас волос*», «*И в пальцах бывает волос – пальчик до кости выболел*» [СЛГ, 2003 т.1, с.119, 140]

Следует отметить, что в значении «гнойное воспалительное заболевание мягких тканей ног, пальцев нижних конечностей» слово *во́лос* известно также в курских, костромских, псковских, новгородских, вологодских, архангельских, свердловских, вятских, донских говорах [см.: СРНГ, 1965, т. 7, с. 174].

В других русских говорах брянскому *во́лос* в значении «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, панариций» соответствуют синонимы: *волосáтик* (терск., калуж., яросл., новг., твер., костром., орл.), *волосéц* (Сибирь, Барнаул, Амур), *волоснiк* (смол., латв.), а также *змеевец* и *костяная грыжа* – «гнойное воспаление суставов верхних и нижних конечностей, коленей, сопровождающееся разрушением костной ткани» (енис., ачинск). При этом в ачинском говоре возникновение заболевания носители говоров также связывают с зарождением в теле человека «червячка» черного цвета, который, появляясь в мягких тканях человека, проникает в кости, а затем выходит из пораженной кости наружу [СРНГ, 1965, т. 7, с. 174; ср.: СЛГ, 2003, с. 119]. Ср. у В. И. Даля: *волосéц* – «тонкий, как нитка, водяной червячок» [Даль, 2003, т. 1, с.

235]. В. И. Даль приводит также слово *волосѣнь* в значении «нарыв на пальце» в составе синонимического ряда *волосни́ца, волосѣнь, вóлос* [Даль, 2003, т. 1, с. 235].

Важно отметить, что словесная единица *вóлос* так же, как и слово *волосѣнь*, в брянских говорах имеет омоним *вóлос* – «водяной червь, поражающий кожу человека». Ср.: //*Берут штук семь или двянацать колосков этих, ржаных и у водичку тѣпленьку. Ручку держат у воде этой. И тогда приходят и на этих колосках и с этаго же пальца тут же в воде опутывают вот эти колоски волос. Натуральный волос. Вот как он там был и ни один врач не видел яго*// (Выкачко К. Н., с. Новое Место). Омоним слова *вóлос* с семантикой «водяной червь, волосатик» представлен на достаточно широкой территории русских говоров: арх., новг., вят, перм., свердл., калуж., курск., смол., иссык-кульск., олонец. и др. [ОРДР, 2009, с. 96; ср.: ТСОРЯ, 2007, с. 115]. Ср. также в тверских говорах (селах Городец, Ясенское, Карпово и др.): //*У девочки волос был – в речке купалась. Я видела: тонкий, с капронову нитку, в воде живет, костоеда по-научному*// [СЛГ, 2003, с. 119]. Сказанное дает основание предположить, что слово с такой семантикой было широко распространено еще в древнерусский период.

Таким образом, народно-медицинское слово *вóлос* в значении «водяной червь» возникло в исследуемых нами и в других русских говорах на основе метафорического переноса (ср. литературное *вóлос*), а уже впоследствии в результате метонимии была образована лексема *вóлос* в значениях «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, панариций» и «гнойное воспалительное заболевание мягких тканей ног, пальцев нижних конечностей». Приведенная эволюция семантики словесной единицы *вóлос* в итоге привела к возникновению омонимов.

Данная гипотеза подтверждается наличием в некоторых русских говорах лексических единиц *волосѣц* (Сибирь, Барнаул, Амур) и *волосни́к*

(смол., латв.), имеющих лексическое значение «водный червь» и омонимичных словам *волосёц*, *волосник* в значении «гнойные глубокие раны, язвы, нарывы на ногах человека» в тех же говорах [см.: ОРДР, 2009, с. 99].

Еще одним членом рассматриваемого синонимического ряда является слово *ногтеёд* и его варианты *нахтаёт*, *нахтаёда*, *нохтоёда*, имеющие значение «гнойный нарыв на пальце и под ногтем» и употребляющиеся в говорах сел Лужки, Вихолка, Тростань, Катичи, Старые Бобовичи, Новое Место. Ср.: //Воспаление, ноготь когда воспаляется и болит волосень это, когда под ногтем палоски такие как волосы растут, ногтеёд ещё говорят на волосень// (Вицентий Р.С., с. Большое Полпино); //А нахтиет када гниет ногать// (Клюева Н. П., с. Тростань); //Во, палец сверби́ть, нарва́е нахтаёт ето// (Торбик М. М., с. Лужки); //Нахтаёда, ти нахтает ето усё одно и тожа. Валасень ето// (Пастушенко Н. И., с. Вихолка); //Нахтиёда, да, яго вышаптывають... А как правильно нохтиёда или нохтиед? – По усякому. – И это всё одно и то же? – Ну, да. Да// (Ханаева В. Д., с. Старые Бобовичи).

Слово *ногтеёд* соответствует научно-медицинскому латинскому термину *панариций* (*paronychia* (латинское от испорч. греч.) – «ногтоёда») — «острое гнойное воспаление тканей пальцев рук и реже пальцев ног» [СИС, 1988, с. 358]. См. также *paronychia* – «воспаление пальца, вызванное гноеродной инфекцией» [СПВ, 1990, т. 1, с. 502; ср.: ТС, 1947, т. 1, с. 502].

В. И. Даль без указания территориальной принадлежности фиксирует лексему *ногтоёд* и синонимичные ей *ногтоёда*, *ногтоёдица*, *заноготница* в значении «нарыв под ногтем, у самого ногтя, который обычно сходит». [Даль, т. 2, с. 553].

Слово *ногтеёд* синонимично зафиксированным в 1892 году в русских говорах лексемам *змеевёц* и *волосок* – «гнойное воспаление суставов и костей пальцев рук и ног» (Казачинская волость, Енисейский округ, Ужурская волость, Ачинский округ), а также лексемам *ноготница* (Пек., Осташк. Твер.,

1855), *ногтевіца и ноктевіца, ноготніца* (Сев.-Двин., 1928) и др. [СРНГ, т. 7, с.174; СРНГ, т. 21, с. 265-267].

Следует отметить, что диалектное наименование заболевания *ногтоёд*, очевидно, произошло в результате процесса калькирования от латинского термина *panaricium* (лат. от испорч. греч.), имеющего значение «ногтоеда» [СИС, 1988, с. 358].

Медицинский термин *панариций (panaricium)* в полной форме в указанных значениях фактически не слышен в речи носителей местных говоров. Его знают лишь местные медицинские работники, в то время как сокращенная форма *панарі́к* в значении «воспаление конечной ногтевой фаланги пальца» отмечена нами в говорах сел Замишево, Старые Бобовичи, Большое Полпино.

Лексическая единица *панарі́к*, входящая в рассматриваемый синонимический ряд, также обозначает воспаление конечной ногтевой фаланги пальца, панариций. Ср.: //Во, у мяне палец вторую няделю рве, саўсем панарик замучаў, надо к бабке иттить// (Куприенко В.Д., с.Замишево); //Панарик ноготь дярет, енто от воды бываэт, волосень ти волос, енто усё панарик // (Ханаева В. Д., с. Старые Бобовичи) и др. Слово *панарі́к* произошло от испорч. латинского *panaricium* – «ногтоеда» (ср. искажен. греч. *paronychia*) [БСМТ, с. 596] в результате морфологического способа словообразования.

К числу лексических единиц рассматриваемого синонимического ряда относится также слово *гноеёд*, обозначающее «гнойный нарыв на пальце, разъедающий кость». Ср.: //А во, распухла рука, гноеёд, наверно, прихватила, а хоть бы хто распорол, разрезаў бы, да гной поповыпустиў // (Куприенко В.Д., с. Замишево). Значение лексемы *гноеёд* соответствует научно-медицинскому термину «костный панариций» [см.: СИС, 1988, с. 358; ТС, 1947, т. 1, с. 502].

В данном значении брянское *гноеѐд* синонимично в русских говорах лексемам *змеевѐц* и *волосѐк* – «гнойное воспаление суставов и костей пальцев рук и ног» [см.: СРНГ, 1965, т. 7, с. 174]. В словаре В. И. Даля присутствует также однокоренное брянскому слово *волосни́ца* – «нарыв на пальце» [Даль, 2007, т. 1, с. 235].

Следует отметить, что слово *гноеѐд* в диалектных словарях не фиксируется. Оно образовано путем сложения основ *гной* и *еда*. В данном случае мы, вероятно, имеем дело с восходящей к древним анимистическим представлениям персонификации болезни носителями диалекта, приписывании ей способностей живого существа, что породило мифическое представление о том, что болезнь «кусает», «поедает» человека. Эти же древние представления, вероятно, отражает и фонетически созвучная форме м. р. *гноеѐд* древнерусская форма ж. р. *гноесть* – выделение гноя, гноение, зафиксированная в Травнике от 1534 года: «Мокрость, такоже и гноесть изъ... чирьевъ» [СДРЯ, 1988, т. 2, с. 46].

При рассмотрении лексемы *гноеѐд* следует отметить, что слова, образованные путем сложения основ, фиксируются параллельно как в народно-медицинской лексике, так и в научно-медицинской терминологии. При этом наблюдается своеобразная «зеркальность», то есть наличие и в латинском термине, и в соответствующем ему народном слове двух основ. Ср. медицинское *osteomyelitis* – «остеомиелит», образованное от *os, ossis* – «кость» [ЛРС, 2001, с. 441] и *myelos* – «мозг», возможно соотносящееся с *mollis* – «мягкий», а также с *molitio* – «разрушение» [ЛРС, 2001, там же] и соответствующие ему диалектные лексемы *костоѐд*, *гноеѐд*.

Следует отметить, что рассматриваемая словесная единица *гноеѐд* в брянских говорах имеет омоним *гноеѐд*, входящий в состав ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата» и обозначающий костное воспаление с разрушением кости. Ср.: //Панарі́к – это валасѐнь или ногтоѐд, а парали́к –

кагда всяго парализавало, инсульт когда вдáрив ну вот у голувú. Ногтоéd – это кагда он ногать разъедает, а если до касти то уже гноеéd. И если на ноге кость гниет – гноеéd тоже горят или костоéd, кагда кость на ноге гниет// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино).

Лексическая единица *костоéd*, входящая в анализируемый синонимический ряд, также обозначает «костный панариций». Ср.: *//И-панариций так называют// ногтяét/ гноеét/ костоét – усé панариций// гноеét/ костоét – панариций/ каторый ат-нагтя да-касти дагнил/ а ногтяét – каторый пат нагтém.//* (Куприенко В. Д., с. Замишево).

Лексема *костоéd* в исследуемых говорах имеет омоним *костоéd*, употребляющийся в значениях «исходящий из кости гнойник, остеомиелит» и «боль, ломота в костях» и входящий в состав ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата».

Лексема *костоед*, обозначающая «костный панариций», встречается в тверских говорах [СЛГ, 2003, т. 1, с. 119, 140]. В вологодских говорах, как и в тверских, вариант рассматриваемого слова в форме женского рода *костоеда* известен также в значении «волос» [СОВН, 2006, с. 63]. Таким образом, совпадение лексических значений слова *костоеда* в тверских и вологодских говорах сближает указанные говоры с юго-западными говорами Брянщины. Значение «костный панариций» для слова *костоéd* Словарь русских народных говоров не фиксирует, однако в приводимых примерах речи информантов это значение присутствует: *//У соседки-то костоед вокруг ногтя//* (Краснояр.) [СРНГ, 1979, т. 15, с. 77].

Все члены синонимического ряда, кроме лексемы *панариций*, характеризуются в изучаемых нами говорах сниженными экспрессивно-стилистическими оттенками. Ср.: *//Будь яно нéладно, костоед éнтот быú, у бальнице, казáли, чуть-чуть не памёрла //* (Лозинская З. И., с. Новое Место).

Как показал анализ, словесные единицы синонимического ряда

волосень – *во́лос* – *ногте́д* – (*нохто́еда*) – *панарі́к* – *гное́д* – *косте́д* имеют разную частотность употребления в исследуемых говорах и обладают некоторыми различиями в оттенках значений. Слова *волосень* и *во́лос*, распространенные повсеместно в исследуемых говорах, наиболее точно выражают значение «острое гнойное воспаление ногтевой фаланги пальца» и чаще всего присутствуют в речи информантов, совпадая по частотности употребления. Лексема *ногте́д* употребляется реже, присутствует только в говорах сёл Лужки, Вихолка, Тростань, Катичи, Старые Бобовичи, Новое Место. В селах Вихолка и Старые Бобовичи нами зафиксирован также вариант *нохто́еда*. Меньший ареал распространения и частотность употребления слова *ногте́д* (*нохто́еда*) предположительно связаны с более узкой семантикой, указывающей только на пораженный орган и не затрагивающей причины возникновения заболевания. Слово *панарі́к* употребляется значительно реже лексемы *ногте́д*, имеет несколько книжный характер, являясь производным от латинского медицинского термина *panaricium*. Лексическая единица *гное́д* употребляется для обозначения тяжелой формы данной болезни, при которой происходит более глубокое поражение пальца, вплоть до кости. Слово зафиксировано только в речи народных целительниц Куприенко В. Д. (с. Замишево) и Ханаевой В. Д. (с. Старые Бобовичи). Слово *косте́д* в значении «костный панариций» зафиксировано только в речи народной целительницы Куприенко В. Д. (с. Замишево).

Как отмечалось выше, в составе ЛСГ «Инфекционные заболевания» выделяется также синонимический ряд *Анто́нов огóнь* – *гангрéна* – *огневі́ца* – *во́гник* (*о́гник*), в котором доминантой является устойчивое словосочетание *Анто́нов огóнь*, обозначающее «необратимое омертвление части тела человека с последующим отпадением пораженного органа». Данная словесная единица зафиксирована в говорах сел Катичи, Шеломы, Вихолка, Старые Бобовичи,

Верещаки, Новое Место, Замишево, Тростань, Лужки, Большое Полпино, а также в Гордеевском районе г. Брянск [см.: БОС 2, 2011, с. 14]. Ср.: //Ну што, Антонов огонь ... огневицу так в старину называли и... ишо вот, гангрэну, точно, да, звали // (Кусая М. И., с. Верещаки); //Матка казала/ у войну много яго было, ёного антонова огня, у гаспиталях резали, а и бабка тожъ вышаптать могла, да не усяка бабка // (Куприенко В. Д., Замишево); //Яка щё гангрэна? У нас ничёго такога не говорят, говорят у няго антонау огонь приключиўся // (Ковалева И. Т., с. Старые Бобовичи) и т. д.

Следует отметить, что словосочетание *Антонов огонь* (*Антониев огонь*) с пометой «врачебное» и в значении «гангрена» приводится в Словаре древнерусского языка, в котором отмечается, что данное сочетание слов употреблялось в XI-XVII вв. [СДРЯ, 1988, с. 41]. В Травнике 1534 г. также указано: *Огонь названъ отъ вречевъ. Огонь Антониевъ палящий* [ТРА, 1534].

В «Рукописном лексиконе» Н. В. Татищева от 1731 года словосочетание *антонов огонь* отмечается в значении «болезнь» [см.: ЧИЭС, 2007, т. 1, с. 45]. В современном общенародном языке лексема *Антонов огонь* является несомненно устаревшей [ОЖ, 1999, с. 26], хотя П.Я.Черных считает его просторечным [ЧИЭС, 2007, т. 1, с. 45-46].

Устойчивое словосочетание *Антонов огонь* известно также носителям украинского (*антонів огонь*) [ГРУЯ, 1007, с. 32] и белорусского (*антонау агонь*) языков [БРС, 1924, с. 53]. В других славянских языках данное словосочетание не употребляется [ЧИЭС, 2007, т. 1, с. 45].

Словесная единица *гангрэна*, входящая в анализируемый синонимический ряд в том же значении, что и словосочетание *Антонов огонь*, употребляется в говорах сел Катичи, Шеломы, Вихолка, Старые Бобовичи, Верещаки, Новое Место, Замишево, Тростань, Лужки, Большое Полпино. Ср.: //Антонов огонь, яго бабки кадъись калом и с хлёбным квачем лячили, гангрэну ёту// (Калоша Н. Н., с. Катичи); //Антонов огонь ... И ещё

могли назывáть гангрéну во́гником// (Пунтус Л.В., с. Большое Полпино).

В речи носителей брянских говоров слово *гангрéна* в последнее время употребляется более активно в связи с расширяющимися масштабами заболевания сахарным диабетом, одним из последствий которого является данное заболевание.

Для исследуемого синонимического ряда характерна также лексема *огневи́ца*. На основании медицинских признаков заболевания, предоставленных опрошенными информантами, можно предположить, что слово *огневи́ца* означает лихорадку, вызванную именно гангренозным поражением. Ср.: *// Гангрéну у нас ещё назывáли огневи́ца. Огневи́цей то́чно гангрéну зва́ли/ а еще ётот... Анто́нов огóнь. Огневи́ца и óгник то́же могли назывáть гангрéну. Óгник, во́гник. На Укра́ине и у нас до сих пор же огóнь – во́гнь, до сих пор в деревня́х слы́шишь//* (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино).

В анализируемый синонимический ряд входит лексема *óгник* (*во́гник*), также соответствующая научно-медицинскому термину *гангрена* (ср.: лат. *gangraena*, греч. *gangraina*), обозначающему вид омертвения тканей, при котором омертвевшие ткани либо высыхают, либо подвергаются гнилостному распаду [БСМТ, 2007, с. 192; ср.: ПМЭ, 1979, с. 111]. Ср.: *//Ещё могли называть гангрéну во́гником//* (Пунтус Л. В., Б.Полпино); *//Óгник, óгник, забяри́ (чей-то: называется имя человека) во́гник//* (Выкачко К.Н., с. Н.Место); *// Гангрéна и во́гник ... всё одно //* (Пунтус Л.В., с. Большое Полпино) и т. д.

Следует отметить, что словесная единица *во́гник* (*óгник*) имеет еще два лексических значения, которые относят данное слово к ЛСГ «Кожные болезни»: «единичный или множественные нарывы, болячки с изъязвлением на лице, шее, голове; наблюдается преимущественно у детей раннего возраста до 1,5–3 лет» [ПМЭ, 1979, с. 186]; «гнойное воспаление кожи с

изъязвлением их на лице, подбородке, протекающее с повышением температуры тела». Слово *вóгник* (*óгник*) в значении «гангрена», относящееся к ЛСГ «Инфекционные болезни», является омонимом по отношению к лексеме *вóгник* (*óгник*), входящей в состав ЛСГ «Кожные болезни».

Как показали проведенные исследования, в составе ЛСГ «Инфекционные заболевания» присутствуют и другие лексические единицы, не входящие в синонимические ряды, к числу которых относятся слова *железа́*, *скарлати́н* (*шкарлати́н*) и др.

Слово *железа́* соответствует научно-медицинскому термину *чума́* (*pestis*) – «острое заразное заболевание с развитием воспалительных процессов в легких, лимфатических узлах и других органах» [ПМЭ, 1979, с. 661]. Ср.: // *Вот чума́ была, это железа́ у нас звали. – Железа это что, прыщ? - Не прыщ, а это имено чума́. А железа́ это, ну вот кода чума выскáкивает под кожу, она раздувается, течет и через два дня человек умер. Чуму́ звали железа́. А железа́ усту́хла и по́мер. Так говорили //* (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино).

В русском литературном языке слово *железа́* имеет лексическое значение, отличное от брянского: «орган, вырабатывающий гормоны и другие вещества» [ОЖ, 1999, с. 191]. В других русских говорах слово *железа́* также имеет значения, не совпадающие с брянским: 1. опухоль (ефрем., благовещ., астрах., пошех., молог., буйск., яросл., холмог., арх.); 2. болезнь домашних животных – затвердение вымени (серов.) [СВГ, 1983, с. 47]. В Словаре русских народных говоров приводится также слово *желéзо* – «опухоль на шее, в паху, в горле или вообще на теле» (пошех., волод.) [СРНГ, 1965, т. 9, с. 107]. Примечательно, что в значении «опухоль» слово было известно еще в древнерусском языке [СМИДЯ, 1958, т. 1, с. 850]. Для украинского и белорусского языков слово *железа́* в значении «чума» также не характерно. Отсутствие рассматриваемой лексемы в значении «чума» в

других русских говорах, а также в говорах украинского и белорусского языков, являющихся пограничными с брянскими говорами, свидетельствует о том, что слово *железа́* в значении «чума» является типичным только для брянских говоров.

Словесная единица *скарлати́н* (*шкарлати́н*), распространенная в говорах юго-западной Брянщины, представляет собой морфологический и фонетический вариант научно-медицинского термина *скарлати́на*, имеющего значение «острое, заразное заболевание, характеризующееся повышением температуры, воспалением горла и мелкоточечной сыпью» [ПМЭ, с. 575]; ср.: «инфекционная болезнь, преимущественно детского возраста, сопровождающаяся воспалением миндалин и сыпью на коже с последующим шелушением» [ОЖ, с. 721]. Ср.: //Шкарлати́н ёто така́ балэ́сть у дятéй, у горле такí як бубки вот, бéлае, раньшe скарлати́ном, ти кóрем дитё́ 'заболéв и мёрли, а тапéряча у бальни́цу звязúт – ён и ача́врев// (Торбик М.М., с.Лужки). В Брянском областном словаре лексема *скарлати́н* (*шкарлати́н*) не зарегистрирована. Слово *скарлати́н* брянскими говорами заимствовано из медицинской терминологии с изменением родовой принадлежности.

Необходимо подчеркнуть, что лексема *скарлати́н* была отмечена диалектологами еще в самом начале XX в. в Москве, а также в архангельских, владимирских, костромских, Кировских, уральских, томских, кемеровских, иркутских, амурских, хабаровских, камчатских говорах в том же значении [СРНГ, 1965, т. 37, с. 392]. При этом изменение рода данной словесной единицы имеет широкую географию.

В качестве словообразовательных синонимов брянскому слову *скарлати́н* выступают зафиксированные в Забайкалье лексемы *скарла́тка* и *скарлу́х* в значении «скарлатина».

М. Фасмер возводит слово *скарлати́на* к франц. *Scarlatina* или итал. *Scarlattina* (от лат. *scarlatina*). При этом автор словаря приводит латинскую

форму *scarlatum* – «пурпурная ткань», квалифицируя ее как слово восточного происхождения [ФЭС, 2003, т. 3, с. 634]. М. Фасмер также фиксирует древнерусскую форму *скарлат*, русскую диалектную форму *скурлат*, а также русскую форму *шарлат* в значении «пурпурная ткань» (ср. пол. *szkarlat* в том же значении) [ФЭС, т. 3, с. 634].

Следует отметить, что в древнерусском языке слово *скарлать* служило названием дорогой ткани красного цвета [СМИДЯ, 1958, т. 3, с. 381]. Примечательно, что медицинский термин *скарлатина* был образован путем метафорического переноса от *scarlatum* – «ярко-красный», поскольку при этом заболевании у пациента, особенно у детей, наблюдается ярко-красный, «пылающий» цвет зева и ротовой полости [см.: ЛРиРЛС, 2011, с. 573].

В ЛСГ «Болезни органов дыхания» наиболее ярким является синонимический ряд *туберкулёз* – *беркулёз* – *чахотка* – *бугорчатка* с доминантной лексемой *туберкулёз*. *Туберкулёз* – это «хроническая инфекционная болезнь, вызываемая микобактериями, наиболее часто поражающая легкие» [БСМТ, 2007, с. 846]. Слово восходит к латинскому *tuberculosis*, в свою очередь, связанному с *tuber* – «нарост, шишка, бугорок», [ЛРиРЛС, 2011, с. 662]. Характерная для официальной медицины лексема *туберкулёз* повсеместно распространена в говорах юго-западной Брянщины и активно используется в речи носителей говоров любого возраста.

Следующей лексической единицей анализируемого синонимического ряда является слово *беркулёз*, зафиксированное в говорах сел Шеломы, Замишево, Лужки, Новое Место и номинирующее легочное заболевание, сопровождающееся надсадным кашлем, кровохарканьем. Лексема *беркулёз* образована в исследуемых говорах путем усечения основы от слова *туберкулёз*. Анализируемая словесная единица не зафиксирована в словарях, но вместе с тем широко распространена в говорах юго-западной Брянщины. Ср.: //Собáчку я знаю, лови́ли ма́леньку яку́сь, беркулё́з ё́тот лячи́ли, ти шо //

(Панова М. А, 67 лет, с. Шеломы). // *Беркулёз когда, как воспалёнье у лёгких. Беркулёзом у вайну́ мно́га балéло*// (Торбик М. М., с. Лужки) и т. д.

В речи старших представителей исследуемых говоров нередко используется лексема *чахóтка*, хорошо известная носителям русского литературного языка. Ср.: // *От беркулёза раньшы ловили собаку. От войны чахóткой хто балел, дак ели собаку, жир их от лёхких пили, топили его*// (Куприенко В. Д., с. Замишево); // *Чахóтку ещё тожса горя́чкой звали/ було связано с туберкулезом, страшная болестъ лехких*// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино) и т. д. Следует отметить, что этимологи связывают данное слово с глаголом *ча́хнуть* (ср. укр. *чахнути* [РУС, 2003, с. 157], белор. *чахнуць* [БРС, 2020, с. 207; ср.: СБН, 1870, с. 96], русс. *чахотка* [см. ФЭС, 2003, т. IV, с. 319-320]). Такая убедительность обусловлена учетом характера протекания болезни и ее неизлечимостью вплоть до середины XX века.

Следующей единицей рассматриваемого синонимического ряда является слово *бугорча́тка* – «легочное заболевание, то же, что туберкулёз». Данная лексема зафиксирована в говоре с. Тростань, в речи Н. П. Ключевой: // *У войну́ у нас беркулёс чахóткой зва́ли, а вот матка калы́сь каза́ла на яго́ бугорча́тка, беркулёс и бугорча́тка это усё одно́, ба́чишь, вот от чяго́ сто́льки́ людей помёрло*// (Ключева Н. П., с. Тростань). Необходимо подчеркнуть, что слово *бугорча́тка* известно в русском языке как устаревшая лексема. Так, например, данная словесная единица встречается в словаре С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой с пометой «устар.»: *бугорча́тка* – «то же, что туберкулез» [ОЖ, 1999, с. 61]. В. И. Даль отмечает словосочетание *бугорчатая чахотка* в значении «нарывчатая, гнойная (чахотка)» [Даль, 2003, т. 1, с. 135]. Следует отметить, что в украинском языке русской форме *бугорча́тка* соответствует слово *сухо́та* [РУС, 2003, с. 15]. Ср. др.-рус. *сжхота* – «сухость» и «чахотка» [СМИДЯ, 1958, т. 3, с. 632]. Ср. также в сказке П. П. Ершова «Конек-горбунок»: «Всем бы, кажется, красотка,/ Да у

ней, кажись, сухотка» [Ершов, 1976, с. 103]. В белорусском языке слово *бугорча́тка* употребляется наряду с его синонимом *сухо́ты* [РБМС, 2005, с. 13, 82] и латинским медицинским термином *туберкулёз*.

Следует отметить, что этимологию лексической единицы *бугорча́тка* можно проследить, проанализировав симптомы туберкулеза, возбудитель которого может поражать не только легкие, но и другие органы заболевшего. Так, например, туберкулез кожи проявляется образованием множественных бугорков, узелков по всему телу, а туберкулез лимфатических узлов проявляется их увеличением, образованием подкожных «бугров» на шее, в паху, в подмышечных впадинах, а при развитии гнойного воспаления – образованием гнойных свищей на коже [см.: ПМЭ, с. 613].

Следующая лексико-семантическая группа «Заболевания сердечно-сосудистой системы», выделяемая в говорах юго-западной Брянщины, включает синонимический ряд *інсу́льт – парáлик – паралі́к – пра́лик – уда́р*, в котором доминантой является слово *інсу́льт*.

Лексическая единица *інсу́льт* обозначает «состояние обездвиженности всего тела или одной из его частей». Ср.: // *Інсу́льт у деревня́х уда́р называ́ют // У Прокóпа інсу́льт случі́ўся, дак ён ящэ́ ході́ў з па́лочкой //* (Красногорский И. И., с. Новое Место); // *Інсу́льт у голову́ вступа́е, уда́р вда́рит и всё* // (Кирьяненко И. П., с. Новое Место) и т. д.

Слово *інсу́льт* заимствовано из официальной медицины и соответствует научно-медицинскому термину *инсу́льт* – «острое нарушение мозгового кровообращения с повреждением ткани мозга и расстройством его функций, развитием поражения нервной системы» [БМЭ, с. 267; ср.: БСМТ, с. 348] (ср.: *инсу́льт* от лат. *insultus* – «инсульт» [БСМТ, 2007, с. 348] или *insulto* – «наскакивать, нападать, прыгать» [ЛРС, 2001, с. 329]).

В исследуемых говорах широко употребляются также словесные единицы *парáлик, паралі́к, пра́лик*, имеющие такое же лексическое значение,

как и у слова *инсульт* в селах Брянской области Замишево, Большое Полпино, Лужки. Ср.: //Говóрят, парáлик, ти прáлик, ти как. Кодá рáды яму́ немá/ тодá инсульт говóрят// Уклаўся и не встае́ и усé, и рáды немá, и помрэ́, и не встáне// (Васнецова Л. М., с. Замишево); // Ён как уклаўся, так с год и ляжítь кóлом, яго парáлик разбиў // (Торбик М. М, с. Лужки) и т. д. Слова *парáлик*, *парали́к*, *прáлик* соответствуют научно-медицинскому термину *паралич*, обозначающему «расстройство двигательной функции в виде полного отсутствия произвольных движений» [ПМЭ, 1979, с. 461; ср.: БСМТ, 2007, с.601], которое произведено от лат. *paralysis* – «паралич» [БСМТ, 2007, с. 601] (восходит к греч. *παράλυω* – развязывать, расслаблять или же из более позднего *παράλυσις* – «расслабление, паралич» [ГРС, 2006, с. 912]).

Следует отметить, что лексема *прáлик* является близким по звучанию брянскому слову *прáлить* – выколачивать, бить валиком белье при стирке и полоскании [БОС, 2007, с. 279], известному также в донских говорах. Фонетическое сближение произошло за счет действия закона экономии речевых усилий, семантическое является результатом образного взгляда на реалию. Ср.: *прáлик* – «удар, инсульт» по аналогии с диал. *прáлить* – «бить, выколачивать».

Лексическая единица *удáр*, входящая в исследуемый синонимический ряд, в говорах юго-западной Брянщины также употребляется в значении «то же, что и инсульт». Ср.: //Удáр вдáрив и уклаўся// (Красногорская Л.С., Н.Место); //И ругалися. Шо б тибя удар вдарив// (Миненко А.И., г.Новозыбков). Происхождение данного слова и его семантика являются результатом отражения образного взгляда на реалию: при развитии болезни человек теряет сознание и падает, как от удара [ПМЭ, 1979, с. 267].

Еще одной лексико-семантической группой, входящей в состав ТГ «Наименования болезней», является ЛСГ «Урологические болезни», в

которой наиболее ярко представлен синонимический ряд *недержáвик – недержаву́н – поссыку́н – мочу́н – ури́на*.

Лексическая единица *недержáвик* зафиксирована в говоре села Большое Полпино в лексиконе потомственной народной целительницы Вицентий Раисы Сергеевны (65 лет) и обозначает недержание мочи взрослым человеком. Ср.: // *Недержáвик – када мочу не держит. А что у него? А поссыку́н. Та недержáвик у няго, а если когда со злом говорит то – да нет, недержаву́н у няго! Недержаву́н – это када со злом к человеку. Ну у нас это тоже поссыку́н ещё называли когда ссы́тса, мне ба́бушка рассказывала//* (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино). Слово *недержáвик* соответствует научному медицинскому термину *недержание мочи* (*incontientiaurinae*, син. *aniischuria*), который имеет значение «непроизвольное выделение мочи из мочеиспускательного канала без позывов к мочеиспусканию» [БСМТ, с. 538].

В используемых в настоящей работе словарях лексема *недержáвик* не зафиксирована. Данная лексическая единица не имеет широкого распространения в исследуемых говорах. По мнению вышеуказанного информанта, она обладает нейтральным значением.

Словесным единицам *недержáвик – недержаву́н – поссыку́н – мочу́н – ури́на*, представленным в анализируемых говорах, соответствует восходящее к греческому языку официальный медицинский термин *энурéз* (ср.: *enuresis*, от греч. *enureo* – «мочиться»), обозначающий ночное недержание мочи [БСМТ, с. 943].

Следующая словесная единица рассматриваемого синонимического ряда – *недержаву́н* – также обозначает недержание мочи взрослым человеком. Данное слово зафиксировано в говоре с. Большое Полпино Брянской области. Слово не имеет аналогов в используемых в работе словарях. В Брянском областном словаре данная лексема не зафиксирована.

В трактовке информанта Вицентий Р. С., проживающей в селе Большое Полпино, лексема *недержавун* имеет отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску и, возможно, относится к бранной лексике.

Лексическая единица *поссыкун*, обозначающая недержание мочи взрослым человеком, также зафиксирована в говоре села Большое Полпино, в лексиконе народной целительницы Вицентий Раисы Сергеевны. Данное слово, по мнению информанта, является устаревшим, так как в настоящее время не используется носителями говора. Указанная лексема не имеет аналогов в используемых в работе словарях.

К числу словесных единиц анализируемого синонимического ряда относится также лексема *мочун*, употребляющаяся в рассматриваемых говорах в значении «недержание мочи, прежде всего, у детей». Данное слово зафиксировано в селе Старые Бобовичи, в лексиконе народной целительницы Ханаевой Варвары Даниловны (71 год) и в селе Большое Полпино в лексиконе народной целительницы Вицентий Раисы Сергеевны (65 лет). Ср.: *//Сытьса дятя – это мочун. И вот ат чаго это? – Это у младенцев так, да?– Не, это уже у взрослых! Уснет и ничёго ня чуе, а яно, это... – У детей? Или у взрослых? – У дятей, як уже и в школу итдут, а усё енто... вот. Тады вот мачун гаворят. – А у взрослых? – Ну, это я ня знаю//* (Ханаева В. Д., с. Старые Бобовичи) *//Недержавик, недержавун, поссыкун, мочун. Мочевик слабый ещё говорят, когда моча не держится. Мочевик – это мочево́й пузырь//* (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино). Слово *мочун* не имеет аналогов в используемых в работе словарях.

Следующей словесной единицей исследуемого синонимического ряда является лексема *урина*, также обозначающая недержание мочи. Слово зафиксировано в говорах сел Замишево, Катичи: *//Када моча йдёт а ён ничёго не чуёт – это мочун ти урина//* (Калоша Н. Н., с. Катичи); *// Када вот человек упу́скае мочу, читать надо: Сонце на закат скатись, урина уймись.*

Подымаю и восстанавливаю в тебе места урины и исцеляю. Аминь // (Куприенко В. Д., с. Замишево). Лексическая единица *урина* заимствована из языка медицинской латыни (ср. *urinae* – «моча» [ЛРиРЛС, 2012, с.321]) и соответствует научно-медицинскому названию заболевания *недержание мочи (incontinentiaurinae)* – «непроизвольное выделение мочи без позыва к мочеиспусканию» [БСМТ, 2007, с.538]. Слово *урина* не встречается в используемых в работе словарях.

Как показали проведенные исследования, в анализируемом синонимическом ряду *недержавик – недержавун – поссыкун – мочун – урина*, представленном в говорах юго-западной Брянщины, слово-доминанту определить практически невозможно: все словесные единицы, кроме лексемы *урина*, употребляются активно и недифференцированно. Представляется, что их использование определяется не системой говоров, а личными и переменчивыми, случайными употреблениями, причиной чего является максимально прозрачная внутренняя форма рассматриваемых слов. Применение слов *недержавун* и *мочун* поддерживается, кроме того, фактором словообразовательного характера: их производством от активного в диалектной речи суффикса *-ун*. Все члены синонимического ряда, кроме слова *урина*, в изучаемых говорах обладают, кроме того, и сниженной экспрессией, тогда как термин *урина* обладает потенциалом определенной экспрессии как термин книжного происхождения.

В составе лексико-семантической группы «Кожные болезни» можно выделить синонимический ряд *бугор – бубка (бубочка) – огник (вогник)*, в котором доминантой является лексема *бугор*, номинирующая «нарыв, прыщ, дерматит». Ср.: *//Она у холоду постояла, дак усё лицо буграми пошло, от прышией//* (Панова М. А., с. Шеломы); *// Бугор – это болячка така, вот как чирка, ти чирик, прышиык//* (Калоша Н. Н., с. Катичи). Ср. также: *бугор – «небольшое воспалительное возвышение на коже, прыщ, волдырь»* (погар.,

мглин.) [СБГ, 1976, т. 2, с. 18].

Необходимо подчеркнуть, что в случае с брянским словом *бугóр* в медицинском значении мы, очевидно, имеем дело с наиболее древним способом обозначения заболевания, когда название болезни совпадало с наименованием её проявлений, то есть с отражением в номинации болезни её наиболее яркого симптома – появления опухоли.

Следует отметить, что данная лексическая единица употребляется не только в говорах юго-западной Брянщины. Примечательно, что для общенародного употребления характерно слово *бугристый*: бугристая кожа, бугры на коже [ОЖ, 1999, с. 61]. В словаре В. И. Даля присутствует лексема *бугровина* – «вздутое бугром место на теле, волдырь» [Даль, 2003, т. 1, с. 135]. Слово *бугóр* в указанном выше значении отмечается также в соседних калужских говорах, которые соприкасаются с северными брянскими говорами, не являющимися объектом нашего исследования. Несмотря на отсутствие в словарях прямых указаний на совпадение семантики южно-брянских и калужских говоров, можно предположить наличие этого термина в говорах между калужской и юго-западной брянской территориями.

Лексическая единица *бубка*, *бубочка* (уменьш.), входящая в рассматриваемый синонимический ряд, имеет значение «нарыв, прыщик» и соответствует научно-медицинскому термину *герпес* (ср.: *herpes* – болезнь, характеризующаяся высыпаниями на коже и (или) слизистых оболочках в виде сгруппированных пузырьков [БСМТ, 2007, с. 215]. Ср.: //Глянь, у мяне во бубочки на губе ускóчили // (Красногорская Л. С., с. Новое Место); //Якась бубка ускóчила на теле// (Кирияненко И. П., г. Новозыбков) //Бубки во рту поускóчили, снутри́, ёнто я учёра рыбу солёну изъёла// (Г. И. Кирияненко, с. Новое Место).

Следует отметить, что диалектная лексема *бубка*, очевидно, представляет собой древний способ обозначения заболевания, отражающий

один из наиболее ярких симптомов болезни. В данном случае название болезни, вероятно, формировалось на основе метонимического переноса от *бубка* в значении «зернышко» к слову *бубка* в значении «прыщ».

Слово *бубка* и его уменьшительный вариант *бубочка* так же, как и лексема *бугор*, встречается в калужских говорах, что подтверждает историческую близость данных говоров с брянскими [СРНГ, 1968, т.3, с.237].

В исследуемом синонимическом ряду присутствует также лексическая единица *о́гник (во́гник)*, омонимичная лексеме *о́гник (во́гник)* в значении «гангрена», входящей в состав ЛСГ «Инфекционные болезни». В пределах ЛСГ «Кожные заболевания» данная лексема имеет значение «единичный или множественные нарывы, болячки с изъязвлением на лице, шее, голове; наблюдается преимущественно у детей раннего возраста до 1,5–3 лет» [ПМЭ, 1979, с. 186]. Как показал анализ специальной литературы по рассматриваемому вопросу, слово *о́гник (во́гник)* в данном значении соответствует научно-медицинскому термину *эксудативно-катаральный дуамез (diathesis exsudativo catarrhalis)*, который не употребляется в силу своей сложности в обыденной речи носителей юго-западных говоров Брянщины и является синонимом лексемы *золотуха*. Словесная единица *о́гник (во́гник)* в данном значении зафиксирована в селах Новое Место, Замишево, Верещаки, г. Новозыбков. Ср.: // *Вот у деток часто баваает под носом, коло губ бываает, за ухом. Ещѣ золотуха называется// Вот яно́ одно гниѣт – и следующее, нары́вы // Одни заживають, рядом же мокнут и нарывають другия//* (Выкачко К. Н., с. Новое Место) // *Вогник, это вот такие боля́чки у детей на голове, у маленьких деток от аллергии. И они мокры и как язвочки какие-то//* (Миненко А. И., г. Новозыбков).

Как показали проведенные исследования, в ЛСГ «Кожные заболевания» присутствует еще один синонимический ряд с доминантной лексемой *вѣред*: *вѣред – гни́льник – карбу́нкул – во́гник*.

Лексическая единица *véred* обозначает «гнойный нарыв на лице, шее» и в научной медицинской терминологии имеет соответствие *карбункул* (*carbunculus*), номинирующее обширное, быстро развивающееся гноное воспаление кожи и подкожной клетчатки [ТС, 1947, т. 1, с. 543; ср. также: Минкевич, 1949, с. 75-77]. Ср.: // *А véred это таки́ як прыщ, то́льки нарыва́е и тада́ крѣпко боли́т, и ния́к няма́ яму́ да́ть ра́ды, ёнтому, у кого́ ён* // (Красногорский И. И., с. Новое Место); // *Ребенок ноет, капризничает, говорят впряду́е, вередова́ть – это па́костить, изгаля́ться. А вот у нас ещё véредом нарыв звали, на бороде, над губой бывает, сперва вот вроде как прыщ, а потом всю губу разнести может*// (Миненко А. И., г. Новозыбков) и т.д.

Следует отметить, что лексема *véred* впервые фиксируется в «Изборнике Святослава» XI в. в значении «вред». Данное слово в значении «нарыв, гнойник» восходит к др.-русс. *вередь* – «рана, нарыв», куда, в свою очередь, вероятно, попало из ст.-слав. *врѣдь* – «повреждение». Очевидно, корень генетически способствовал возникновению русского «вращать», «вертеть» [ФЭС, 2003, т.1 с. 206, 341].

В значении «болезнь с изъязвлением» слово *véred* отмечается в летописных источниках начала XII века, в значении «болячка, нарыв, опухоль» – в письменных источниках XVI-XVII веков [СРЯ, 1978, т. 2, с. 84-85]. Ср.: *véred* – «болячка, чирей, нарыв»; *вередить* – «повреждать» [Даль, 2003, т. 1, с. 170]. В Брянском областном словаре приводятся этимологически и фонетически созвучные слову *véred* лексемы *верезжёный* – «поврежденный, испорченный» и *вередова́ть* – «капризничать, привередничать» [БОС, 2007, с. 45].

Словесная единица *véred* в анализируемом значении распространена не только в брянских говорах, но и в рязанских, тульских, московских, калужских, орловских, курских, воронежских, донских, тверских, смоленских, новгородских, вологодских, владимирских, костромских,

ярославских, пензенских, архангельских, беломорских, северодвинских, казанских, свердловских, томских, барнаульских, енисейских, иркутских говорах [СРНГ, 1965, т. 4, с. 127].

Следует отметить, что в Словаре русских народных говоров зафиксировано еще два значения слова *véred*: «струп» (пск., осташк., твер.) и «болезнь, вызванная поднятием больших тяжестей» (пск., осташк., твер., корсун., симб., белозер., новг.) [СРНГ, 1965, т.4, с. 127].

В русских говорах отмечена также и иная форма этого слова: форма ж.р. *вередá* – то же, что *véred* (в 1-м знач.) (нижнедев.) и её омонимы: *вередá*, ж. р. – «вред; беда» (медын., калуж., смол.) и переносное *вередá*, м. и ж. р. – «человек, вносящий смятение, беспорядок, раздор; смутьян, смутьянка, баламут, баламутка» [СРНГ, 1965, т. 4, с. 127-128]. Продуктивность данного корня проявляется в возникновении на его основе глагольных производных *вередíть* – «повреждать, ранить» и *вередíться* – «ушибиться, заболеть, надорваться» [СРНГ, 1965, т. 4, с. 128].

Следует отметить, что распространенность лексемы *véred* во многих языках Европы индоевропейского происхождения, по нашему мнению, позволяет говорить о древности этимологических процессов, приведших к возникновению данного слова. Думается, что первоначально данная словесная единица была связано с нанесением раны в бою холодным оружием: при таком повреждении, согласно данным судебной медицины, рука атакующего непроизвольно совершает некоторое вращательное движение [см.: ВБ, 1950, с. 142]. В дальнейшем, вследствие произошедшего метонимического переноса, значение данной лексемы расширилось и появилось значение «вред». В то же время в некоторых языках и в части русских говоров сохранилось и более старое значение слова *véred* – «нарыв», очевидно, объясняемое тем, что раневые ткани из-за отсутствия адекватной их обработки или вследствие их специального загрязнения с целью

«излечения» (золотом, пеплом или порошком) в древности нередко инфицировались.

Исследование частотности употребления слова *вѣред* в сравнении с другими членами анализируемого синонимического ряда ЛСГ «Кожные болезни» свидетельствует о том, что именно данная лексема является в нем доминантой, так как встречается в многочисленных контекстах исследуемых говоров.

Следующей единицей рассматриваемого синонимического ряда является слово *гнильник*, обозначающее «обширный гнойный нарыв на коже, карбункул». Данное слово зафиксировано нами в лексиконе народной целительницы Вицентий Р. С (65 лет) в селе Большое Полпино: //А карбункул это чирий. Гнильник его ещё моя бабка называла и ещё как-то ... карбункул это многоголовый чирий. Када несколько чирьев в него сливаются, а потом прорветь и как ямка у центре// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино).

Анализируемая лексема является производной от глагола *гни́ть* – «разрушаться, подвергаться органическому разложению» (ср. также одно из значений слова *гнило́й* – «сырой, несущий болезни») [ОЖ, с. 134]. Ср. и.-е *ghnei- от корня *ghnen- – «растирать», «разгрызть» [ЧИЭС, т. 1, с.195].

В Брянском областном словаре и других лексикографических источниках, использованных в настоящем исследовании, данное слово не зафиксировано. Лишь в словаре В. И. Даля встречается этимологически близкая брянскому слову лексема *гниля́к* – «гнойный, проказный, покрытый язвами» [Даль, 2003, т. 1, с. 361].

При этом необходимо подчеркнуть, что производные от корня *-гнил-* в медицинском значении встречаются уже в Лечебниках XVI-XVII вв. (ср. синонимичную и фонетически созвучную брянскому слову *гнильник* лексему *гниле́ць*, обозначающую болезнь, вероятно, волчанку): «И болячки заживляет закожныя кои бывають с проходом кои лѣкари имянуют волфъ а

по латынскии лупус, а по русскии гнилецъ старой» [Флоринский, 1880, с. 74].

К числу словесных единиц исследуемого синонимического ряда относится также лексема *карбу́нкул*, имеющая значение «гнойное воспаление кожи с изъязвлением на лице, подбородке, протекающее с повышением температуры тела». Ср.: // *Вóгник это любой нарыў ... это все любые крупные нарывы с температурой. Вóгником могли назвать чирий, вот кода он нарываает, как карбункул* // (Вицентий Р.С., с. Большое Полпино).

Следует отметить, что употребление словесной единицы *карбу́нкул* характерно в большей степени для местной интеллигенции, прежде всего врачей, учителей. Думается, что данный факт соответствует активно действующей в диалектном языке современной тенденции превращения говоров территориальных в социальные. Необходимо подчеркнуть, что латинское слово *carbunculus* имеет значение «уголек» [см.: СИС, 1988, с. 216]. Латинское название, несомненно, является метафорой. Вероятно, перенос лексического значения был произведен в результате сравнения находящейся на вершине карбункула быстрорастущей черной «точки», связанной с омертвением тканей, с угольком.

В составе анализируемого синонимического ряда присутствует также лексическая единица *óгник (вóгник)*, которая в говорах юго-западной Брянщины используется в значении «гнойное воспаление кожи с изъязвлением на лице, подбородке, протекающее с повышением температуры тела». Слово *óгник (вóгник)* зафиксировано в селах Брянской области Тростань, Большое Полпино. Ср.: // *Вóгник это любой нарыў ... это все любые крупные нарывы с температурой. Вóгником могли назвать чирий, вот кода он нарываает, как карбункул* // (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино) // *Óгник, ти чирей, ти вéред. Сел вéрет ни у зад, ни у пéред. Такá болячка, огнём жгé, во ти на шее, ти на пузе ускóчить мóже* // (Клюева Н.П., с. Тростань) и т. д. Анализируемая словесная единица в данном

значении присутствует и в других русских говорах. Так, например, В.И. Даль, фиксируя *во́гник* в значении «чирей» в тамбовских и воронежских говорах, выстраивает целый синонимический ряд: *во́гник, огнёвик, боляток, болячка, чирей, вёред* [Даль, 2003, т. 1, с. 235; т. 2, с. 644; ср.: ЛФХ, 1964, с. 121].

Анализируемая лексическая единица имеет омоним *о́гник (во́гник)* в значении «гангрена» и входит в состав ЛСГ «Инфекционные заболевания».

Как показали проведенные исследования, ЛСГ «Кожные заболевания» содержит также лексемы, не входящие в синонимические ряды: *корóста, круги́* и др.

Словесная единица *корóста* в рассматриваемых нами говорах юго-западной Брянщины имеет значение «заразное кожное заболевание, проявляющееся множественными расчесами с кровяными корочками, струпьями по всему телу, чесотка», которое соответствует семантике медицинского термина *чесотка (scabies)* – «заразная кожная болезнь, вызываемая чесоточным клещем-зуднем» [ПМЭ, 1979, с. 659; ср.: БСМТ, 2007, с. 906]. Лексема *корóста* зафиксирована нами в говорах сел Лужки, Шеломы, Новое Место, Замишево, Катичи, Верещаки: // *Ну, карóста это как болячка, и начинает она трескаться, такая не заживает и отваливается, а под ней сярби́т. И дяре́шь яё, и дяре́шь. Вот это и есть карóста*// (Кирьяненко Г., с. Новое Место); // *Шо таке карóста? Ну, як табе каза́ть, часóтка така́, и, понима́эшь, нельзя тады́ дать ра́ды* // (Калоша Н.Н., с. Катичи); // *Это у старину, вот як круги́, так и это. – Как лишай? – Да, то́льки вот ни круг, а вот ... ни лишай, не. Корóста это кода́ ко́рки таки́, и че́шется*// (Куприенко В. М., с. Замишево) и т. д. Следует отметить, что в одних брянских говорах лексема *корóста* употребляется с одинаковой частотностью со словом *часóтка* (говоры сел Шеломы и Катичи), в других преобладает лексема *часóтка* (говоры сел Замишево, Лужки, Новое Место,

Верещаки). В Брянском областном словаре лексема *корóста* не зафиксирована.

Как показал анализ, лексическая единица *корóста* имеет весьма широкое распространение в русских говорах. Так, например, в словаре В.И. Даля данное слово присутствует с пометой юж. (то есть укр.) – «чесотка, свербежная сыпь» [Даль, 2003, т. 2, с. 169]. В псковских говорах отмечается синонимичная брянскому слову лексема *корóства* – «гнойные струпья на коже» [СРНГ, т. 14, с. 366]. В иркутских говорах слово *корóста* обозначает болезнь, при которой образуются прыщи и короста на губах и около носа [СРНГ, т. 14, с. 365]. В других русских говорах слово *корóста* встречается в значениях, омонимичных брянской лексеме: «мн. трещины на руках и ногах от холодной сырой погоды. (влад.); «мн. полосы грязи на теле. (влад.)»; «корка, образующаяся на поверхности глинистых почв при засухе (вят.)»; «наплыв или нарост на древесном стволе (костром.)» и др. [СРНГ, 1965, т. 14, с. 365-366]. В современном русском литературном языке слово *корóста* имеет значение «струпья на коже» [ОЖ, с. 297].

Необходимо подчеркнуть, что для лексической единицы *корóста* характерно весьма древнее происхождение. Анализ лексикографических источников показывает, что данное слово было известно еще в русском языке XIV в. в значении «болячки на коже, струпья, чешуйки, болезнь чесотка» [СРЯ, т. 7, с.342]. М. Фасмер приводит слово *корóста* в значениях «струпья, чесотка», отмечая также его варианты в других языках: болг. *крáста*, с.-хорв. *крáста*, словен. *krásta*, др.-чеш. *krásta* в значении «струпья, чесотка», а также польск. *krósta* – «оспа» [ФЭС, 2003, т. II, с. 335] (ср.: ст.-слав. форма *крáста*– «чесотка» [ЦСС, с. 137]. Вышесказанное позволяет предположить общеславянское происхождение лексической единицы *корóста* и широкую известность данного слова в период древнерусского и старорусского языков.

Лексическая единица *круг* (мн. *круги*), входящая в состав ЛСГ «Кожные

заболевания», представлена в говорах сел Шеломы, Верещаки в значении «шелушащиеся бледно-розовые высыпания в виде круглых пятен на коже, лишай» и соответствует научно-медицинскому термину *лишай* (*lichen*) – «дерматоз, кожное заболевание, основным проявлением которого являются поверхностные шелушащиеся пятна» [БСМТ, с. 465]. Ср.: // *А лишай – это круг. Круглые такие вот пятнышки. – Он так и назывался – лишай? – ну, так и кру́г, и лишай говорили. Вот у Павла... – А шелудá – это што? – Шелудíвый – это ви́вый//* (Потапенко М. И., с. Шеломы); // *А во тут и малитва ат кругóв у мяня есть: Волки белые, волки сивые, волки серые, отскребите круги мокрые, круги сухие, круги находные, круги набродные, круги наговорные, круги потеренные. Спаси Господи рабу божью от волчкóв, от кругов, отскребите скрѣб кашачий, скрѣб волчий. Спаси Господи и помилуй от набрóду, от находу, от всех нечистот, от женского, от мужского, от девичьего, от ребячей, от радостного, от нерадостного, от переговóра, от полу́ночного, от перепóлочного, от полу́денного. И так нада три раза прочитать, и всё//* (Лозинская З. И., с. Новое Место) и т. д. В Брянском областном словаре лексема *круг* в рассматриваемом значении отсутствует.

Наименование данного заболевания образовалось в говоре путем метафорического переноса: от *круг* – окружность к *круг* – пятна на коже, близкие к круглой форме.

Как показал анализ, в курских, калужских, орловских и других русских говорах также отмечается лексема *круг* в значении «лишай, имеющий форму круглого пятна» [СРНГ, т. 15, с. 294-293]. Лексема *круг* в значении «лишай» фиксируется в псковских говорах [ПОС, 2004, т. 16, с.210]. В Словаре русских народных говоров зафиксированы также лексемы, омонимичные брянскому слову *круг* (*круги*): *круг* – «сыпь на теле и лице в виде кружочков вследствие экземы» (Карач. Орл., 1902, Смол. Кедабек. Азерб. ССР), *круги* –

«участки потрескавшейся кожи на лице у ребенка» (Дубен. Моск., 1933) [СРНГ, т. 15, с. 294-293]. В значении «струп на теле и лице по типу лишая» слово *круг* известно в белорусском языке [СБН, 1870, с. 254]. Последнее позволяет говорить о тесном взаимодействии двух близкородственных языков в приграничных российско-белорусских районах.

В составе лексико-семантической группы «Заболевания органов брюшной полости» содержится синонимический ряд, включающий слова *гры́жа* (*грызь*, *гры́зя*) – *кила́* – *гу́ля* с доминантной лексемой *гры́жа*.

Лексическая единица *гры́жа* (*грызь*, *гры́зя*) имеет значение «выход под кожу какого-либо органа, грыжевое выпячивание любой локализации, грыжа». Слово зафиксировано в селах Шеломы, Замишево, г. Новозыбков. Ср.: // *Гры́зю, я знаю, грызут* // (Панова М. А., с. Шеломы) // *А гры́жу тожа-и лечат, вот молитвы есть. Читаешь полностью Отче наш и молитву. «А ты тень тенище, гры́зь грыжы́ще, вас трети девять грызёй. Ты самая старейшая, бо́льшая, унимай своих сестёр»* // (Куприенко В. Д., с. Замишево) // *И гры́зь говорили и гры́жа, хто как* // (Миненко А. И., г. Новозыбков). В Брянском областном словаре приведены формы *гры́зь* и *гры́зя* с указанием на говор п. Выгоничи и г. Новозыбков [БОС 2, 2011, с. 81]. П. Н. Тиханов также приводит форму *грызь* в значении «грыжа» применительно для брянских говоров [Тиханов, 1904, с. 35].

Следует отметить, что слово *гры́зь* в значении «грыжа» известно не только в брянских, но и в тульских, воронежских, орловских, курских, донских, кубанских, калужских, московских, тверских, смоленских и других русских говорах [см.: БТСДК, 2003, с. 120; ср.: МДС, 1929, с.31; СРНГ, 1965, т. 7, с. 173-174, 180]. Слово *гры́зь* в значении «пупочная грыжа» известно также в украинском языке (буква и произносится как [ы]) [ГРУЯ, 1924, с. 365].

Словесная единица *кила́*, употребляющаяся в значении «внутренний выход какого-либо органа или его части у мужчин из области паха в

мошонку, грыжевое выпячивание», соответствует научно-медицинскому термину *грыжа пахово-мошоночная (herniainguinoscrotalis)* [БСМТ, 2007, с. 259]. Лексема *ки́ла* распространена на всей территории говоров юго-западной Брянщины.

Необходимо подчеркнуть, что словесная единица *ки́ла* в селах Брянской области Тростань, Верещаки, Катичи, Большое Полпино служит для обозначения грыжи мошонки, тогда как лексема *гры́жа* является обозначением грыж любой локализации, а также женских грыж. Ср.: // *Ки́ла это гры́жа в яичке. Когда в яичко опускается. Это заболевание мужское, у женщин ки́лы не бывает. Гры́жи бывают у женщин: пупочная чаще всяго; грыжа бывает па́ховая. Пупочная это котóра у пуп лезет, а па́ховая – у паху́* // (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино); ср. также: // *Ну грыжа эта по-нашему называется ещё ки́ла* // (Куприенко В. Д., с. Замишево); // *От тяжести скорей всяго эта кила получится. Там кишки или што там лопаются, выходят ... У па́ху выходят, у пах.* // (Пастушенко Н. И. с. Вихолка) и т.д.

Лексема *ки́ла* имеет широкое распространение на различных территориях России, что нашло отражение в Словаре русских народных говоров, зафиксировавшем целый ряд лексических значений рассматриваемого слова [см.: СРНГ, 1965, т. 13, с. 205-207]. Следует отметить, что данная лексическая единица используется не только в русском языке, но и в украинском и белорусском языках. Ср.: бел. *ки́ла* – «грыжа» [СБН, 1870, с. 254], укр. *ки́ла* – «грыжа» [УРС, 1985, т. II, с. 138]. В русском литературном языке слово *ки́ла* обладает оттенком просторечности [ОЖ, 1999, с. 273]. Как показал анализ лексикографических источников, слово *ки́ла* в значении «грыжа» восходит к ц.-сл. *кыла* и имеет праславянское происхождение. Ср.: болг. *ки́ла*; с.-хорв. *ки́ла*, словен. *kila*, польск. *kila*, чеш. *kýla*, слвц. *kyla* – «грыжа» [ФЭС, 2003, т. II, с. 232; ср.: ЛПГ, 1974, с. 97].

Следующей единицей рассматриваемого синонимического ряда является слово *гу́ля*, имеющее значение «пупочная грыжа» и соответствующее научно-медицинскому термину *грыжа пупочная (herniaumbilicalis)* [БСМТ, 2007, с. 259]. Ср.: //У деток пупок выпирает – это гу́ля, ну гры́жа такая, потом её ребенок перерастает // (Вицентий Р.С., с.Большое Полпино). В используемых в настоящем исследовании словарях русского языка лексема *гу́ля* в значении «грыжа» не зафиксирована. Слово *гу́ля* присутствует в белорусском языке в значении «небольшое возвышение на теле, выпуклость, шишка, нарыв» [см.: МГБ, 1989, с. 43; БРС, 1924, с. 244], что сближает данную лексему с брянским словом *гу́ля* и еще раз доказывает тесные языковые связи между территорией Брянской области и пограничных ей районов Белоруссии. В качестве синонимов брянскому *гу́ля* в белорусском языке выступает не только слово *гры́зь*, но и *гры́жыца*, а также *гры́жка* – «болезнь кишечника, желудка» [БРС, 1924, с. 236].

В украинском языке лексема *гу́ля* отмечена в значениях: «голубь», «крик, которым подзывают гусей» [ГРУЯ, 1924, т. 1, с. 381]. Последнее значение синонимично слову *гу́ля*, зафиксированному в Брянском областном словаре [БОС 2, 2011, с. 82], что, возможно, свидетельствует о заимствовании слова в указанном значении брянскими юго-западными говорами из украинского языка.

Как показал анализ, лексическая единица *гу́ля* в значении «пупочная грыжа» была образована, очевидно, в результате метонимического переноса. Пупочные грыжи у детей при изменении положения тела нередко являются подвижными, самовправляемыми [СПВ, 1990, т. 1, с. 251]. Следует отметить, что значениями глагола *гуля́ть* в русском литературном языке являются «ходить, прохаживаться» [ЧИЭС, 2007, т. I, с. 226], «перемещаться в разных направлениях» [ОЖ, 1999, с. 149], то есть двигаться. В данном случае метонимический перенос произошел от *гуля́ть* в значении «ходить,

перемещаться» к *гуля* – «пупочная грыжа», которая также может «ходить» – перемещаться под кожу, вне брюшной полости, и уходить обратно в брюшную полость через имеющееся отверстие в мышцах живота.

Как показали проведенные исследования, в составе лексико-семантической группы «Заболевания органов брюшной полости» присутствуют словесные единицы, не входящие в синонимические ряды: *ампетициѝт/ ампендициѝт, апендюк, пачечуѝ* и др.

Слово *ампетициѝт* и его вариант *ампендициѝт* в рассматриваемых говорах представляет собой заимствование из научной медицинской терминологии с фонетическими изменениями и имеет значение «воспаление кишечника, аппендицит» (ср.: *аппендицит* – «воспаление червеобразного отростка (аппендикса) слепой кишки, проявляющееся внезапными болями внизу живота справа» [ПМЭ, 1979, с. 28] (от лат. *appendicitis* – аппендицит [БСМТ, 2007, с. 61])).

Лексическая единица *ампетициѝт/ ампендициѝт* зафиксирована в говорах сел Брянской области Лужки и Новое Место. Ср.: // *Ампетициѝт – это ампендициѝт у нас завут, када кишки у боку балят* // (Торбик М.М., с.Лужки); // *Кишкá заболее у живате, нема́ рады да́ть, во ён и ампетициѝт ёнтот. Ампендициѝт – это на научному, ну и у нас тожа гаво́рят ампетициѝт ти ампендициѝт* // (Красногорская Л. С., с. Новое Место) и т. д.

Синонимом слову *ампетициѝт/ ампендициѝт* является употребляемая в брянских говорах лексема *апендюк*, зафиксированная нами в говоре села Новое Место. Ср.: // *Бу́ть яно нéладно, аппендюк ентот бив, у бальнице, казали чуть-чуть не памéрла.* // (Лозинская З. И., с. Новое Место).

В используемых в настоящей работе словарях словесные единицы *ампетициѝт/ ампендициѝт, апендюк* не зафиксированы.

Следующей единицей ЛСГ «Заболевания органов брюшной полости» является слово *почечуѝ*, имеющее значение «геморрой» и распространенное в

говорах села Шеломы, Большое Полпино. Ср.: //У нас бабки говорят *почечуй*, *ти потечуй*, *когда кровь из заднего проходу идет*// (Шевцова Л.А., г.Новозыбков); //Это что-то нехорошее. Как вот с калом связана// (Поддубная П.М., с. Шеломы); //Почечуй это геморрой, а по-старому *потечуй*, но сейчас уже так не разговаривают// (Вицентий Р. С., с.Большое Полпино) и т. д. В Брянском областном словаре данная лексема не зафиксирована.

Слово *почечуй* соответствует научному медицинскому термину *геморрой* (лат. *haemorrhoidales* от греч. *haimorrois* – «кровотечение»), обозначающему расширение вен нижней части прямой кишки в виде узлов, иногда кровоточащих, воспаляющихся и ущемляющихся в заднем проходе [СИС, 1988, с. 117].

Следует отметить, что лексическая единица *почечуй* известна не только в исследуемых брянских говорах. Так, например, в словаре В. И. Даля присутствует лексема *почечуй* в значении «геморрой, болезнь от застоя крови в проходной кишке», а также название травы *почечуйник*, являющейся лекарством от геморроя (ср.: растение *Polygonum Hidropiper* (женская геморроидальная трава) и *Polygonum Persicaria* (мужская геморроидальная трава) [Даль, т. 3, с. 370].

В Словаре русских народных говоров слово *почечуй* имеет значения, отличные от семантического наполнения лексемы, представленной в брянских говорах: «болезнь ног домашних животных, лошадей от опоя» (Дмитриев Курск., 1900, Кадн Волог. 1883-1889); «пузырь, желвак на ноге лошади» (Урал, Кочет Дон., 1897, Смол.); «желудок некоторых животных» (Колом., Моск., 1904, Южн. Краснояр.) [СРНГ, т. 30, с. 375; т. 31, с. 10] и др.

Необходимо подчеркнуть, что А. И. Соболевский связывает происхождение слова *почечуй* с лексическими единицами «теку», «течь» [Соболевский, 2006, с. 342]. Очевидно, аналогичным образом появился и

латинский медицинский термин *haemorrhoidales*, образовавшийся путем заимствования из греческого языка, в котором это слово, в свою очередь, появилось благодаря метонимии. Ср. греч. *haimas* – «поток (крови)» [ГРС, 2006, с. 30]. Таким образом, слово *почечуй* является ярким примером одновременного присутствия метонимии как в русском диалектном, так в греческом языках. В этой связи представляется возможным предположить, что формирование терминологической базы медицины в латинском и русском языках иногда шло этимологически сходными путями, хотя и независимо друг от друга.

Следующей лексико-семантической группой, входящей в состав ТГ «Наименования болезней», является ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата», в которой выделяется синонимический ряд *костоёд* – *гноеёд* – *костяница* с доминантной лексемой *костоёд*. Следует отметить, что лексемы *костоёд* и *гноеёд* имеют омонимы, входящие в состав ЛСГ «Инфекционные заболевания».

В рассматриваемом синонимическом ряду слово *костоёд* употребляется в значениях «исходящий из кости гнойник, остеомиелит» и «боль, ломота в костях». Анализируемая лексема в первом значении соответствует научно-медицинскому термину *osteomyelitis* – «гнойное воспаление костного мозга с поражением всех элементов кости» [ТС, 1947, т. 1, с. 498] и весьма широко представлена в говорах юго-западной Брянщины, прежде всего, в говорах сел Новозыбковского района (Новое Место, Тростань, Замишево др.), г. Новозыбков, села Лужки Климовского района и села Большое Полпино Брянского района. Ср.: //Костоёт /эта кагда гной из-кастí идёт// (Торбик М. М., с. Лужки); //Это я больше маленькая слышала: а во как пришел с вайны усё кастаёт и мучает и мучает. Разрежут руку, ён апать течё. Это тагда с ранениями было связано, после ранений в кость// (Выкачко К. И., с. Новое Место); //Кастаёт гавóрят/ если кость на наге

балит/воспалается.// (Миненко А. И., г. Новозыбков); // *Костаёт это когда кость гниет, свищ образуется, кость гниет, туберкулез кости ещё бывает. Остеомиелит на научному*// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино) и т. д. В Брянском областном словаре данная лексема отсутствует.

Как показали проведенные исследования, в говоре села Лужки Климовского района у слова *костоед*, помимо основного, было выявлено также производное значение «боль, ломота в костях». Ср.: // *Кастаед, это кагда кости балять. Сауси́м зажра́в кастаёт, сауси́м зажра́в. Кастаёт, кастяни́ца, / ёто всё ёто. То жа са́мое.*// (Торбик М. М., 69 л., с. Лужки).

Слово *костоед* (*костоеда, костоедица*) употребляется не только в исследуемых говорах, но и на других территориях России. Так, например, словарь В. И. Даля фиксирует лексему *костоед* в значении «местная порча, болезнь кости, помертвение и отделение части её», которое является более узким по отношению к семантике слова в исследуемых говорах [Даль, 2003, т.2, с. 178]. В словаре В. И. Даля также присутствует слово, употребляющееся в значении «боль, ломота в костях» и созвучное брянскому – *костоло́м* (употребляется в кубанских говорах) [Даль, 2003, т. 2, с. 178]. Примечательно, что в древнерусском языке также бытовало употребление слова *костоло́м* для обозначения костных заболеваний: «Того же лета болезнь была хрестияном тяжка зело, костолом по всеи земле Русеи» (Никоновская летопись) [Срезневский, 2003, т. 1, с. 1295].

Лексическая единица *костоед* встречается также в тверских говорах, причем не только в значении «болезнь костей», но и в значении «волос» [СЛГ, 2003, с. 119] (ср. анализ лексемы *костоед* в составе ЛСГ «Инфекционные заболевания»). Слово *костоед* отмечено в Словаре русских народных говоров в значениях, близких брянскому: «воспаление костной ткани или зубов, сопровождаемое их разрушением» (Боров., Калуж., Моск. 1905-1921 г.); «по народному поверью – червь, появляющийся при нагноении

кости» (Южн. р-ны Краснояр., 1967) и «туберкулез костей» (Валд., Новг., 1925) [СРНГ, 1979, т. 15, с. 77]. Кроме того, в качестве синонимов брянскому слову *костоёд* можно рассматривать приводимые в Словаре русских народных говоров лексемы *костовік* – «хронические язвы», *костоёда* (Черепов., Новг. 1898 г.) и *косторыв* – «болезнь костоеда» (Черепов., Новг., 1898) [СРНГ, 1979, т. 15, с. 76, 78]. В используемых в работе словарях белорусского и украинского языков слово *костоёд* не зафиксировано.

Синонимами брянскому слову *костоёд* в значении «боль, ломота в костях» выступают также зафиксированные в Словаре русских народных говоров русские диалектные лексемы *костоёдина* и *костолóмная* (Петрогр., Слов., Акад. 1914 г.), а также *костолóмище* в значении «ломота в костях, в теле» (Охан., Перм., 1854. Курган., Север., Новг., Олон.) и, вероятно, *костоу́сище* – «колотье в костях» (Вят., 1902г.) [СРНГ, 1979, т. 15, с. 77, 78].

Следующей словесной единицей анализируемого синонимического ряда является лексема *гноеёд*, которая в составе ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата» имеет лексическое значение «костное воспаление с разрушением кости». Ср.: //Костоед/ или ещё гноеёдом называют/патаму что гной с кóсти идет// (Рогова Н. Т., с. Большое Полпино). // Костаёд называют гноеед и гноерод када свищ образуется/ кость гниёт// гноерод – эта када уже абширное. И если на ноге кость гниет – гноеёд тоже горят или костоёд, когда кость на ноге гниет// (Вицентий Р.С., с. Большое Полпино).

Как отмечалось выше, словесная единица *гноеёд*, обозначающая «гнойный нарыв на пальце, разъедающий кость», входит в состав ЛСГ «Инфекционные болезни» и является омонимом рассматриваемой лексемы, относящейся к ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата».

Лексическая единица *гноеёд* в значении «костное воспаление с разрушением кости» соответствует научно-медицинскому термину

остеомиелит (osteomyelitis) – гнойное воспаление костного мозга с поражением всех элементов кости [ТС 1, с. 498].

Необходимо подчеркнуть, что слово *гноеед* в рассматриваемом значении синонимично пермскому и самарскому *костоёда* – «воспаление костной ткани, иногда сопровождающееся открытыми язвами» [СРНГ, т. 7, с.174-175]. Кроме того, в некоторых русских говорах присутствуют такие синонимы брянскому слову *гноеед*, как *волосáтик* (Терск., Калуж., Яросл., Новг., Твер., Костром., Орл.), *волосéц* (Сибирь, Барнаул, Амур), *волоснiк* (Смол., Латв.) – «гнойные глубокие раны, язвы, нарывы на ногах человека» [ОРДР, 2009, с. 99]. В говорах Ачинского округа в конце XIX века зафиксированы синонимичные брянскому диалектному *гноеед* в рассматриваемом значении лексемы *змеевец* и *костяная грыжа* – «гнойное воспаление суставов верхних и нижних конечностей, коленей, сопровождающееся разрушением костной ткани» (Енис., Ачинск, Арханг.). При этом возникновение данного заболевания носители говоров связывали с зарождением в теле человека «червячка» черного цвета, который, появляясь в мягких тканях, проникает в кости, а затем выходит из пораженной кости наружу, что сближает брянское слово *гноеед* в значении «костный панариций», входящее в ЛСГ «Инфекционные болезни», с другими русскими говорами [СРНГ, т. 7, с.174]. Непосредственно само слово *гноеед* в используемых в данной работе словарях не фиксируется.

Как показал анализ, словесная единица *гноеед* в значении «костное воспаление с разрушением кости», входящая в состав ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата», и лексема *гноеед* в значении «гнойный нарыв на пальце, разъедающий кость», относящаяся к ЛСГ «Инфекционные болезни», представляют собой случай далеко разошедшейся полисемии, так как данные, полученные от носителей говоров, свидетельствуют, что их лексико-семантическая связь ещё окончательно не утрачена. Вместе с тем,

невозможно отрицать того, что мы имеем дело с семантическим расщеплением, с распадом полисемантического слова. В связи с этим можно предположить, что данные лексические единицы, относящиеся к разным ЛСГ, представляют собой переходный случай к однокорневой омонимии.

Следует отметить, что к числу единиц рассматриваемого синонимического ряда относится также слово *костяница*, которое употребляется в значении «заболевание, проявляющееся в боли в костях и суставах» и соответствует научному медицинскому термину *ревматизм* (*Polyarthritis Rheumatica*) – «ревматический полиартрит, проявляющийся поражением соединительной ткани, суставов, сосудистой и нервной систем» [см.: СПВ, 1990, т. 2, с. 33]. Лексема *костяница* до настоящего времени известна в говорах сел Бранской области Замишево, Старые Бобовичи, Новые Бобовичи, Верещаки, Катичи, Большое Полпино. Ср.: // *А эта кости разъедáе, кости балят на руках, коленках, ти вот, сустав, вот это и называется костяница*// (Куприенко В. Д., с. Замишево); // *Костяница – кода суставы болят, ревматизм по-научному, а по-русски костяница*// (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино); // *Костяница – ревматизм. Это скорей всего и остеомиелит тоже, но точно не знаю. Потому что говорили – кости болят, в кости бьёт*// (Ершова С. Е., с. Новые Бобовичи) и т.д.

Лексическая единица *костяница* образована от слова *кость*, которое указывает на поражаемый болезнью орган – кость, кости. Таким образом, в случае со словом *костяница* мы имеем дело с обозначением больного органа, места проявления болезни – «кость», в то время, как наименование *костеед* отражает развитие болезни, её течение (при прогрессировании данного заболевания болезнь «ест» кость).

В Брянском областном словаре слово *костяница* не зафиксировано. В.И. Даль приводит синоним *костоло́м* в основном значении – «боль, лом в костях, мышцах и сухожилиях, ломота, которая отлична от простудной,

артрит (*Rheumatismus*)». В то время, как слово *костяница* (без указания территориальной принадлежности) приводится исследователем в омонимичном брянском значении: «растение и ягода каменица, каменика, каменка» [Даль, 2003, т. 2, с. 177].

Следует отметить, что в древнерусском языке в значении «боль, ломота в костях» бытовало слово *костолом*: «Того же лета болезнь была християном тяжка зело, костолом по всей земле Русеи» (Никоновская летопись) [СМИДЯ, 1958, т. 1, с. 1295].

В Словаре русских народных говоров слово *костяница* зафиксировано в значении «болезнь» (ниж. новг.) [СРНГ, 1979, т. 15, с. 89].

Примечательно, что лексема *костяница* в значении «заболевание, проявляющееся в боли в костях и суставах» в различных говорах имеет синонимы *костоло́м* (сиб., новг., костром.), *костоло́мище* (черепов., новг.), *костоло́мка* (том.), *костоёда*, *костоёд* (н. новг.), *во́лос* (псков.) [подробнее см.: СРНГ, 1965, т. 15, с. 77-78, 89].

Тематическая группа «Наименования болезней» включает также ЛСГ «Детские болезни», в составе которой присутствуют лексические единицы *золотни́к*, *сласту́н*, *стенъ*, *кри́ксы*, *крику́шки* и др.

Лексема *золотни́к* в составе ЛСГ «Детские болезни» имеет два лексических значения: «заболевание детей, проявляющееся болью в животе» (соответствует научно-медицинскому термину *кишечная колика* (*colicaintestinalis*) – «приступ резких схваткообразных болей, обусловленных спазмом или растяжением кишечника» [БСМТ, 2007, с. 401]) и «заболевание детей, проявляющееся липкими выделениями из ушей и на коже головы», то же, что и *золотуха*, *сласту́н* (соответствует научно-медицинскому термину *экссудативно-катаральный диатез* (*diathesis exsudativo catarrhalis*), называемому особое состояние организма ребенка, которое характеризуется поражением кожи головы с образованием золотистых корочек [БСМТ, 2007,

с. 286]).

Следует отметить, что словесная единица *золотник* в приведенных выше значениях имеет омоним *золотник* в значении «опущение матки», который относится к ЛСГ «Женские болезни».

В значении «заболевание детей, проявляющееся болью в животе» слово *золотник* функционирует в говоре села Верещаки Брянской области:

// Это когда у деток заболит живот, вот бабки в старину вроде как золотник говорили, под курей носили шептать // (Кусая М. И., с. Верещаки);

// У деток золотник бывает // (Улесько Н. Я., с. Верещаки). Лексема *золотник*

в значении «заболевание детей, проявляющееся липкими выделениями из ушей и на коже головы» записана в результате беседы с народной целительницей Р. С. Вицентий в селе Большое Полпино Брянской области:

//А золотник – это золотуха, когда из ушей тячет, ну вот не само ухо, а из него вытекает такая жидкость желтаа, когда сладкое передают. Слостун ещё бабушка называла, но это редко, очень редко было // (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино).

В Брянском областном словаре лексема *золотник* не зафиксирована. В говоре села Стародуб Брянской области присутствует слово *злотинютка* в значении «больной, несчастный ребенок» [см: РСЗБ, 1973, с. 78; ср.: СРНГ, 1965, т. 11, с. 291]. В своей семантической структуре оно обладает ярко выраженной положительной экспрессивной оценкой, не характерной для медицинской лексики.

В других словарях русского языка лексема *золотник* присутствует, но для нее характерны значения, зачастую омонимичные рассматриваемому слову. Так, например, в Материалах для словаря древнерусского языка слово *золотник* представлено в значении «золотая монета, денежная единица» [СМИДЯ, т. 1, с. 995]. В словаре В. И. Даля *золотник/золотник* – это «парчовый сарафан, женская одежда»; *золотник* – «накладка на трубе паровика, откуда вырывается пар»; *золотник* – «глотник, украшение в

волосах» [Даль, 2003, т. 1, с. 692].

В Словаре русских народных говоров слово *золотник* приводится в следующих значениях: 1. «женские половые органы» (Влад., Иван., Яросл., Костром., Волог., Новг., Вят., Перм., Ряз., Калуж., Курск., Смол., Енис., Тобол., Тюмен.); 2. «заболевание матки после родов» (Колым., Якутск., Иркутск., Том.); 3. «растение, трава, отвар которой пьют от боли в животе» (Вят., Кемер., Моск., Тул., Смол., Киров.); 4. «кишечник» (Костром.) [СРНГ, т. 11, с.330] и др. При этом следует отметить, что в третьем и четвертом значениях семантическое наполнение лексемы *золотник* в отдельных смысловых оттенках совпадает со значением анализируемого слова, представленного в брянских говорах: «заболевание детей, проявляющееся болью в животе».

Как показал анализ существующей литературы по рассматриваемому вопросу, семантика слова *золотник* отдаленно этимологически связана с семантическим наполнением лексемы *золото*. Так, М. М. Маковский отмечает, что понятие «золото» соотносилось с понятием «недра, внутренность» (лат. *aurum* – золото, но лат. *aurum* – один из желудочков сердца), а также с понятием «живот, кишки». Ученый приводит данные о том, что в древности золото нередко использовалось в виде лекарства [Маковский, 2005, с. 131; ср.: ССМС, 1996, с. 98]. В связи с вышеизложенным можно предположить, что в случае формирования многозначности русского диалектного слова *золотник* речь идет об остаточных отголосках древних процессов табуирования и эвфемизации.

Лексическая единица *сластун*, представленная в говорах юго-западной Брянщины и входящая в состав ЛСГ «Детские болезни», имеет значение «высыпания на коже головы у маленьких детей после злоупотребления сладким». Ср.: // *Это когда из ушей тячет ну вот не само ухо, а из него вытаекает такая жидкость желтая, когда сладкое переедят. Сластун*

ещё бабушка называла, но это редко, очень редко было// (Вицентий Р.С., с.Большое Полпино). Следует отметить, что в костромских и московских говорах присутствует лексема *сластун*, которая имеет значение «сладкоежка, лакомка» [СРНГ, т. 38, с. 237].

В составе ЛСГ «Детские болезни» присутствует также словесная единица *стень*, которая имеет значение «мышечная слабость конечностей у детей, истощение, сухотка». Ср.: // *Вот родился и у яго ноги слабые, становиться не становиться это стень//* (Гурова А. И. с. Тростань); // *Дятёнок худой, порченный, стенью заболел, уклауся, не хóде//* (Калоша Н.Н., с. Катичи)

Слово *стень* соответствует научно-медицинскому термину *детский церебральный паралич (paralysisinfantiliscerebralis)* – «состояние, развивающееся при поражении головного мозга в родах или в раннем детском возрасте и проявляющееся двигательными расстройствами различного типа» [БСМТ, 2007, с. 602].

Лексическая единица *стень*, вероятно, восходит к праславянскому периоду. Возможно, данное слово связано с древнерусскими лексемами *стеню, стенати* – «стонать», которые зафиксированы в словаре М. Фасмера. Ср.: болг. *стеня*; серб.-хорв. *стеньем*; чеш. *stenati*, лит. *stenu*; лтш. *stenet*; англос. *stenan*; др.-исл. *stynja*. Кроме того, в том же словаре присутствует диалектная вятская лексема *стень*, обозначающая «тень» [ФЭС, 2003, т. 3, с. 755]. П. Я.Черных также приводит диалектную форму *стень* в значении «тень человека» [ЧИЭС, 2004, т. 2, с. 236].

Лексическая единица *криксы*, входящая в состав ЛСГ «Детские болезни», обозначает «детское заболевание, проявляющееся внезапным беспричинным криком ребенка». Данное слово встречается в говорах сел Новое Место, Тростань, Замишево, Большое Полпино, г. Новозыбков с его полудиалектом. Ср.: // *Это детские криксы, ну, это, знаешь ... криксы*

*выговаривать носят к бабке, шептунье, знахарке. Родимчик это все // (Пунтус Л. В., с. Большое Полпино); // А криксы это проявление родимчика, ребенок кричит и кричит. Но это все одно и то же// это относится к родимчику, какое-то заболевание от нервов// (Р. С. Вицентий, с. Большое Полпино) и т. д. Слово *кри́ксы* не имеет аналогов в используемых в настоящем исследовании словарях и в языке официальной медицины.*

Синонимичной лексемой слову *кри́ксы* является словесная единица *крикушки*. Ср.: *//Криксы и крикушки одно и то ж, сказать проще / как Марина и Мариночка. Когда ребенок кричит и кричит / и нельзя ему ра́ды дать (остановить. – И.П.) // берут его вечером в подол и несут под курей, где сидят куры, на заходе солнца, уже после того как сонце село// Держут ребенка в подоле и говорят: куры хохлушки/ возьмись такого-то (имя: Иркины, Димкины) крикушки. Проговаривают три раза, плюют через левое плечо// тожь три раза, и уносят, и ребеночк становится тихим //* (Выкачко К. Н., с. Новое Место).

Следующей лексико-семантической группой, характерной для говоров юго-западной Брянщины, является ЛСГ «Женские болезни», в составе которой присутствуют словесные единицы *золотник*, *подойм живота* и др.

Лексема *золотник* в составе названной ЛСГ имеет значение «опущение матки, то есть более низкое по сравнению с нормальным ее расположением» [см.: ПМЭ, 1979, с. 108, 432]. Слово *золотник* в указанном значении зафиксировано в говоре села Замишево Брянской области: *// От золотника́ это мне жєнишина из Клинцоў молитву дала. Это от подóйма живота. Ну эта вот, кода живот опускается, матка на низь – подойм или золотник//* (Куприенко В. С., с. Замишево); *//Золотник – это вот когда матка опускается. Ну от тяжестей. И подойм живота на яго говóрят //* (Васнецова Л. М., с. Замишево).

Как показал анализ, лексическая единица *золотник* в рассматриваемом

значении является омонимом по отношению к слову *золотник* в значениях «заболевание детей, проявляющееся болью в животе» и «заболевание детей, проявляющееся липкими выделениями из ушей и на коже головы», которое входит в состав ЛСГ «Детские болезни». Необходимо подчеркнуть, что в составе семантической структуры слова *золотник*, представленного в Словаре русских народных говоров, присутствуют значения «женские половые органы» (Влад., Иван., Яросл, Костром., Волог., Новг., Вят., Перм., Ряз., Калуж., Курск., Смол, Енис., Тобол., Тюмен.) и «заболевание матки после родов» (Колым., Якутск., Иркутск., Том.) [СРНГ, 1976, т. 11, с. 330].

Как исследователю с медицинским образованием, мне представляется возможным предположить следующее: поскольку ситуация сразу после родов у женщины может сопровождаться умеренным опущением женских половых органов, то в тех случаях, когда ситуация впоследствии не восстанавливалась, название *золотник* могло переходить с обозначения непосредственно заболевания матки после родов (её смещения книзу) на обозначение этого же заболевания (опущение матки), принявшего хроническую форму. Таким образом, здесь, вероятно, мы наблюдаем случай далеко разошедшейся полисемии. В то же время слово *золотник* в значении «женские половые органы» (органы тела) по отношению к брянской диалектной лексеме *золотник* – «опущение матки» (заболевание) уже выступает в роли полноценного омонима, сформировавшегося благодаря произошедшему ранее метонимическому переносу: от *золотник* – «матка» к *золотник* – «состояние матки сразу после родов, расцененное как болезнь».

О полноценной омонимии вследствие метонимического переноса также можно говорить в случае с *золотник* – «женские половые органы» и *золотник* – «заболевание детей раннего возраста». Мы также предполагаем, что возникновение данного заболевания у новорожденного носители народной медицины могли связать с последствиями родов для самого

младенца.

В лексико-семантической группе «Женские болезни» присутствует также лексическая единица, синонимичная слову *золотник – подбóйм живота*, которая обозначает опущение органов брюшной полости и матки. Данная словесная единица зафиксирована в селе Замишево, в лексиконе народной целительницы Куприенко Валентины Дмитриевны: // *От подбóйма живота, мая matka казала ... падбóйм, ну эта вот, када живот опускается и matka на низ. Нада делать падойм живата. Читать малитву. – Это от грыжи малитва? – Не эта ат подбóйма живота. – И сколько раз так читать? – Ну, читать три рáзы. – И больше ничего не делать? – Не, ну лажишься ш ты, ноги да гары ставишь во так самое, во, три разы нада. Отче наш прочитаешь и потом эта самое. И живот начинаешь падтягивать вот сюды. Пачитаешь малитву, потом паляжишь так минут пять, ноги растягнешь. И этот день ничёго тяжелого не падымай кагда у тебя вот это, вот такое вот. От подбóйма живота малитва. Это вот када matka опускается. Но не от тяжестей// (Куприенко В. Д., с. Замишево).*

Словесная единица *подбóйм живота* соответствует научному медицинскому термину *висцероптоз* и его синониму *спланхноптоз* (*splanchnoptosis* от греч. *ptosis* – «опущение») – «смещение внутренних органов книзу по сравнению с их нормальным положением» [БСМТ, с. 794].

В Брянском областном словаре и в других используемых в работе словарях данная лексическая единица не зафиксирована. В других брянских говорах она также не имеет аналогов. По словам информанта, данные об этом заболевании были получены ею от матери.

Вероятно, образование словесной единицы *подбóйм живота* обусловлено табуированием из-за стремления избежать прямого наименования болезни и озвучить при её назывании действие, противоположное воздействию самой болезни (не опущения, но подъём

(подóйм) живота) с целью возможного исцеления словом.

Как уже отмечалось выше, в составе ТГ «Наименования болезней» присутствует ЛСГ «Заболевания, связанные с действием потусторонней силы», в которой можно выделить лексические единицы *пóрча* – *напу́щенка* (*напущёнка*) – *урок* (*улёк*) – *прítка* – *позóр* – *приговóр*. Доминантной лексемой приведенного синонимического ряда является слово *пóрча* в силу наибольшей распространенности данного слова в исследуемых говорах.

Лексема *пóрча*, известная не только в говорах юго-западной Брянщины, но и в общелитературном употреблении, в которое она, очевидно, вошла из диалектов, имеет значение «болезнь, напущенная злой ворожбой, тем, кто хотел сглазить кого-то [ОЖ, с. 566]. В народе издавна считали, что длительно болеющего человека «спортили», наколдовав ему болезнь. Данное слово повсеместно употребляется в исследуемых говорах: // *Это када портят человека – напущенка, порча, исглаз и эта ... урок ещё называют. Нада иттить к банке*// (Гурова А. И., с. Тростань); // *И ат порчи, ат сглаза разныя малитвы есть*// (Потапенко М. И., с. Шеломы); // *Када сглазили дитёнка, кажут спортили, иделали порчу*// (Гурова Л. А., с. Тростань) и т. д. В Брянском областном словаре данное слово не зафиксировано.

В Словаре русских народных говоров слово *пóрча* представлено в целом ряде значений, среди которых сема «болезнь, вызванная, по народным представлениям, воздействием злой силы, колдовства» является доминирующей. Ср.: *пóрча* – 1. колдовство, вызывающее болезнь, дурной глаз (Волог , 1902, Ворон Урал, Холмог Арх., 1907, Твер., Водарский, 1912 Ворон., Сиб., Ордын Новосибир., Кемер., Том., 1964, Кемер.), 2. колдовство, наговор, совершаемые во вред невесте или жениху во время свадьбы, болезнь от несчастных браков (Жиздр., Волог., 1926, Козел Калуж., Елеонская, 1913, Волог., 1879), 3. нервные болезни (истерия, депрессия и т. п.), вызванные колдовством, наговором (Арх., 1885, Ряз.) и др.

Кроме того, в Словаре русских народных говоров лексема *пóрча* зафиксирована в значениях, которые в русских говорах, очевидно, были образованы путем метонимического переноса: «мифическое существо, насылающее на человека болезнь» (Том., 1913); «предмет, с помощью которого насылается болезнь или причиняется вред» (Вытегор., Волог., 1879).

Слово *напу́щенка* (*напущёнка*) в значении «болезнь, насланная на человека с помощью колдовства» в исследуемых говорах распространено повсеместно. Ср.: //Напу́щенка, порча – это усё делают калдуны, калдуны, напускают порчу на чаловека// (Спека П. В., с. Верещаки); //Напу́щёнка – это связано с калдавством. Напу́щенка или напу́щёнка ну, как кто произнесет. Эта болезнь, каторую не лечат врачи, каторая не панятная. Вот человек сохнет и сохнет. А проверится – усё нармально ещё эта гаварят у нас: – Ай, сделано! Ай, сделали, ай, люди сделали!// (Вицентий Р.С., с.Большое Полпино) и т. д. В Брянском областном словаре слово *напу́щенка* (*напу́щёнка*) не зафиксировано.

Следует отметить, что в Словаре русских народных говоров представлены лексемы, близкие по значению к брянскому слову *напу́щенка* (*напу́щёнка*): *напу́щёнье* – *напасть*, *беда* (Том., 1964, Усть-Цилем. Коми АССР); *напу́щенный*, *напу́щенная* – в суеверных представлениях – падучая и истерические припадки у женщин, происходящие от порчи и дурного глаза (Черепов., Новг, 1893) [СРНГ, т. 20, с.114].

В этой связи интересны зафиксированные у славянских народов представления о том, что болезнь могла исходить от различных природных явлений – воды, тумана, росы, но чаще всего – от ветра, вихря, ядовитых испарений [СД, т. 1, с. 227] вследствие действия нечистой силы, ведьм, колдунов; болезнь может душить человека, дуть и дышать на него отравленным дыханием, напускать на свою жертву злых духов [СД, т. 1,

с.225-226]. Ср. словосочетание *пускать порчу* (Крив., Том., Кемер., 1964 Том.). В Словаре русских народных говоров отмечается: «Порчу, по уверению простого народа, можно пустить по ветру» (Вытегор., Волог., Яросл., Ряз.) [СРНГ, т. 30, с. 114]. Вероятно, русский человек, отличаясь известной наблюдательностью, необходимой при ведении крестьянского хозяйства, издревле подметил, что именно с ветром было связано распространение многих смертельно опасных заболеваний, приводящих к эпидемиям, что и отразилось в соответствующих народных представлениях.

Необходимо подчеркнуть, что слова *напу́щенка* (*напущёнка*) в среде носителей исследуемых говоров могут обозначать заболевания с самыми различными проявлениями, в том числе и уже диагностированные врачами как та или иная официальная болезнь, а также любые болезненные состояния с первоначально неясной симптоматикой и причинами возникновения. Ключевым при определении семантики здесь выступает то, что такие болезни плохо поддаются лечению как медицинскими, так и народными средствами. Исходя из последнего, считаем возможным предположить, что, вероятно, в случае с *напу́щенка* (*напущёнка*) мы имеем дело с названием-эвфемизмом, представляющим собой результат нежелания употреблять истинное наименование заболевания из-за боязни накликать болезнь либо же снова позвать её к себе.

Лексическая единица *уро́к* (*улёк*), входящая в состав анализируемого синонимического ряда, в говорах юго-западной Брянщины имеет значение «болезнь, происходящая от дурного глаза, колдовства». Слово повсеместно встречается в исследуемых говорах. Ср.: // *А што б табя уроки не брали наси булауку, застежкой у низ кали, изнутри, шо б ня спортили. И если изглазят, то ня смогут. Усё на них перяйдеть, на самих их и перяйдеть. Мяне и мамка так делала*// (Кирьяненко К. С., с. Новое Место) // *И урок, и улёк, и сглаз, и как-то ... призор, ти позор, Если хто дурной гляне – так и заболеють*//

(Парлюк Н. Н., с. Рудня) // *Урочливые те люди бывают, которых мать два раза отнимает от груди. Раз отняла, а потом жалко стала, он стал плакать – она второй раз приложила. Вот этот человек куда ни глянет – всё будет портиться от него – хоть скотина, хоть человек. Поросята не будут расти, телёнок может даже издохнуть. Она сама или ён не виноват, что у него такой глаз – его два раза отнимали от груди. Ну вот он если посмотрит на ребенка – ребёнка сглазит* // (Миненко А. И., г. Новозыбков).

Интересно, что для предохранения от сглаза (уроков), по представлениям носителей говоров юго-западной Брянщины, необходимо завязывать на запястье красную шерстяную нитку: // *Нитку красную завязывают вааще ат уроков.// Чтоб уроки не брали.// Чтоб не сглазили. //Пачему-то красную и именно шестяную ниточку.// На запястье* // (Выкачко К.Н., с. Новое Место). Отголоски мотивации возникновения подобных представлений, возможно, лежат в области остатков языческих верований, восходящих, по нашему мнению, к значению «разряд молнии – гнев божества Перуна». Считается, в частности, что колдовство может заключаться в оставленных на дороге вещах, которые нельзя поднимать, наступать на них: в противном случае человек, тем или иным образом первым к ним прикоснувшийся, обязательно заболеет: // *Паднимать ничёго няльзя, асобённо булауки, никакие ни-игёлки, колющее асобенн/, ни-ножницы/ ни-нажй* // *Это как молния колет, так и это плохо?//Да, да!* // (Выкачко К.Н., с.Новое Место). В Брянском областном словаре лексическая единица *уро́к* (*улёк*) не зафиксирована.

В. И. Даль приводит лексему *уро́к* в значении «насылка, ворожба» в соотнесении с *урочить* – «испортить недобрым, завистливым взглядом, наслать болезнь» [Даль, 2003, т. 4, с. 509]. М. Фасмер приводит слово *уро́к* – «колдовство», и также косвенно сближает его с речью и временем, давая польское *urok* – «договор», др.-русск. *урок* – «условие, правило» [ФЭС,

2003, т. 4, с. 168-169]. П. Я. Черных вслед за М. Фасмером сближает слово *урок* в значении «сглаз» с *реку́* – «говорю», приводя и.-е. **rok-* и выделяя тот же корень в словах *речь*, *пророк*, *срок*, отмечая, таким образом, соотнесенность данного корня не только с речью, словом, но и с определенным временным интервалом [ЧИЭС, 2004, т. 2, с. 292].

Следующей единицей рассматриваемого синонимического ряда является слово *прítка* – «любая болезнь, насланная колдовством». В данном значении слово зафиксировано нами в лексиконе народных целительниц сел Замишево и Старые Бобовичи, которые определяют его как устаревшее. В активном лексиконе других информантов данное слово не встречается. Ср.: // *А ат прítок ещё хорошо бы табя вычитат перед пéчкой. Прítки и улёки – вот усё ат ведьм этих, шо б людей спортить*// (Ханаева В.Д., с. Старые Бобовичи); // *А притки и это усё это порча, изглаз, Да. И позóры и приговóры и прítки. Это усё то. Тое ж самое. Но так сейчас уже не гавóрять. Это усё порча. Ат калдавства делается человеку, и балее. И тада яго сильна шаптат нада, и неусякая вьшаптат мóжа*// (Куприенко В. Д., с. Замишево).

В данном значении лексема *прítка* встречается в говорах Южной Сибири, Забайкалья, в ярославских, калужских, костромских, тамбовских, пензенских, вологодских, астраханских, иркутских, томских, новгородских, уральских, пермских, оренбургских, смоленских, вятских говорах. В значении «болезнь скота» слово зафиксировано во владимирских говорах. Как бранное выражение лексема *прítки* отмечается на среднем Поволжье и в донских говорах [СРНГ, т. 32, с.16-18]. В смоленских говорах *притка* – «внезапное горе, болезнь» [ССГ, 2000, т. 9, с. 42]. В Брянском областном словаре рассматриваемая лексема не зафиксирована. В значении «внезапная болезнь», «порча, сглаз, призор» слово фиксируется в словаре В. И. Даля [Даль, т. 3, с. 452-453].

Лексическая единица *позор*, входящая в состав анализируемого синонимического ряда, имеет значение «болезнь, насланная ворожкой». Слово зафиксировано в лексиконе народной целительницы Куприенко В.Д., с.Замишево: //*Вот как-та ж мамка казала / Притки, улёки, позоры, приговоры/ Ня помню. Шантала так //* (Куприенко В. Д., с. Замишево). Слово *позор* не встречается в Брянском областном словаре. В. И. Даль приводит лексему *призор* в значении «притка, сглаз, без указания территориальной принадлежности» [Даль, т. 3, с. 452-453].

Словесная единица *приговор* имеет значение «болезнь, причиненная колдовством». Данная лексема зафиксирована в лексиконе народной целительницы Куприенко В. Д., с. Замишево. Не встречается в Брянском областном словаре. В значении «заговор, заклинание» фиксируется в псковских, тверских, московских, прионежских, омских, архангельских, олонекских говорах. Синонимом данного слова является лексема *наговор* (Олонецк.) [СРНГ, т. 31, с. 164].

К числу единиц ЛСГ «Заболевания, связанные с действием потусторонней силы», относится также лексема *чемер*, которая не входит в синонимические ряды и в исследуемых говорах употребляется в двух значениях: «неясная болезнь, от которой часто умирали, проявляющаяся болью в животе», «припадок у детей, сопровождающийся судорогами». В первом значении слово *чемер* зафиксировано в говорах сел Большое Полпино, Тростань и в городе Брянск. Ср.: //*Када у животе горит, крутит – это значит исделали, ти чемер узав, ти как//* (Гурова А. И., с. Тростань); //*Чемерь – чаще всего, скорее всего, что это аппендицит, любое непонятное заболевание у животе – чемер взял. Дня через три распухает живот и человек умирает //* (Вицентий Р. С., с. Большое Полпино) и т.д.

Во втором значении данная лексема зафиксирована нами в селе Лужки: //*Не, не ампетицыт, не. Бьётся дитя – чемерный. Када синеють и падают*

– это чемерные дети. Дитя синий и заходиться – это чемерные. – А чемер сам это что? – А это оно и есть, болезнь эта// (Торбик М. М., с. Лужки).

В Брянском областном словаре слово *чэмер* отсутствует.

Как показали проведенные исследования, между лексическими единицами говоров юго-западной Брянщины, входящими в разные лексико-семантические группы, установились также парадигматические отношения омонимии. Так, например, словесная единица *костоед*, входящая в состав ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата» и имеющая значения «исходящий из кости гнойник, остеомиелит» и «боль, ломота в костях», является омонимом слову *костоед* в значении «костный панариций», относящемуся к ЛСГ «Инфекционные болезни».

Словесная единица *гноеед*, имеющая лексическое значение «гнойный нарыв на пальце, разъедающий кость» и входящая в состав ЛСГ «Инфекционные болезни», омонимична лексеме *гноеед* в значении «костное воспаление с разрушением кости», которая относится к ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата».

Слово *вогник (огник)*, которое в составе ЛСГ «Инфекционные болезни» имеет значение «гангрена», является омонимом по отношению к лексеме *вогник (огник)*, входящей в состав ЛСГ «Кожные болезни».

Лексическая единица *золотни́к* в значении «опущение матки, то есть более низкое по сравнению с нормальным ее расположение», входящая в ЛСГ «Женские болезни», является омонимом по отношению к слову *золотни́к* в значениях «заболевание детей, проявляющееся болью в животе» и «заболевание детей, проявляющееся липкими выделениями из ушей и на коже головы», которое входит в состав ЛСГ «Детские болезни». Как правило, омонимия в исследуемых говорах в большинстве случаев является следствием далеко разошедшейся полисемии.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, в отличие от отношений

омонимии, парадигматические отношения синонимии наиболее ярко представлены в говорах юго-западной Брянщины, что обусловлено, прежде всего, закономерностями развития диалектного языка, для которого характерно наличие обширных синонимических рядов, формирующихся в составе самых разных лексико-грамматических группировок.

ВЫВОДЫ

Обобщая изложенное в третьей главе диссертационного исследования, можно сделать следующие выводы.

Тематическая группа «Наименования болезней», представленная в говорах юго-западной Брянщины, включает в себя обширный лексический пласт, словесные единицы которого различаются по целому ряду оснований: 1) по генетическому признаку (источнику происхождения); 2) по способам образования; 3) по семантической структуре; 4) по формальной структуре и частеречной принадлежности; 5) по типу мотивационного признака и т. д.

По генетическому признаку (источнику происхождения) в исследуемых говорах разграничиваются собственно научные медицинские термины, трансформировавшиеся под влиянием диалектной лексики (*ампендици́т, апенди́ок, беркулёз, инсуль́т, ишкарлати́н, пилёпсия* и др.); собственно диалектные наименования болезней (*во́гник, во́лос, волосе́нь, гноеё́д, костоё́д* и др. 3) диалектные наименования болезней, обогатившие терминологию официальной медицины (*ячме́нь, корь, гры́жа, ро́жа, красну́ха* и др.).

По способам образования в ТГ «Наименования болезней» разграничиваются лексические единицы, созданные в результате морфологического способа словообразования (*костоё́д, гноеё́д, пра́лик, аппенди́ок, панари́к* и др.); лексемы, возникшие вследствие лексико-семантического способа словообразования (*во́лос, круг* и др.); лексемы,

образованные в результате морфолого-синтаксического способа словообразования (*паду́чая, рубáшная* и др.); словесные единицы, образованные при помощи лексико-синтаксического способа словообразования (*не́мачь* (не мочь), *недора́йда, за́чисть* и др.); лексические единицы, возникшие в результате табуирования и эвфемизации (*радíмчик, чёрная не́мачь* и др.).

По особенностям семантической (содержательной) структуры в говорах юго-западной Брянщины разграничиваются однозначные (моносемичные) и многозначные (полисемичные) наименования болезней. Большая часть исследуемых номинаций представляет собой однозначные лексические единицы.

По формальной структуре и частеречной принадлежности наименования болезней в исследуемых говорах представлены словами и словосочетаниями. Большую часть наименований болезней в рассматриваемых говорах составляют однословные лексические единицы, выраженные преимущественно именами существительными.

По типу мотивационного признака словесные единицы ТГ «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины раграничиваются по следующим основаниям: 1) по источнику возникновения болезни (*ногте́д, костяни́ца, волосе́нь* и др.); 2) с точки зрения симптома проявления болезни (*почечу́й, шелуда́, шелудíвый, трясу́чка, трясови́ца, колоту́н* и др.); 3) по основному признаку проявления заболевания (*кри́ксы, крику́н, паду́чая* и др.); 4) по обозначению больного органа, места проявления заболевания в организме (*ма́точная, костяни́ца* – «ревматизм», *грудни́ца* – «мастит» и др.); 5) по отражению развития болезни, её течения (*косте́д* – «остеомиелит», *ногте́д* – «панариций», *мочу́н* – «недержание мочи», *водя́нка* – «отек всего тела» и т. д.); 6) по обозначению причины развития болезни (*во́лос, ногтеви́ца* и др.); по связи болезни с различными

природными стихиями (*во́зник, водя́нка, огневи́ца, Анто́нов огóнь* и др.); 7) по связи болезни с животными (*во́лчек, су́чье вѳмя, соба́чья ста́рость* и др.); 8) по связи заболевания с вредоносным воздействием, оказываемым на человека (*напу́щенка, уро́к, по́рча, лихомáнка* и др.); 9) по связи болезни с физическим воздействием не человека (*трясуни́ца, колотье́, кѳльки, тряса́, уда́р* и др.); 10) с точки зрения отражения народно-мифопоэтических представлений о данной болезни (*лихора́дка* – дословно: «рада лиху» (от «лихо» – худо, вред); *лихомáнка* – обозначение заболевания, протекающего с повышением температуры и др.) и т. д. Подобное формирование лексем, отмечаемое в говорах юго-западной Брянщины, является отличительной особенностью именно диалектного медицинского наименования, связанного со спецификой яркого, образного народного мышления.

Как показали проведенные исследования, тематическая группа «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины включает несколько ЛСГ: «Инфекционные заболевания», «Болезни органов дыхания», «Заболевания сердечно-сосудистой системы», «Урологические болезни», «Кожные заболевания», «Заболевания органов брюшной полости», «Болезни опорно-двигательного аппарата», «Детские болезни», «Женские болезни», «Заболевания, связанные с действием потусторонней силы».

В состав названных ЛСГ входят лексические единицы, обозначающие различные заболевания и нередко образующие достаточно обширные синонимические ряды, содержащие доминантные лексемы, которые являются наиболее частотными в исследуемых говорах. При этом синонимические ряды характерны далеко не для всех лексико-семантических групп. Они присутствуют в ЛСГ «Инфекционные заболевания», «Болезни органов дыхания», «Заболевания сердечно-сосудистой системы», «Урологические болезни», «Кожные болезни», «Болезни опорно-двигательного аппарата», «Заболевания органов брюшной полости»,

«Заболевания, связанные с действием потусторонней силы». В ЛСГ «Детские болезни» и «Женские болезни» синонимические ряды не выявлены.

Проанализированные лексико-семантические группы являются весьма неоднородными по своему составу. Наиболее обширными группировками являются ЛСГ «Инфекционные болезни» и «Кожные болезни», в каждой из которых присутствует два синонимических ряда, а также лексические единицы, не входящие в синонимические ряды. Наиболее малочисленна ЛСГ «Женские болезни», содержащая две лексические единицы. Неоднородность лексико-грамматических группировок объясняется прежде всего большей или меньшей степенью распространенности тех или иных заболеваний на исследуемых территориях, а также тем, что лексика, называющая болезни, постепенно исчезает в связи с уменьшением количества носителей говоров.

Как показал анализ, синонимические ряды, присутствующие в большинстве лексико-семантических групп ТГ «Наименования болезней», характеризуются наличием в их составе семантически близких или тождественных лексических элементов (дублетов), представляющих собой органично генетически и функционально связанные термины общенародной научной медицины и местные слова в медицинском значении. Ср. синонимические ряды *веред – гнільник – карбункул – во́гник; туберкулёз – беркулёз – чахóтка – бугорча́тка; волосéнь – во́лос – ногтеéд – (нохтоéда) – панарі́к – гноеéд – костеéд* и др. При этом доминантной лексемой в говорах не всегда выступает официальный медицинский термин, но чаще всего – местная лексема, имеющая большее распространение на рассматриваемых территориях.

Для лексических единиц говоров юго-западной Брянщины характерны не только парадигматические отношения синонимии, но и отношения омонимии, которые проявляются в связях между членами различных лексико-семантических групп. Наиболее ярко омонимические отношения

проявляются между единицами ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата» и «Инфекционные болезни» (ср. слова *костоед*, *гноеед*), «Кожные болезни» и «Инфекционные болезни» (ср. слово *вогник* (*огник*)), «Детские болезни» и «Женские болезни» (ср. слово *золотник*). Следует отметить, что в ряде случаев омонимы в рассматриваемых нами говорах появлялись в результате лексико-семантического способа словообразования, посредством метафорического и метонимического переносов (ср. образование слова *во́лос* в значении «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, панариций» посредством метонимического переноса от лексемы *во́лос* в значении «червь», которая, в свою очередь, была образована от общелитературного слова *во́лос*). Как правило, омонимия в говорах юго-западной Брянщины чаще всего является следствием далеко разошедшейся полисемии.

Лексические единицы говоров юго-западной Брянщины нередко вступают в отношения омонимии со словами, относящимися к другим русским говорам (ср.: *во́лос* в значении «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца с нагноением, панариций» и *во́лос* в значении «болезнь костей, костоеда» в тверских говорах).

В отличие от отношений омонимии, парадигматические отношения синонимии наиболее ярко представлены в говорах юго-западной Брянщины, что обусловлено, прежде всего, закономерностями развития диалектного языка, для которого характерно наличие обширных синонимических рядов, формирующихся в составе самых разных лексико-семантических группировок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие «диалект» представляет собой разновидность конкретного языка, употребляемую в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Территориальный диалект – это разновидность общенародного языка, которая служит средством общения людей на определенной территории и характеризуется различиями в звуковом строе, грамматике, словообразовании, лексике. Основной единицей территориальных диалектов и минимальной ареальной единицей является говор – язык одного или нескольких населенных пунктов, однородных в языковом отношении.

Сложность диалектного членения языка отражается в ряде названий ареальных единиц, к числу которых относится наречие – наиболее крупная единица диалектного членения, представляющая собой совокупность территориальных диалектов, объединённых общими признаками. В русском языке выделяют Северное и Южное наречия, между которыми располагается сочетающая черты обоих наречий полоса среднерусских говоров, включающих в себя более мелкие объединения – группы говоров.

Диалектный язык представляет собой теоретически моделируемое образование, не имеющее реальной коммуникативности и прямой взаимозависимости составляющих его элементов, но характеризующееся наличием определенных системных соответствий. На уровне конкретного говора диалектное слово обладает реальным планом содержания, который может быть назван реальной семантикой. На уровне языковых макросистем различного уровня та же лексическая единица обнаруживает конструктивную семантику, свойственную языковым образованиям, объединяющим несколько частных языковых образований, которые обладают потенциальной коммуникативностью и характеризуются определенными системными

соответствиями. Наречие, а также такие диалектные макросистемы, как диалектные зоны, группы говоров, диалектные группы, обладают конструктивной системностью. Конкретному говору свойственна реальная системность.

Диалектный язык отличается сложностью системной организации. В лексике говоров наблюдаются языковые явления, характерные для любой языковой системы, в том числе парадигматические (отношения полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, таксономии), синтагматические и деривационные связи и отношения.

Система диалекта вступает в соприкосновение с соседними диалектами и языками, в результате чего возникает экономическое, культурное, этническое взаимодействие между разными диалектами. В большей степени подвержены взаимовоздействию языки близкородственные, имеющие большое структурное и материальное сходство, а тем более – диалекты одного языка. Лексика брянских говоров, в том числе медицинская, вступает в тесную взаимосвязь с территориально близкими ей южнорусскими говорами, а также с украинским и белорусским языками.

Особенности исторического развития диалектного языка определили наличие в русских народных говорах закона экономии речевых усилий в живой речи, нередко реализующегося посредством суффиксации, в результате которой лексические единицы общенародного языка, а также научные термины, трансформируясь под влиянием диалектного употребления, нередко приобретают сниженный оттенок в народной речи. В лексике народной медицины действие закона экономии речевых усилий в большинстве случаев реализуется через общенародные заимствования из латинского языка путем замены латинских громоздких образований народными медицинскими номинациями. Еще одной особенностью диалектной речи, в том числе связанной с народной медициной, является

экспрессивность и образность.

Народная медицина представляет собой древнейший вид профессиональной деятельности, сочетающей опыт традиционного знания и систему лечебно-профилактических приемов, направленных на избавление человека от болезни и восстановление его здоровья. Существенный пласт языковых единиц в лексике народной медицины принадлежит наименованиям болезней. Данный лексический слой восходит к глубокой древности. Народно-медицинское слово отображает наиболее характерные особенности предмета или явления таким образом, как представляли их древние люди. Первичные медицинские представления древнего человека были стихийно-материалистическими, а впоследствии стали онтологическими. В понимании древних развитие заболевания чаще всего было связано с наличием непосредственного, физического нарушения целостности человеческого тела и реже – с опосредованным воздействием на человека, в том числе при помощи враждебного человеку потустороннего, персонифицированного зла. Представление болезни в виде некоей сущности способствовало развитию предупредительной магии (тотемных знаков, амулетов, жертвоприношений с целью задобрить или одолеть опасную болезнь и т. д.), в результате чего произошло постепенное объединение функций жреца и целителя, а само понимание причин возникновения болезни сместилось в религиозную сферу.

Первые попытки фиксации сведений о различных заболеваниях стали предприниматься на Руси с появлением письменности и были связаны, прежде всего, с поиском народно-медицинских аналогов латинским и греческим наименованиям болезней. Еще в Древней Руси появились такие письменные медицинские источники, как зельники, врачебники, лечебники, целебники, травники и др. Впоследствии при составлении таких лечебников начинало сказываться влияние византийской и западноевропейской

медицинской литературы, а народная составляющая их уменьшалась.

На рубеже XVII-XVIII вв. появились первые переводные книги, посвященные медицине. Начало формирования в России профессиональной медицинской литературы относится к концу XVII века.

В XIX веке происходило накопление значительного количества материала в области этнографии, фольклористики, лексикологии, истории, в том числе связанного с медициной. Со второй половины XIX века начинается обобщение и систематизация накопленного материала, его анализ, а также начинают публиковаться заговорные тексты и некоторые лечебники XVII-XVIII вв., разрабатываются этнографический и мифологический компоненты народной медицины. В XIX-XX вв. исследователями формировались списки областных слов и выражений, характеризующих местные говоры. В последние десятилетия в отечественном языкознании получил распространение многоуровневый подход к исследованию лексической составляющей народной медицины, которая как системное образование подвергается всестороннему анализу с точки зрения этимологической реконструкции, структурно-семантического, этнолингвистического, лингвосемиотического и лингвокультурологического подходов.

Изучение лексики брянских говоров, а также этнографии и этнолингвистики обширного региона, относящегося к Полесью, находящемуся на территории трех государств, начинается со второй половины XIX в. К числу лексикографических источников, зафиксировавших лексику Брянщины, относятся «Словарь народных говоров Западной Брянщины» П. А. Расторгуева, «Словарь брянских говоров», разрабатываемый с 50-х годов XX века в Ленинграде, «Брянский областной словарь» под редакцией Н. И. Курганской (2007 г., 2011 г.). При этом лексика народной медицины на Брянщине до настоящего времени остается мало

исследованной.

Исторические события, связанные со становлением Брянщины, а также её приграничное положение между славянскими государствами способствовали тому, что на исследуемых территориях сформировался и все ещё сохраняется пласт богатой народной культуры, уходящей своими корнями в глубокую древность. Особенно это заметно на примере лексической и этнографической составляющих народной медицины, которые, несомненно, требуют всестороннего изучения. В этом отношении особенно интересны юго-западные территории брянского приграничья, вобравшие в себя всю многогранность восточнославянского триединства.

Для анализа языковых единиц ТГ «Наименования болезней», представленных в говорах юго-западной Брянщины, большое значение имеет обращение к текстам заговоров от разных болезней, поскольку исследуемая лексика нередко употребляется в таких текстах. Изучение заговорных текстов является важным с точки зрения этнографического аспекта, весьма ярко в них представленного и имеющего большое значение для характеристики исследуемых номинаций.

В текстах заговоров народные лекари нередко обращаются к пантеону Святых, который совмещает христианские и остаточные языческие верования. Целители четко различают «отрицательную» (чисто языческую), темную, колдовскую и «положительную» (окрашенную присутствием христианской составляющей) семантику используемых языковых единиц и определяют первые тексты как заговóры, а последние – как молитвы.

В текстах заговоров присутствуют мотивы духовной и физической защиты-исцеления от наиболее часто встречающихся в настоящее время заболеваний: мотив загрызания/ перегрызания болезни, мотив остановки льда на реке и др. Наиболее часто исцелению людей от всех болезней в брянских заговорах способствуют Иисус Христос, Божья Матерь, Иоанн Креститель,

Михаил Архангел, Архангел Гавриил.

Заговорные тексты содержат глубокие духовные смыслы, способствующие интерпретации содержания многих слов, обозначающих болезни. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о древности исследуемых процессов, подтверждением которой является то, что в современных заговорах, а также непосредственно в среде носителей диалекта сохраняются представления о персонификации болезни не только по отношению к человеческим, но и к зооморфным образам, персонификации объектов неживой природы. В говорах юго-западной Брянщины и в настоящее время функционирует не только двоеверие, но и подпадающее под влияние этого двоеверия освоение медицинской лексики с письменными формами, изменение сакральности, изменение формы сохранения и передачи информации (преобладание письменных форм передачи текстов, передача сакральной информации людям, не связанным с информантами-целителями близкородственными отношениями и т. д.).

Как показал анализ заговорных текстов, а также записанных бесед с народными целителями и другими носителями говоров юго-западной Брянщины, в числе тематических групп, характерных для исследуемых говоров, наиболее обширной является ТГ «Наименования болезней». Все другие ТГ («Наименования симптомов заболеваний», «Наименования процессов, связанных с лечением, лечебных действий», «Наименования лекарственных средств», «Наименования частей тела человека», «Наименования, связанные в народной медицине с магическими представлениями» и т. д.) тесным образом связаны с анализируемой в настоящем исследовании ТГ «Наименования болезней», поскольку лексические единицы, входящие в их состав и обозначающие симптомы болезней, части тела человека, лекарственные средства и т. д., позволяют наиболее полно раскрыть смыслы, связанные с номинациями различных

заболеваний в говорах юго-западной Брянщины.

Тематическая группа «Наименования болезней» в исследуемых говорах отличается не только особенностями составляющих ее единиц, но и особенностями организации. В составе анализируемой тематической группы выделяются лексико-семантические группы (ЛСГ), связанные с обозначениями разновидностей заболеваний, которые характеризуются достаточно сложными связями и отношениями между составляющими их лексическими единицами: 1) Инфекционные заболевания; 2) Болезни органов дыхания; 3) Заболевания сердечно-сосудистой системы; 4) Урологические болезни; 5) Кожные заболевания; 6) Заболевания органов брюшной полости; 7) Болезни опорно-двигательного аппарата; 8) Детские болезни; 9) Женские болезни; 10) Заболевания, связанные с действием потусторонней силы.

Все перечисленные лексико-семантические группы содержат в своем составе наименования, формирование которых происходило под влиянием самых разных языковых процессов, среди которых ведущую роль играют механизмы образной номинации, прежде всего табуирование, метонимия, метафора, синекдоха и др., что во многом обусловлено образным характером самой народно-медицинской культуры говоров юго-западной Брянщины.

Наиболее ярким процессом в народно-медицинской лексике исследуемых говоров является табуирование, которое сыграло большую роль в формировании многих наименований болезней. Данный процесс определяется экстралингвистическими факторами, связанными с бытующими в народе запретами на употребление тех или иных слов из-за боязни навлечь беду. Начиная с самых ранних этапов развития человечества, понятие болезни было связано с понятиями смерти, являвшейся продолжением жизни, и жизни, считавшейся продолжением смерти. Вследствие этого понятие болезни довольно часто табуировалось. Чем древнее и однотипнее в различных языках название того или иного

заболевания, тем более, на наш взгляд, у исследователя оснований считать, что изучаемое слово образовано посредством табуирования.

Формирование лексики, номинирующей болезни в говорах юго-западной Брянщины, осуществляется также при помощи таких процессов, как лексическая мотивация, калькирование, сложение основ и др. Явление лексической мотивации, которое базируется на связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности, весьма распространено в русских народных говорах. К числу наиболее распространенных мотивационных признаков, на основе которых происходило формирование наименований болезней в исследуемых говорах, относятся отражение наиболее характерного симптома проявления болезни; обозначение больного органа, места проявления болезни; отражение развития болезни, её течения; обозначение причины развития болезни; выражение субъективных ощущений заболевшего; вероятность злого воздействия как первопричины недомогания; отражением народно-мифопоэтических представлений о данной болезни и др.

Одним из ярких языковых процессов в говорах юго-западной Брянщины является возникновение омонимов из полисемии. В исследуемых говорах нередки случаи, когда полисемия настолько расходится, что становится омонимией.

Народно-медицинская лексика, обозначающая болезни в говорах юго-западной Брянщины, имеет сходные черты с терминологией официальной медицины, в том числе с латинскими наименованиями болезней, в числе которых – метонимичность, метафоричность, присущие как научно-медицинской терминологии, так и народно-медицинской лексике, а также образование и научных, и народных медицинских номинаций путем сложения основ. Отличительными особенностями народно-медицинской лексики от терминологии официальной медицины являются ее ярко

выраженный субъективизм и эмоциональность, а также важная роль табуирования, характерного для наименований болезней, употребляющихся в говорах.

ТГ «Наименования болезней», представленная в говорах юго-западной Брянщины, включает в себя обширный лексический пласт, словесные единицы которого различаются по целому ряду оснований: 1) по генетическому признаку (источнику происхождения); 2) по способам образования; 3) по семантической структуре; 4) по формальной структуре и частеречной принадлежности; 5) по типу мотивационного признака и т. д.

По генетическому признаку (источнику происхождения) в исследуемых говорах разграничиваются собственно научные медицинские термины, трансформировавшиеся под влиянием диалектной лексики (*ампендици́т, апенди́ок, беркулёз, инсуль́т, шкарлати́н, пилёпсия* и др.); собственно диалектные наименования болезней (*во́гник, во́лос, волосе́нь, гноеё́д, костоё́д* и др.); диалектные наименования болезней, обогатившие терминологию официальной медицины (*ячмень, корь, грыжа, рожа, красну́ха* и др.).

По способам образования в ТГ «Наименования болезней» разграничиваются лексические единицы, созданные в результате морфологического способа словообразования (*костоё́д, пра́лик, аппенди́ок, панари́к* и др.); лексемы, возникшие вследствие лексико-семантического способа словообразования (*во́лос, круг* и др.); лексемы, образованные в результате морфо-синтаксического способа словообразования (*паду́чая, рубáшная* и др.); словесные единицы, образованные при помощи лексико-синтаксического способа словообразования (*недорáйда, за́чисть* и др.); лексические единицы, возникшие в результате табуирования и эвфемизации (*радíмчик, чёрная нéмачь* и др.).

По особенностям семантической (содержательной) структуры в

говорах юго-западной Брянщины разграничиваются однозначные (моносемичные) и многозначные (полисемичные) наименования болезней. Большая часть исследуемых номинаций представляет собой однозначные лексические единицы.

По формальной структуре и частеречной принадлежности наименования болезней в исследуемых говорах представлены словами и словосочетаниями. Большую часть наименований болезней в рассматриваемых говорах составляют однословные лексические единицы, выраженные преимущественно именами существительными.

По типу мотивационного признака словесные единицы ТГ «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины раграничиваются по следующим основаниям: 1) по источнику возникновения болезни (*ногтеёд, костяница, волосень* и др.); 2) с точки зрения симптома проявления болезни (*почечуй, шелудá, шелудивый, трясу́чка* и др.); 3) по основному признаку проявления заболевания (*кри́ксы, крику́н, паду́чая* и др.); 4) по обозначению больного органа, места проявления заболевания в организме (*ма́точная, костяница* – «ревматизм», *грудни́ца* – «мастит» и др.); 5) по отражению развития болезни, её течения (*костее́д* – «остеомиелит», *ногтеёд* – «панариций», *мочу́н* – «недержание мочи», *водя́нка* – «отек всего тела» и т. д.); 6) по обозначению причины развития болезни (*во́лос, ногтеви́ца* и др.); 7) по связи болезни с различными природными стихиями (*во́гник, водя́нка, огневи́ца, Анто́нов огóнь* и др.); 8) по связи болезни с животными (*во́лчек, су́чье вы́мя, соба́чья ста́рость* и др.); 9) по связи заболевания с вредоносным воздействием, оказываемым на человека (*напу́щенка, уро́к, по́рча, лихомáнка* и др.); 10) по связи болезни с физическим воздействием не человека (*колотьё, кильки, тряса́, уда́р* и др.); 11) с точки зрения отражения народно-мифопоэтических представлений о данной болезни (*лихора́дка* – дословно: «рада лиху» (от «лихо» – худо, вред);

лихомánка – обозначение заболевания, протекающего с повышением температуры и др.) и т. д.

Подобное формирование лексем, отмечаемое в говорах юго-западной Брянщины, является отличительной особенностью именно диалектного медицинского наименования, связанного со спецификой яркого, образного народного мышления. Как показали проведенные исследования, тематическая группа «Наименования болезней» в говорах юго-западной Брянщины включает несколько лексико-семантических групп: «Инфекционные заболевания», «Болезни органов дыхания», «Заболевания сердечно-сосудистой системы», «Урологические болезни», «Кожные заболевания», «Заболевания органов брюшной полости», «Болезни опорно-двигательного аппарата», «Детские болезни», «Женские болезни», «Заболевания, связанные с действием потусторонней силы».

В состав названных ЛСГ входят лексические единицы, обозначающие различные заболевания и нередко образующие достаточно обширные синонимические ряды, содержащие доминантные лексемы, являющиеся наиболее частотными в исследуемых говорах.

При этом синонимические ряды характерны далеко не для всех ЛСГ. Они присутствуют в группах «Инфекционные заболевания», «Болезни органов дыхания», «Заболевания сердечно-сосудистой системы», «Урологические болезни», «Кожные болезни», «Заболевания органов брюшной полости», «Болезни опорно-двигательного аппарата», «Заболевания, связанные с действием потусторонней силы». В ЛСГ «Детские болезни» и «Женские болезни» синонимические ряды не выявлены.

Проанализированные лексико-семантические группы являются весьма неоднородными по своему составу. Наиболее обширными являются ЛСГ «Инфекционные болезни» и «Кожные болезни», в каждой из которых присутствует два синонимических ряда, а также лексические единицы, не

входящие в синонимические ряды. Малочисленной является лексико-семантическая группа «Женские болезни», содержащая две лексические единицы. Неоднородность ЛСГ объясняется прежде всего большей или меньшей степенью распространенности тех или иных заболеваний на исследуемых территориях, а также тем, что лексика, называющая болезни, постепенно исчезает в связи с уменьшением количества носителей говоров.

Как показал анализ, синонимические ряды, присутствующие в большинстве лексико-семантических групп ТГ «Наименования болезней», характеризуются наличием в их составе семантически близких или тождественных лексических элементов (дублетов), представляющих собою органично генетически и функционально связанные термины общенародной научной медицины и местные слова в медицинском значении. Ср. синонимические ряды вѣред – *гнильник* – *карбу́нкул* – *во́зник*; *и́нсульта* – *пара́лик* – *парали́к* – *пра́лик* – *уда́р*; *туберкулёз* – *беркулёз* – *чахотка* – *бугорчатка*; волосѣнь – *во́лос* – *ногтеѣд* – (*нохтоѣда*) – *панари́к* – *гноѣд* – *костѣд* и др. При этом доминантной лексемой в говорах не всегда выступает официальный медицинский термин, но чаще всего – местная лексема, имеющая большее распространение на рассматриваемых территориях.

Для лексических единиц говоров юго-западной Брянщины характерны не только парадигматические отношения синонимии, но и отношения омонимии, которые проявляются в отношениях между членами различных лексико-семантических групп. Наиболее ярко омонимические отношения проявляются между единицами ЛСГ «Болезни опорно-двигательного аппарата» и «Инфекционные болезни» (ср. слова *костоед*, *гноѣд*), «Кожные болезни» и «Инфекционные болезни» (ср. слово *во́зник* (*о́жник*)), «Детские болезни» и «Женские болезни» (ср. слово *золотни́к*). Следует отметить, что в ряде случаев омонимы в рассматриваемых нами говорах появлялись в результате лексико-семантического способа словообразования, посредством

метафорического и метонимического переносов (ср. образование слова *во́лос* в значении «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца» посредством метонимического переноса от лексемы *во́лос* в значении «червь», которая, в свою очередь, была образована от общелитературного слова *волос*). Как правило, омонимия в говорах юго-западной Брянщины чаще всего является следствием далеко разошедшейся полисемии.

Как показал анализ, лексические единицы говоров юго-западной Брянщины нередко вступают в отношения омонимии со словами, относящимися к другим русским говорам (ср.: *во́лос* в значении «воспалительное заболевание ногтевой фаланги пальца» и *во́лос* в значении «болезнь костей, костоеда» в тверских говорах).

Необходимо подчеркнуть, что, в отличие от отношений омонимии, парадигматические отношения синонимии наиболее ярко представлены в говорах юго-западной Брянщины, что обусловлено, прежде всего, закономерностями развития диалектного языка, для которого характерно наличие обширных синонимических рядов, формирующихся в составе самых разных лексико-семантических группировок.

В целом, анализ лексических единиц, представленных в проанализированных ЛСГ, дает основания утверждать, что в лексике местной медицины развита вариативность формы (фонетическая, акцентологическая, словообразовательная: *во́гник*, *скули́ца*, *и́нсульт* и др.) и содержания (полисемия: *костее́д* и др.). Органичность процессов семантической связи слов тематической группы выражается в том, что полисемичное слово, в свою очередь, может иметь к каждому из значений или к некоторым из них синонимы и (или) омонимы. Так, лексема *во́лос* в значении «гнойное заболевание на коже» имеет словообразовательные синонимы *волоса́тик*, *волосе́ц*, *волосе́нь*, а также лексические синонимы *змеевёц*, *костяна́я гры́жа*. Омонимами к нему являются *во́лос* – 1) леска из

конского волоса и 2) водяной червь, известный во многих русских говорах.

Многие научно-медицинские термины на этапе их ассимиляции, приспособления к активной системе диалекта проходят через усвоение латинского эквивалента. Данное усвоение выражается, как правило, через сокращение громоздких иностранных терминов, включающих в себя указания на родовидовую суть научного латинского термина, через упрощение иностранного произношения, далекого от традиций славянской, в том числе русской фонетики (утраты смычных согласных, упрощение групп согласных, подчинение традиции закона открытого слога и т. д.: *апендьюк, ампедициџт* и др.).

В речи носителей диалекта обнаруживается много случаев искажения фонетического облика слов, входящих в местную систему медицинских наименований. Это явление обусловлено, несомненно, сложностью фонетической структуры медицинских научных терминов, связанной с генезисом большого их числа, заимствованием из латинского и греческого языков, несоответствием традиционной структуре славянского слова, строившегося с праславянского периода по закону открытого слога и закону сингармонизма, наконец, проблемами с произношением, обусловленными возрастом и состоянием здоровья информантов. Ср.: *пра́лик* (паралич), *рџвма́змь* (ревматизм), *ампетициџт, ампендициџт* (аппендицит), *шкарлатџн* (скарлатина) и др. Подобные «ложные» образования встречаются фактически во всех обследованных нами населенных пунктах.

Проведенное сопоставление брянского корпуса общенародных лексем и местных медицинских слов в аспекте лингвистической географии позволило обнаружить два широко распространенных явления: 1) наличие на территории русского языка большого количества дискретно представленных одинаковых лексем; 2) наличие соответственных явлений, общих корней с медицинской семантикой, многие из которых оформлены на

этих территориях нередко с помощью различных префиксально-суффиксальных аффиксов. Ср.: *гу́ля* – пупочная грыжа в говорах, территориально близких брянским: курск., орл., калуж., ворон., дон., смол.; в говорах, в разной степени удаленных: кубан., тверск., пск. и др.; *грызь* – *грыжа* : орл., курск., жиздр., тул., калуж., смол., ворон., моск., терск., илым., якут. Эта словопроизводственная особенность объединяет русский язык с двумя другими восточнославянскими языками.

В лексике русского общенародного и диалектного языка ученые-этимологи отмечают обширный корнеслов, восходящий к различным этапам развития языка: индоевропейскому, праславянскому, древнерусскому, периоду формирования и развития самостоятельных восточнославянских языков. Однако сформировавшихся полностью терминов медицины, восходящих к древнейшим этапам развития русского языка, обнаруживается в брянских говорах не так много, что, очевидно, связано с уровнем развитием в эти периоды самой восточнославянской медицины. В большей мере мы обнаруживаем древние корни, легшие позднее в основу создания народом этой терминологии. Полагаем, что к древнейшему славянскому пласту лексики относится слово *бугóр* не только в прямом, но уже и в переносном значении – как «нарыв». Слово *вéред* в значении «нарыв», «гнойник» известно во многих западно- и южнославянских языках. Общеславянской можно считать лексему *кила́* – «грыжа». К эпохе древнерусского языкового единства имеются основания отнести термин *сухо́та*.

В пределах русского языка обнаружены различные пласты медицинской лексики, зафиксированные: 1) в обоих наречиях русского языка (*бугóр*, *вéред*, *во́лос*, *грызь*, *золотни́к* и др.); б) в брянских говорах и в части других говоров южнорусского наречия (*волосéнь* и др.); г) в брянских говорах (*гни́льник*, *железа́*, *кри́ксы* и др.). В то же время в говорах русского языка представлено большое количество медицинских слов, являющихся

«междialeктными синонимами» к брянским и общенародным лексемам. Наши наблюдения над материалами общенародной и местной лексики показывают обусловленность причин продуктивности взаимодействия и взаимовлияния территориальных говоров легкой проницаемостью друг в друга диалектных систем. Кроме того, исторические связи территорий восточных славян, передвижения, переселения народов заметно меняли суть их языковых контактов, воздействовавших на состав местной речи. Длительная история взаимодействия брянских говоров с украинским и белорусским языками способствовала проникновению в брянские говоры большого числа слов разнообразной тематики из этих языков. Несомненно, серьезнейшей проблемой, во многом определяющей уровень владения местным населением терминологией медицины, является использование в номинации реалий науки генетически иностранной, прежде всего латинской, терминологии. Обычные носители говора не подготовлены или очень слабо подготовлены для наличия у них подобных знаний.

Думается, что для сохранения рассмотренного в настоящем диссертационном исследовании диалектного материала, отражающего особенности мировосприятия носителей брянских говоров, целесообразно создание автоматизированных диалектных баз данных, на базе которых возможно построение разных типов диалектных словарей, в том числе многоаспектных, способных отразить различные типы информации о смысловом содержании диалектного слова, включая информацию лингвокультурологическую. Это представляется необходимым ещё и потому, что многие из народных названий заболеваний, возникнув в разные периоды развития славянства и его культуры, и в настоящее время активно функционируют в брянских говорах, а связанные с ними представления о причинах проявления и способах лечения заболеваний сохраняются в народном сознании, нередко применяясь на практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Словари и справочники

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М. : Русские словари : АСТ : Астрель : Хранитель, 2006. – 665 с.
2. Алексеенко М. А., Литвинникова О. И. Омонимы русской диалектной речи. Словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. – М. : ЭЛИПИС, 2009. – 781 с.
3. Большая Российская энциклопедия : в 30 т. / научно-редакционный совет: председатель – Ю. С. Осипов и др. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2004-2017.
4. Брянский областной словарь / Отв. ред. Н. И. Курганская. – Брянск : БГУ им. акад. И. Г. Петровского, 2007. – 382 с.
5. Брянский областной словарь / под ред. Н. И. Курганской и А. Л. Голованевского. – 2-е изд., доп. – Брянск : БГУ им. акад. И. Г. Петровского, 2011. – 364 с.
6. Буланин Д. М. Тайная Тайных / Д. М. Буланин // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 4 вып. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. / отв. ред. Д. С. Лихачёв [и др.]. – Л. : Наука, 1987-2017. – Вып. 2. – С. 427-430.
7. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. – 2006. – 694 с.
8. Воронеж И. В. Русско-белорусский медицинский словарь / И. В. Воронеж. – Гродно : ГрГМУ, 2005. – 117 с.
9. Гринченко Б. Д. Словарь української мови : В 4-х томах / Б. Д. Гринченко. – Київ : Изд-во АН УССР, 1958.
10. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е. А. Грушко, Ю. М. Мартынов. – Нижний Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1995. – 560 с.

11. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х томах / В. И. Даль. – М. : Русский язык Медиа, 2003.
12. Дегтярев В. И., Кудряшова Р. И. Большой толковый словарь донского казачества / В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. – 694 с.
13. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко. – М. : Отчий дом, 2006. – 1122 с.
14. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь омонимов русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1406 с.
15. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е издание. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 488 с.
16. Краткая литературная энциклопедия : в 2-х томах / Гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Сов. энцикл., 1964. – Т. 2. – 987 с.
17. Латинско-русский и русско-латинский словарь / Под ред. А. В. Подосинова. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 741 с.
18. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
19. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина ; Институт научной информации по общественным наукам РАН. – СПб. : Интелвак, 2001. – 1596 с.
20. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках : Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1996. – 416 с.
21. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 4 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1907-1909.
22. Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Ветковские говоры / А. Ф. Манаенкова. – Минск : Университетское, 1989. –

231 с.

23. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н\Д : Феникс, 2010. – 562 с.

24. Носович И. И. Словарь белорусского наречия / И. И. Носович. – СПб. : Типография ИАН, 1870. – 756 с.

25. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: «Азбуковник», 1999. – 943 с.

26. Петрученко О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. – 2001. – 810 с.

27. Популярная медицинская энциклопедия / Гл. ред. Б. В. Петровский. – М.: «Советская энциклопедия», 1979. – 704 с.

28. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.16 / Под ред. И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. – СПб. : Изд-во СПУ, 2004. – 606 с.

29. Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины / П. А. Расторгуев. – Минск : Наука и Техника, 1973. – 293 с.

30. Російсько-український словник / Под ред. В. В. Жайворонка. – Київ : Абрис, 2003. – 1424 с.

31. Русская мифология. Энциклопедия. – М. : Мидгард : Эксмо, 2007. – 784 с.

32. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.

33. Русский язык : Энциклопедия. – М. : Дрофа : Большая Рос. энцикл., 2003. – 703 с.

34. Селигер : Материалы по русской диалектологии. Словарь. Выпуск 1 А-Г / Под ред. А. С. Герда. – СПб : Изд-во СПбГУ, 2003. – 216 с.

35. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е.П. Сеничкина. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 464 с.

36. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под. ред. Н.И. Толстого : в 5-ти томах. – М. : Международные отношения. – 1995.
37. Словарь брянских говоров : вып.1-5 / Отв. ред. В. И. Чагишева. – Л.: Издательство ЛГПИ, 1976.
38. Словарь вологодских говоров. Вып. 1-6 / Под ред. Т. Г. Поникаровской. – Вологда : ВГПИ, 1983 – 1993.
39. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) : В 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1988.
40. Словарь иностранных слов / Под ред. Л. Н. Комарова. – М. : Русский язык, 1988. – 608 с.
41. Словарь областного вологодского наречия : по рукописи П. А. Дилакторского, 1902 г. / изд. подгот. А. И. Левичкин и С. А. Мызников.– СПб : Наука, 2006. – 678 с.
42. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Вып.1-41. – М. – Л. : Наука, 1965- 2007.
43. Словарь русского языка XI-XVII вв. : В 17-ти томах / Гл. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1978.
44. Словарь синонимов : Справочное пособие / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука, 1975. – 648 с.
45. Словарь смоленских говоров. Вып. 1-9 / Под ред. А. И. Ивановой. – Смоленск, 1974-2000.
46. Справочник практического врача / Под ред. акад. А. И. Воробьева : В 2-х томах. – М. : Медицина, 1990. – 606 с.
47. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3-х томах / И. И. Срезневский. – М. : Знак, 2003.
48. Станкевич Я. Белорусско-русский словарь / Ян Станкевич. – Смоленск : Инбелкульт, 2020. – 1360 с.
49. Терапевтический справочник : В 2-х томах / Под ред. доц. С. Б.

Рафалькес. – М. – Л. : Медгиз, 1947.

50. Украинсько-російський словник / отв. ред. Л. С. Поломарчук, Л. Г.Скрипник. – Київ : Рад. шк., 1985. – 188 с.

51. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х томах / М. Фасмер. – М. : Астрель, 2003.

52. Федотов В. Д. Большой словарь медицинских терминов / В. Д. Федотов. – М. : Центрполиграф, 2007. – 959 с.

53. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : В 2-х томах / П. Я. Черных.– М. : Русский язык: Медиа. – 2007.

54. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М. : Просвещение, 1971. – 742 с.

55. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боборова. – М. : Прозерпина, 1994. – 400 с.

56. Энциклопедический словарь : В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890-1907.

57. Энциклопедический словарь : В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб. : ПОЛРАДИС, 1993. – (Репринтное издание).

58. Энциклопедия. Мифология / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 739 с. – (Репринтное издание Мифологического энциклопедического словаря 1991 года).

59. Энциклопедия. Мифы народов мира : в 2-х томах / под ред. С. А. Токарева. – Т. 1-2. – М. : Советская энциклопедия, 1991.

Исторические и летописные источники

60. Брянской области – 75. Историко-документальное издание / под ред. А. М. Коробко, В. П. Алексеева. С. С. Дедюли, Е. С. Кривцовой. –

Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2019. – 248 с.

61. Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. – СПб. : Наука, 1994. – 268 с.

62. Лаврентьевская летопись / Под ред. Е. Ф. Карского; Предисл. Б. М. Клосса. – М. : Языки рус. культуры : Кошелев, 1997. – 733 с. – (Репринтное издание 1926-1928 гг.).

63. Литература Древней Руси / под. ред. Д. С. Лихачева. – М.: Высшая школа, 1990. – 543 с.

64. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год. – Архангельск: Губ. Тип., 1864. – С . 9-20, 75-93.

65. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и комментарии Д. С. Лихачева / Под ред. В. И. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Наука, 1996. – 667 с.

66. Полное собрание русских летописей. Т. 5, вып. 2 : Псковские летописи. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 368 с. – (Репринтное издание).

67. Полное собрание русских летописей. – Т. 38 : Радзивилловская летопись / Под ред. М. П. Ирошникова, М. В. Кукушкиной, Я. С. Лурье; Библиотека АН СССР, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. – Л. : Наука, 1989. – 179 с. – С. 11.

68. Травник : [Рукопись из библиотеки Ивана Грозного]. – Б.м. , 1534 . – 582 л. – URL: <http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/1975>

69. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 года «Об образовании Брянской области в составе РСФСР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / Под ред. к. ю. н. Ю. И. Манделъштам. – Москва : Государ-е издательство юридической литературы, 1956. – С. 42-43.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулхамидова П. Ш. Лексика народной медицины шугнанского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / П. Ш. Абдулхамидова / Памирский филиал Академии наук Республики Таджикистан. – Душанбе, 2006. – 20 с.
2. Аванесов Р. И. Очерк русской диалектологии / Р. И. Аванесов. – М., 1949. – 340 с.
3. Аванесов Р. И. О составлении диалектологических словарей славянских языков / Р. И. Аванесов // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1963. – С. 293-318.
4. Агапкина Т. А. Тема родства в восточнославянских лечебных заговорах / Т. А. Агапкина // Категория родства в языке и культуре / Российская акад. наук, Ин-т славяноведения; Отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2009. – С. 212-224.
5. Антипова О. А. Говоры Унечского района Брянской области. – URL : https://museumunecha.ucoz.net/publ/issledovanija/issledovanija/govory_unechskogo_rajona_brjanskoj_oblasti/2-1-0-7
6. Аристотелевы врата // Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 4 т. – СПб., 1907-1909.
7. Архиеп. Филарет (Гумилевский Д.) Историко-статистическое описание Стародубского и Новозыбковского уездов / Д. Гумилевский. – Брянск : Группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»), 2011. – 136 с.
8. Архипова Н. Г. Лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия / Н. Г. Архипова // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. –

Благовещенск : Изд- во АмГУ, 2001. – С. 168-177.

9. Архипова Н. Г. Концепт «Болезнь» в наивной картине мира носителя диалекта / Н. Г. Архипова // Вестник Амурского государственного университета. – Благовещенск : Изд- во АмГУ, 2004. – Вып.16. – С. 78-81.

10. Архипова Н. Г. Наименование недугов в говорах и фольклоре старообрядцев (семейских) Амурской области / Н. Г. Архипова // Вестник Амурского государственного университета. Гуманитарные науки. – Благовещенск, 2015. – С . 27.

11. Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге / А. М. Астахова // Крестьянское искусство в СССР. – Л. : Akademia, 1928. – Вып. 2. – С. 3-76.

12. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями древних родственных народов : в 3 т / А. Н. Афанасьев. – М. : Совр. писатель, 1995. – Т. 2. – 382 с. – Т. 3. – 414 с.

13. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М. : Санкт-Петербург : Эксмо, 2008. – 1520 с.

14. Ахманова О. С. Лингвистика и семиотика / О. С. Ахманова. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 109 с.

15. Байдимиров Д. А. Отражение магии в сфере повседневности народа мари / Д. А. Байдимиров // Успехи современного естествознания. – 2012. – № 12. – С. 99-103.

16. Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период / Л. И. Баранникова. – Саратов : Изд. Сарат. ун-та, 1967. – 206 с.

17. Баранникова Л. И. Проблемы социальной лингвистики в развитии советского языкознания / Л. И. Баранникова // Язык и общество. – Вып. 2. – Саратов, 1970.

18. Баранникова Л. И. Просторечие как особый компонент языка / Л. И. Баранникова // Язык и общество. – Вып. 3. – Саратов, 1974.
19. Баранникова Л. И. Просторечие и литературная разговорная речь / Л. И. Баранникова // Язык и общество. – Вып. 4. – Саратов, 1977.
20. Баско Н. В. Активные словообразовательные процессы в русском языке новейшего времени / Н. В. Баско // Вопросы филологии. – № 3-4 (48). – 2014. – С.79-87.
21. Батаев Х. М., Яхъяева З. И. История народной медицины чеченцев и ингушей (XVIII-XX в.) / Х. М. Батаев, З. И. Яхъяева. – Грозный, 2007. – 140 с.
22. Бегурина О. В. Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области : автореферат дис. ... канд. филол. наук / О. В. Белугина. – Смоленск : Смол. гос. ун-т, 2016. - 23 с.
23. Бережняк В. И. Лексика меньско-щорського регіону на тлі суміжних діалектних систем / В. И. Бережняк // Речь Брянщины в контексте восточнославянских языковых связей. – Брянск : БГУ, 2010. – С. 63.
24. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
25. Березович Е. Л. Метафорические комплексы, составленные темой родства, в славянских языках / Е. Л. Березович // Категория родства в языке и культуре : Российская акад. наук, Ин-т славяноведения / Отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2009. – С. 253-279.
26. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю. А. Бельчиков. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2008. – 424 с.
27. Блинова О. И. Русская диалектология : Лексика: Учеб. пособие / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. – 133 с.
28. Боброва М. И., Журавлева И. К. Травники XVI-XVIII вв. в фонде

Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина / М. И. Боброва, И. К. Журавлева // *Метод. вісн. іст. ф-ту / ХНУ ім. В. Н. Каразіна*. – 2011. – № 9. – С. 110-117.

29. Богданова Е. А. Лексика свадебного обряда в Воронежских говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Богданова. – Воронеж, 2019. – 22 с.

30. Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов Гродна : этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно : Губернская типография, 1895. – 186 с.

31. Бодяжина В. И., Жмакин К. Н. Акушерство / В. И. Бодяжина, К. Н. Жмакин. – М. : Медицина, 1970. – 495 с.

32. Бондалетов В. Д. О четвертой разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья / В. Д. Бондалетов // *Вопросы теории и методики изучения русского языка*. – Саратов : СГУ, 1959. – 383 с.

33. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.

34. Брысина Е. В. Диалект как объект лингвокультурологии / Е. В. Брысина // *Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. к 65-летнему юбилею профессора В. А. Масловой*. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – М., 2014. – С. 77-82.

35. Брысина Е. В. Диалект через призму лингвокультурологии / Е. В. Брысина // *Вестник Волгоградского государственного университета*. – Серия 2: Языкознание. – 2012. - № 2(16). – С. 51-56.

36. Брысина Е. В. Коммуникативные параметры диалектной речи / Е. В. Брысина // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2013. – № 16 (307). – С. 25-31.

37. Брысина Е. В. Признаки и свойства диалектной картины мира (на материале донских говоров) / Е. В. Брысина, Т. И. Морозова // *Лексический*

атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) ; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб, 2014. – С. 140-154.

38. Будагов Р. А. Задачи изучения лексики / Р. А. Будагов // Доклады и сообщения филологического института ЛГУ. – Л., 1949. – Вып. 1.

39. Будде Е. Ф. К диалектологии великорусских наречий : Исследование особенностей рязанского говора / Е. Ф. Будде. – Варшава : в тип. Марии Земкевич, 1892. – VII, 191, II с.

40. Будде Е. Ф. К истории великорусских говоров : Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии / Евгений Будде. – Казань : Типолитограф. Императорского университета, 1896. – 378 с.

41. Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование и словарь / Е. Ф. Будде // Сборник ОРЯС. – Т. 76. – № 3. – СПб., 1904.

42. Будде Е. Ф. К какому из русских наречий принадлежит говор современных жителей Брянского уезда Орловской губернии : О следах северной колонизации в Орловской губ. / Е. Ф. Будде. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1906. - 13 с.

43. Буслаев Ф. И. Исцеление языка. Опыт национального самосознания. Работы разных лет / Ф. И. Буслаев; сост. А. А. Чех. – СПб. : Издательство «Библиополис», 2005. – 520 с.

44. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки (Дополнение к изданию И. Снегирева «Русские народные пословицы и поговорки» М., 1848») / Ф. И. Буслаев. – М., 1954.

45. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2-х томах / Ф. И. Буслаев. – СПб. : Издание Д. Е. Кожанчикова: Типограф. товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. 2. – С. 33-51.

46. Василенко В. Х. Внутренние болезни / В. Х. Василенко. – М. : Медгиз, 1950. – 505 с.
47. Верхотурова К. С. Огонь в зеркале языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. С. Верхотурова. – Екатеринбург : УрГУ, 2008. – 23 с.
48. Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова : Из истории мысли / А. Ветухов. – Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1907. – 529 с.
49. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. : пособие для высших педагогических учебных заведений / В. В. Виноградов. – Москва : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1934. – 288 с.
50. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1967. – 134 с.
51. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв / В. В. Виноградов. – Изд. 3-е. – М. : Высшая школа, 1982. – 529 с.
52. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 2005. – 557 с.
53. Волкова Н. А. Актуальные фонетические процессы в курских говорах / Н. А. Волкова // Проблемы лингвистической семантики. – Вып.2. – Череповец, 2001. – С. 23-28.
54. Власова Г. А. Некоторые названия женской одежды в говорах Брянской области / Г. А. Власова // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1968. – С. 184-190.
55. Володина Т. В. Анимализмы в этнокультурном тексте кожных болезней (немецко-славянские параллели) / Т. В. Володина // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера / науч. ред. А. Бирих, Т.В. Володина. – М. : Элпис, 2006. – С. 58-65.

56. Вольный А. Г. Новозыбков. Историко-краеведческий очерк / А. Г. Вольный. – Тула : Приокское кн. изд-во, 1989. – 141 с.
57. Воробьёв В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьёв. – М. : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
58. Ганцовская Н. С. Народно-медицинская лексика в костромских говорах / Н. С. Ганцовская // Лексический атлас русских народных говоров 1993 : материалы и исследования / Рос. АН, Ин-т лингв. исслед. / Отв. ред. А.С. Герд, И. А. Попов. – СПб. : ИЛИ РАН, 1994. – С. 77-81.
59. Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии / Н. С. Ганцовская. – СПб. : Наука; Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 228 с.
60. Гезер Г. Основы истории медицины / Г. Гейзер. – Казань, 1890. – 448 с.
61. Горбачев О. В. История Брянского края. XX век : Учебное пособие для 11 класса / О. В. Горбачев, Ю. Б. Колосов, В. Н. Лупоядов, А. Ф. Тришин. – Клинцы. 2003. – 214 с.
62. Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка / К. В. Горшкова. – М. : Просвещение, 1972. – 159 с.
63. Глухова Н. Н. Виды пространства в марийских заговорно-заклинательных текстах / Н. Н. Глухова // Финно-угорский мир. – 2018. – № 4. – С. 34-46.
64. Груздев В. Ф. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского дома / В. Ф. Груздев // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1974. – Т. 29. – № 8-14. – С. 343-348.
65. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – 2-е изд. – СПб, 1880. – Т. IV. – С. 32-50; Т. X. – С. 65-70.
66. Данькова Т. Н. Истоки сельскохозяйственной лексики / Т. Н. Дань-

кова // Русская речь. – 2009. – № 5. – С. 85–88.

67. Данькова Т. Н. История русской сельскохозяйственной лексики и терминологии : монография / Т. Н. Данькова. – Воронеж : Воронеж. гос. аграр. ун-т, 2008. – 226 с.

68. Данькова Т. Н. Источники формирования русской сельскохозяйственной терминологии : (на материале терминологии сферы растениеводства) / Т. Н. Данькова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб, 2009. – № 12 (90): Общественные и гуманитарные науки (философия, история, социология, политология, культурология, языковедение, литературоведение, экономика, право). – С. 112–118.

69. Данькова Т. Н. Русская терминология растениеводства: история становления и современное состояние : монография / Т. Н. Данькова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2010. – 280 с.

70. Данькова Т. Н. Русская терминология растениеводства : история становления и современное состояние : дис. ... д-ра филол. наук / Т. Н. Данькова. – Воронеж : ВГПУ, 2010. – 426с.

71. Данькова Т. Н. Сельскохозяйственная лексика древнерусского периода / Т. Н. Данькова // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2008. – Вып. 24 : Филология. Искусствоведение. – № 23 (124). – С. 56-63.

72. Данькова Т. Н. Сельскохозяйственная лексика праславянского периода : (из истории становления сельскохозяйственной лексики русского языка) / Т. Н. Данькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 7 (31). – С. 40-44. – (Сер. «Филол. науки»).

73. Данькова Т. Н. Территориальные диалекты как один из основных источников формирования русской терминологической системы

растениеводства / Т. Н. Данькова // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии // Сборник научных статей. – Брянск : Курсив, 2011. – С. 95-103.

74. Данькова Т. Н., Загоровская О. В. Проблемы современной терминологии / Т. Н. Данькова, О. В. Загоровская. – Воронеж : ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. – 219 с.

75. Данькова Т. Н., Пенюкова И. В. Влияние латинизмов на формирование русской лексики и терминологии (по материалам национального корпуса русского языка и лексикографических источников) / Т. Н. Данькова, И. В. Пенюкова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. – Воронеж, 2019. – Вып. № 29. – С. 16-23.

76. Демич В. Ф. Очерки русской народной медицины. Лихорадочные заболевания и их лечение у русского народа / В. Ф. Демич. – СПб. : Губ. тип., ценз., 1894. – 65 с.

77. Дидик-Меуш Г. Українська медицина. Історія назв / Г. Дидик-Меуш. – Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. – 400 с.

78. Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе (с приложением Очерка русской диалектологии) / Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. – М. : Синодальная типография, 1915. – 140 с.

79. Ермакова Е. Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX – начало XXI вв.) / Е. Е. Ермакова // Под ред. И. С. Карабулатовой. – Тюмень : Издатель Пашкин, 2005. – 496 с.

80. Ершов П. П. Конек-горбунок : Русская сказка в трех частях / П. П. Ершов. – М. : Дет. лит-ра, 1976. – 143 с.

81. Ефименко П. Сборник малороссийских заклинаний / П. Ефименко. –

М. : Имп. о-во истории древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. – 70 с.

82. Жидкова Ю. Б. Пословицы и поговорки о болезнях и здоровье человека / Ю. Б. Жидкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 131-136.

83. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология / В. М. Жирмунский. – Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1956. – 636 с.

84. Жирмунский В. М. К проблеме социальной обусловленности языка / В. М. Жирмунский // Язык и общество. – М., 1968.

85. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен / И. Е. Забелин. – М. : Тип. Грачева и К., 1879. – Ч. 2. – 523 с.

86. Заблудовский П. Е. История медицины / П. Е. Заблудовский, Г. Р. Крючок, М. К. Кузьмин, М. М. Левит. – М. : Медицина, 1981. – 352 с.

87. Заговор // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина ; Институт научной информации по общественным наукам РАН. – СПб. : Интелвак, 2001. – С. 272-273. – 1596 с.

88. Загоровская О. В. Ещё раз о структуре значения словесного знака / О. В. Загоровская // Теоретические проблемы современного языкознания / под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. – Воронеж : Истоки, 2009. – С. 24-32.

89. Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии : монография / О. В. Загоровская. – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2011. – 383 с.

90. Загоровская О. В. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика : монография / О. В. Загоровская. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. – 255 с.

91. Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы

диалектной лексикографии / О. В. Загоровская ; Отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : ИРЯ, 1990. – 299 с.

92. Зайцева Е. Н. Народная медицина удмуртов в конце XIX – первой трети XX вв.: автореферат дис. ... канд. истор. наук / Е. Н. Зайцева / Удмурт, гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 18 с.

93. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. – 2-е изд. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.

94. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 336 с.

95. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1991. – 507 с.

96. Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации / Д. К. Зеленин. – М. : Книга по Требованию, 2014. – С. 2-4. – 560 с.

97. Зелинский Ф. Ю. О заговорах. История развитая заговора и главные его формальные черты / Ф. Ю. Зелинский // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков : Тип. губ. правл., 1897. – Вып. X. – С. 1-58. – 58 с.

98. Змеев Л. Ф. Русские учебники. Исследование в области нашей древней учебной письменности / Л. Ф. Змеев. – СПб. : Типография В. Демакова : Общество любителей древней письменности, 1895. – 274 с.

99. Иллич И. Границы медицины. Немезида медицины / Medical Nemesis (1975) / И. Иллич. – URL: <https://natashav.livejournal.com/312434.html>

100. Исаченко Т. А. Травник Николая Любчанина и его судьба на русской почве / Т. А. Исаченко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 3 (29). – С. 41-43.

101. Кагаров Е. В., Познанский Н. Заговоры / Е. В. Кагаров, Н. Познанский // РФВ. – 1917. – № 3/4. – С. 206-210.

102. Карабулатова И. С. Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики / И. С. Карабулатова. – Тюмень : Экспресс, 2005. – 366 с.

103. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности : Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики / Ю. Н. Караулов. – М. : Б. и., 1991. – 65 с.

104. Карский Е. Ф. К вопросу о об этнографической карте белорусского племени / Е. Ф. Карский // Известия АН. – Т. 7. – Кн. 3. – СПб., 1902.

105. Карданов М. Л. Анатомическая лексика кабардино-черкесского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Карданов. – Майкоп : Адыг. гос. ун-т, 2008. – 22 с.

106. Карский Е. Ф. К вопросу о народном говоре Брянского уезда Орловской губернии / Е. Ф. Карский // Новый сборник статей по славяноведению. – СПб., 1905. – С. 314-320.

107. Кляус В. Л. Публикация русских заговоров 1997-1998 гг. / В. Л. Кляус // Живая старина. – 1999. – № 1. – С. 54.

108. Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1982. – 160 с.

109. Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков. Номинация и словообразование / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. – 176 с.

110. Ковалев Г. Ф. Этнос и имя / Г. Ф. Ковалев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 236 с.

111. Коготкова Т. С. Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка / Т. С. Коготкова // Литературная норма и просторечие. – М. : Наука, 1977. – С. 58-76.

112. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология : Состояние и перспективы : дис. ... д-ра филол. наук / Т. С. Коготкова. – Москва, 1979. – 334 с.
113. Колесов В. В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. / В. В. Колесов // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. / отв. ред. А.А. Десницкая. – Л., 1984. – С. 183-185.
114. Колесов В. В. Слово и дело : из истории русских слов / В. В. Колесов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – 703 с.
115. Котелова Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 276 с.
116. Красильникова Е. В. Парадигматика / Е. В. Красильникова // Русский язык : энцикл. – М. : Больш. рос. энцикл., 2003. – С. 326.
117. Кремер Ф. Обычаи, поверья и предрассудки крестьян села Верхотишанки / Ф. Кремер // Памятная книжка Воронежской губернии на 1870-1871 г. – Воронеж : Губ. тип., 1871. – С. 274-305.
118. Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : автореф. дис ... канд. филол. наук / Ю. А. Кривошапова. – Екатеринбург : УрГУ, 2007. – 24 с.
119. Кристман В. И. Внутренние болезни / В. И. Кристман. – М. : Медицина, 1969. – 448 с.
120. Крушевский Н. В. Предмет, деление и метод науки о языке. Очерк науки о языке / Н. В. Крушевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Вып.1. – М. : ГИУПЛ, 1960. С. 252-258.
121. Крушевский Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии / Н.В. Крушевский. – Варшава : Варшавские университетские известия, 1876. – С. 23-67.

122. Крушевский Н. В. Очерки по языковедению. II. Антропофоника / Под ред. проф. В. А. Богородицкого // Русский филологический вестник. – Варшава : тип. Варшавск. учеб. окр., 1893.– Варшава, 1892. – 48 с.

123. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

124. Кублицкий А. Г. «Род един» – общее будущее / А. Г. Кублицкий. – Новозыбков; Брянск : Издательство БГУ, 2001. – 140 с.

125. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Кузнецов. – СПб., 2005. – 23 с.

126. Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. Понятие о диалектной микросистеме // Ф. П. Сороколетов. Избранные труды / О. Д. Кузнецова, Ф. П. Сороколетов ; Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед. – СПб. : Наука, 2011. – С.463- 471. – 477 с.

127. Курносова Е. М. Демонологическая лексика в произведениях Е. И. Замятина / Е. М. Курносова // Очерки лексикологии и лексемографии языка писателей Центрального Черноземья (А. И. Эртель, И. А. Бунин, Е. И. Замятин). – Елец, 2009. – С. 106-114.

128. Лазаревский А. Л. Описание старой Малороссии (Материалы для истории заселения, землевладения и управления). Полк Стародубский / А.Л. Лазаревский. – Белые Берега : Группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»), 2008. – 560 с.

129. Лексико-фразеологическая характеристика некоторых говоров Воронежской области // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж : ВГУ, 1964.

130. Лисицын Ю. П. История медицины / Ю. П. Лисицын. – М. : ГЭОТАР-МЕД, 2004. – 400 с.

131. Лихачев Д. С. Комментарии / Д. С. Лихачев // Повесть временных лет. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1996. – С. 545.

132. Лоскутова Д. Н. Лексика с семой *движение* в народной медицине Тамбовской области: этнолингвистический аспект / Д. Н. Лоскутова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе : сб. науч. тр. Вып. 4. / под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж, 2008. – С. 46-57.

133. Лоскутова Д. Н., Махрачева Т. В. О лексике народной медицины и одном эпизоде из биографии Г. Р. Державина / Д. Н. Лоскутова, Т. В. Махрачева // Духовные традиции русской культуры : история и современность (к 265-лет. со дня рожд. Г. Р. Державина) : коллект. монография / науч. ред. Н. Л. Потанина ; Федеральное агентство по образованию, Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Тамбовское обл. филологическое о-во. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2008. – 264 с.

134. Лоскутова Д. Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Н. Лоскутова. – Тамбов, 2010. – 22 с.

135. Лоскутова Д. Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области : дис. канд. ... филол. наук / Д. Н. Лоскутова. – Тамбов, 2010. – 339 с.

136. Лузик С. К. Отчий край. Документы и факты из истории Новозыбковского района / С. К. Лузик. – Новозыбков : Новозыбковская городская типография, 1992. – 256 с.

137. Лузик С. К. Звон памяти : художественно-публицистические заметки о земляках-новозыбковцах / С. К. Лузик. – Брянск : БГУ, 1993. – 125 с.

138. Лузик С. К. Родной Новозыбков. Документальная повесть о городе и его людях / С. К. Лузик. – Клинцы : Клинцовская городская типография, 1998. – 165 с.

139. Мадлевская Е. Л. Знахарь и знахарка / Е. Л. Мадлевская // Русская мифология. Энциклопедия. – М. : Мидгард, Эксмо, 2007. – 784 с.
140. Майков Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб. : тип. Майкова, 1869. – 164 с.
141. Майков Л. Великорусские заклинания / сост. Л. Майков. – М. : ТЕРРА, 1997. – 160 с.
142. Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии с приложением сборника медицинских средств той же волости / А. Макаренко // Живая старина. Выпуск I. – СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1897. – С. 57-100.
143. Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского уезда, Енисейской губернии с приложением сборника медицинских средств той же волости / А. Макаренко // Живая старина. – Вып. II. – СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1897. – С. 230-246.
144. Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии с приложением сборника медицинских средств той же волости / А. Макаренко // Живая старина. – Вып. III-IV. – СПб. : Тип. С.Н. Худекова, 1898. – С. 381-437.
145. Макаров В. И. А. А. Шахматов. Пособие для учащихся / В. И. Макаров. – М. : Просвещение, 1981. – 159 с.
146. Макаров В. И. Становление русской диалектологии как самостоятельной науки : дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Макаров. – Днепрпетровск, 1993. – 318 с.
147. Макаров В. И. Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) / В. И. Макаров // Отечественные лексикографы XX в. – М. : РАН, 1999. – С. 10-36.
148. Макаров В. И. А. А. Шахматов и белорусская филология / В.И. Макаров // Текст. Язык. Человек : сборник научных трудов : в 2 частях / Отв. ред. С. Б. Кураш, В. Ф. Русецкий. – Мозырь : Издательство МГПУ, 2009. – Ч.

1. – 226 с.

149. Макаров В. И. Формирование восточнославянской диалектологии как историко-лингвистической дисциплины во II-й половине XVIII – I-й половине XX вв. : монография / В. И. Макаров. – Брянск : РИО БГУ, 2015. – 389 с.

150. Макаров В. И. Развитие интереса учащихся к традициям отечественной духовной культуры : коллективная монография. – 2-е изд., стер. / В. И. Макаров, Л. В. Амелина, Ю. В. Милютина, И. В. Пенюкова, С. Н. Филатова ; науч. ред. В. И. Макаров. – М. : Флинта, 2019. – 400 с.

151. Маковский М. М. Болезнь // Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев / М. М. Маковский. – М. : URSS, 2005. – 280 с.

152. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М. М. Маковский. – М. : URSS, 2005. – 200 с.

153. Малиновский Л. Заговоры и слова, по рукописи XVIII века / Л. Малиновский // Олонецкий сборник : Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. – Петрозаводск, 1875-1876. – Вып. 1. – С. 69-92.

154. Мальцев Г. И. Народно-медицинские знания коми-пермяков : средства растительного происхождения / Г. И. Мальцев. – Кудымкар, 2001. – 125 с.

155. Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах / В. Мансикка. – СПб. : тип. М-ва пут. сообщ. (т-ва И.Н. Кушнерев и К°), 1909. – 28 с.

156. Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии / В. Мансикка // *Sborník filologický* (III. Trída České akademie ved a umení). Praha, 1926. Sv. 8, s. 1. – С. 185-233.

157. Маркова Е. М. Основные тенденции в лексике современных

славянских языков / Е. М. Маркова // Доклады V Международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». – Варшава, 2012. – С. 899-904.

158. Материалы для изучения великорусских говоров. – Вып. GX. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1910. – 272 с.

159. Махрачева Т. В. Лексика и структура погребально-поминального обрядового текста в говорах Тамбовской области : автореф. дис .... канд. филол. наук / Т. В. Махрачева. – Тамбов : ТамГУ, 1997. – 25 с.

160. Махрачева Т. В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект) : монография / Т. В. Махрачева. – Тамбов : Изд-во Першина Р. В., 2008. – 230 с.

161. Машурко М. Г. Из области народной фантазии и быта / М. Г. Машурко // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. XXXII. – Тифлис, 1903. – С. 63–88

162. Меркулова В. А. Народные названия болезней, I (На материале русского языка) / В. А. Меркулова // Этимология. – М. : Наука, 1969. – С. 158-172.

163. Меркулова В. А. Народные названия болезней, III (На материале русского языка) / В. А. Меркулова // Древнерусский язык. Лексикология и лексикография: сб. науч. ст. / Отв. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Наука, 1980. – С. 168-185.

164. Минкевич И. А. Инфекционные болезни / И. А. Минкевич. – М. : Медгиз, 1950. – 380 с.

165. Михель Д. В. Джордж Фостер как пионер медицинской антропологии: к столетию со дня рождения (1913-2006) / Д. В. Михель // Медицинская антропология и биоэтика. – 2013. – № 1 (5). – С.13.

166. Мультиановский М. П. История медицины: учеб. для студентов

мед. ин-тов / М. П. Мультановский. – М. : «Государственное издательство медицинской литературы», 1981. – 348 с.

167. Начкебия С. М. Лексика народной медицины в абхазском языке : дис. ... канд. филол. наук / С. М. Начкебия / АИГИ им. Д. И. ГУЛИА. – Сухум, 2013. – 248 с.

168. Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле. – М. : Алетейа, 2001. – 592 с.

169. Никонова Л. И. Традиционная медицина в народной культуре славян / Л. И. Никонова // Русский вопрос : история и современность : материалы VI Международной научно-практической конференции / Отв. ред. М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова. – Омск : Изд. дом «Наука», 2007. – С. 363-367.

170. Никончук М., Никончук О., Мойшенко В. Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. / М. Никончук, О. Никончук, В.Мойшина / Український Діалектологічний центр Житомирського державного педагогічного університету імені Івана Франка. – Житомир, 2001. – 148 с.

171. Новиков Л. А. Семантика русского языка : учебное пособие для филологических специальностей университетов / Л. А. Новиков. – М. : Высшая школа, 1982. – 272 с.

172. Новиков Л. А. Семантическое поле как лексическая категория / Л. А. Новиков // Теория поля в современном языкознании : тез. докл. – Уфа : БГУ, 1991. – Ч.1. – С. 11-16.

173. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1973. – 318 с.

174. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : Учеб. пособие для филол. фак. пед. ин-тов / С. И. Ожегов. – М. : Высш. школа, 1974. – 350 с.

175. Олещук Т. В. Медицинская лексика в древнерусском книжно-письменном языке : наименования болезней и болезненных состояний : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Олещук. – Киев, 1983. – 227 с
176. Осовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Осовецкий. – М. : Наука, 1982. – С. 49.
177. Павлов И. П. Полное собрание сочинений / И. П. Павлов. – изд. 2-е, доп. – М. : Изд-во АН СССР, 1951 - 1954 Т. 3, кн. 2. – 1951. – 439 с.
178. Пашкова Т. В. Народные названия болезней в карельском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Пашкова / Петрозаводский государственный университет. – Петрозаводск, 2008. – 19 с.
179. Пенюкова И. В. Лексика народной медицины как отражение народного мировосприятия / И. В. Пенюкова // Русский язык и духовная культура : Материалы научно-практической конференции 26 марта 2008 года/ Отв. редактор Геращенко И. А. – Брянск : БГУ им. акад. И.Г.Петровского, 2008. – С. 115-120.
180. Пенюкова И. В. Из наблюдений над семантическими процессами в лексике народной медицины говоров Юго-Западной Брянщины / И. В. Пенюкова // Вестник Брянского государственного университета. Сер. История. Литературоведение. Право. Языкознание. – Брянск : БГУ, 2008. – Вып. № 2. – С. 167-174.
181. Пенюкова И. В. Общность и взаимовлияние языков и культур в сфере народной медицины (на материале говоров юго-западной Брянщины) / И. В. Пенюкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : Материалы V Международной научно-практической конференции / Отв. редактор А. Д. Черенкова. – Воронеж : ВГПУ, 2009. – С. 227-235.
182. Пенюкова И. В. Русско-латинские языковые параллели в лексике медицины брянских говоров / И. В. Пенюкова // Актуальные проблемы

современного научного знания : Материалы III международной научной конференции; Под общ. ред. Н. А. Стодильской. – Пятигорск : Пятигорская государственная фармацевтическая академия, 2010. – С. 274-281.

183. Пенюкова И. В. Медицинская терминология и народная медицинская лексика говоров Брянщины (в её связи с культурой и языками инославянских народов) / И. В. Пенюкова // Речь Брянщины в контексте восточнославянских языковых связей : коллективная монография / Т. Д. Распопова, В. И. Макаров, В. Н. Бережняк, Н. И. Курганская, О. В. Седойкина, И. В. Пенюкова; Под ред. В. И. Макарова, Т. А. Распоповой : М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Брянский гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского». – Брянск : Курсив : БГУ, 2010. – 215 с. – С.163-199.

184. Пенюкова И. В. Явление табуирования в диалектном мышлении и народной речи / И. В. Пенюкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М. : РУДН, 2010. – Вып. № 2. – С. 95-101.

185. Пенюкова И. В. Этнографический и этнолингвистический аспект изучения медицинской лексики говоров юго-западной Брянщины / И. В. Пенюкова // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии : Сборник научных статей. – Брянск : «Издательство Курсив», 2011. – С. 194-205.

186. Пенюкова И. В. К вопросу о сходных семантических процессах в генезисе и эволюции медицинской лексики индоевропейских языков (на материале говоров Брянщины) / И. В. Пенюкова // Славянская культура в истории и современном мире : Материалы Международной научно-практической конференции «Древнеславянское наследие и культура в современном мире». – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2011. – С. 92-96.

187. Пенюкова И. В. Этнографическая составляющая народной

медицинской лексики / И. В. Пенюкова // Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини : збірник наукових робіт / общ. ред. Л. М. Полюга. – Умань : ВПЦ «Візаві», 2011. – Вып. 1. – С. 268-278.

188. Пенюкова И. В. Взаимосвязь языков и культур русского и украинского народа (на материале медицинской лексики говоров западной Брянщины) / И. В. Пенюкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – М. : РУДН, 2011. – Вып. № 1. – С. 108-113.

189. Пенюкова И. В. Этнокультурные факторы формирования диалектной медицинской лексики в территориальном говоре (на материале говоров юго-западной Брянщины) / И. В. Пенюкова // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников : Материалы IX Международной научно-методической конференции / ред. колл. проф. О. В. Загорювская [и др.]. – Воронеж : ВГПУ, 2012. – С. 59-64.

190. Пенюкова И. В. Этнография и этнолингвистика народной медицины западной Брянщины в контексте соответственных представлений других народов / И. В. Пенюкова // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья : Материалы международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25-26 октября 2016 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Новозыбков: ООО «Новозыбковская типография», 2016. – С. 202-210.

191. Пенюкова И. В. Языковые параллели лексики официальной медицины и народной медицинской лексики говоров юго-запада Брянщины / И. В. Пенюкова // Актуальные проблемы российской провинции : вызовы современности : Материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 10-11 октября 2017 г.) / Под ред. В. В.

Мищенко, Т. А. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, С. Н. Стародубец, А. В. Шлома, Е. Н. Шубабко. – Брянск : ООО «АВЕРС» 2017. – С. 192-200.

192. Пенюкова И. В. Народная медицинская лексика как фактор формирования общечеловеческой культуры (на материале диалектизмов западной Брянщины) / И. В. Пенюкова // Теория и практика инновационных технологий в АПК : Материалы научной и учебно-методической конференции научно-педагогических работников и аспирантов ВГАУ / Под общ. ред. В. Н. Плаксина. – Воронеж, 2018. – С. 100-110. – 359 с.

193. Пенюкова И. В. Развитие интереса учащихся к традициям отечественной духовной культуры : коллективная монография / В. И. Макаров, Л. В. Амелина, Ю. В. Милютин, И. В. Пенюкова, С. Н. Филатова / науч. ред. В.И. Макаров. – М.: Флинта, 2018. – 399 с.

194. Пенюкова И. В. Взаимодействие частной диалектной системы и профессиональной терминологии (на материале медицинского лексикона говоров юго-западной Брянщины) / И. В. Пенюкова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : Материалы X Международной научной конференции; науч. ред. А. Д. Черенкова. – Воронеж, 2019. – С. 145-152.

195. Пенюкова И. В. Отражение национально-культурных традиций русского народа в медицинской лексике говоров юго-западной Брянщины / И. В. Пенюкова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – Воронеж : ВГПУ, 2019. – Вып. № 4 (285). – С. 198-202.

196. Пенюкова И. В. Взаимосвязь языка и национальной духовной культуры русского народа в медицинской лексике говоров юго-западной Брянщины / И. В. Пенюкова // Россия и славянские народы в XIX-XXI вв. : Материалы международной научной конференции. – Брянск, 2020. – С. 236-243.

197. Пенюкова И.В. Процесс становления медицинской лексики в контексте развития народной истории и культуры (на материале говоров юго-западной Брянщины) / И. В. Пенюкова // Теория и практика инновационных технологий в АПК : Материалы научной и учебно-методической конференции научно-педагогических работников и аспирантов ВГАУ / Под общ. ред. В. Н. Плаксина. – Воронеж, 2020. – С. 243-248.

198. Петров В. П. Заговоры / Публикация А. Н. Мартыновой/ В. П. Петров// Из истории русской советской фольклористики.– Л., 1981.– С. 83-84.

199. Пищулина О. Ю. Лексика елецкого кружевоплетения в контексте общерусской специальной терминологии : монография / О. Ю. Пищулина ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. – Елец : Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2004. – 139 с.

200. Поздеева С. М. Лингвосемиотические связи в диалектной лексической системе (на материале экзистенциальной лексики пермских народных говоров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. М. Поздеева. – Пермь : ПермГУ, 2005. – 19 с.

201. Померанцева Э. В. Заговор / Э. В. Померанцев // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Сов. энцикл., 1964. – Т. 2. – С. 971-972.

202. Поливанов Е. Д. Где же лежат причины языковой эволюции? // За марксистское языкознание. Федерация 1931: Сб. популяр. лингвист. ст. / Е. Д. Поливанов. – Смоленск : СГПУ, 2003. – 236 с.

203. Поливанов Е. Д. Историческое языкознание и языковая политика // За марксистское языкознание. Федерация 1931: Сб. популяр. лингвист. ст. / Е. Д. Поливанов ; Под общ. ред. И. А. Королевой. – Смоленск : СГПУ, 2003.– С. 3-184. – 236 с. – (Переизданные работы 1931 г. с предисл. и коммент.).

204.Поликарпов Ф.И. Бытовые черты из жизни крестьян села Истобно, Нижнедевицкого уезда, Воронеж. губ. / Ф. И. Поликарпов

// Памятная книжка Воронежской губернии. 1906 год. – Воронеж, 1906. – Отд. III. – С. 1-30.

205. Поликарпов Ф. И. Материалы для изучения южновеликорусских говоров. Нижнедевицкий словарь / Ф. И. Поликарпов // Филологические записки V. – Воронеж, 1911. – С. 764-776.

206. Поликарпов Ф. И. Материалы для изучения южновеликорусских говоров / Ф. И. Поликарпов // Филологические Записки III. – Воронеж, 1912. – С. 473-478.

207. Попова З. Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения) : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1984. – 148 с.

208. Портер Р. Краткая история безумия / Р. Портер. – Москва : АСТ : Астрель, 2009. – с. 221

209. Потебня А. А. Малорусская народная песня по списку XVI в. : Текст и примечания / А. А. Потебня. – Воронеж : Издатель: «В. И. Исаев», 1877. – 57 с.

210. Потебня А. А. Отзыв о сочинении А. Соболевского «Очерки из истории русского языка». – Ч. 1. – Киев, 1884 г. / А. А. Потебня // Известия ОРЯС. – 1896. – Т. 1. – Кн.4. – СанктПетербург : Типография Императорской Академии наук, 1896. – С. 804-831.

211. Потебня А. А. Вступительная лекция к исторической грамматике русского языка / А. А. Потебня // О. О. Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. – Київ : Мовознавство, 1962. – С. 57-94.

212. Потебня А. А. Общий литературный язык и местные наречия / А. А. Потебня // О. О.Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. – Київ : Мовознавство, 1962. – С. 63-77.

213. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 480 с.

214. Потебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий / А. А. Потебня. – М. : Унив. тип., 1865. – 310 с.
215. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня. – Харьков : В Университетской типографии, 1860. – 155 с.
216. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М. : Правда, 1989. – 622 с.
217. Потебня А. А. Общий литературный язык и местные наречия / А.А. Потебня // О. О. Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. – Київ, 1962. – С. 63-77.
218. Праведников С. П. Основы фольклорной диалектологии / С. П. Праведников. – Курск : Изд-во Курского государственного университета, 2010. – 230 с.
219. Праведников С. П. О территориальной дифференциации устно-поэтической речи (из истории изучения фольклорных диалектов) / С. П. Праведников // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2010. – Т. 69. – № 3. – С. 30-36.
220. Праведников С. П. Пути возникновения в языке фольклора различий территориального характера / С. П. Праведников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 1. – С. 35-38.
221. Пьянкова К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции (этнолингвистический аспект) : автореферат дис. ... канд. филол. наук / К. В. Пьянкова. – Екатеринбург: УрГУ, 2008. – 23 с.
222. Раденкович Л. Голос в народных заговорах южных славян / Л. Раденкович // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М. : Индрик, 1999. – С. 200-209.

223. Райт Гарри «Свидетель колдовства» (Harry B. Wright «Witness to Witchcraft», 1957) / Г. Райт. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 208 с..
224. Резцов В. В. Регулярная полисемия диалектного глагола и ее типы/ В. В. Резцов // Диалектное слово в лексико-системном аспекте : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Козырев. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989. – С. 74-87.
225. Рихтер В. М. История медицины в России / В. М. Рихтер. – М. : Унив. тип., 1814. – Ч. 1. – XX. – 440 с.
226. Рудаков В. Е. Заговор, в бытовом и поэтическом отношениях / В.Е. Рудаков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. – Т. 82, 4 доп. – СПб., 1890-1907.
227. Руделев В. Г. Русские вокалические системы / В. Г. Руделев. – Тамбов : ТГПИ, 1976. – 76 с.
228. Руделев В. Г., Руделева О. А. Вначале было слово / В. Г. Руделев, О. А. Руделева. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 1995. – 176 с.
229. Рудинский Н. Знахарство в Скопинском и Данковском уездах Рязанской губернии / Н. Рудинский // Живая старина. – Вып. II. – СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1896. - С. 169-201.
230. Русская диалектология / под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1964. – 306 с.
231. Русская диалектология : Учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др.; под ред. Л. Л. Касаткина. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1989. – 224 с.
232. Русская диалектология : Учебник для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений/Под ред. Л. Л. Касаткина. – М. : ИЦ Академия, 2005. – 288 с.
233. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953 - 1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. – М. : Изд-во МГУ,

1998. – 480 с.

234. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX века / Сост., подг. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Индрик, 2010. – 832 с.

235. Русские и народные говоры : история и современное состояние: Тез. докл. межвуз. науч. конф., посвящ. памяти В. П. Строговой. 26-28 нояб. 1997 г. – Новгород : Из-во Великий Новгород, 1997. – 104 с.

236. Русские обычаи, обряды, предания и суеверия / Сост. А. В. Копылова. – М. : РИПОЛ классик, 2003. – 384 с.

237. Сахаров А. И. Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии / А. И. Сахаров. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1900. – 48 с.

238. Седакова И. А. Крик в поверьях и обрядах, связанных с рождением и развитием ребенка / И. А. Седакова // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян : сб. науч. ст. / Отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 1999. – С. 105-122.

239. Селиванов А. Этнографические очерки Воронежской губернии. О народных болезнях и их суеверном лечении / А. Селиванов // Воронежские губернские ведомости. – 10 ноября. – 1862. – № 45. – С. 488-489.

240. Семенов А. И. Областные слова Моршанского уезда, Тамбовской губернии. Волость Раевская / А. И. Семенов // Родная речь. Двухнедельный журнал. – № 18. – 30 сентября 1897 года. – М., 1897. – С. 70-72.

241. Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России / Е. Б. Смилянская / Отв. ред. А. Л. Топорков. – М. : Индрик, 2003. – 464 с.

242. Смирницкий А. И. Объективность существования языка : Материалы к курсам языкознания / А. И. Смирницкий; под общ. ред. В. А. Звегинцева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 34 с.

243. Соболевский А. И. А. Шахматов. Исследование в области русской фонетики. (Оттиск из Русского филол. вестника). – Варшава, 1893 / А. И. Соболевский // Журнал М-ва народного просвещения. – СПб : тип. Имп. Акад. наук, 1894. – С. 421-434.

244. Соболевский А.И. Мелочи/А. И. Соболевский //Труды по истории русского языка.– Т.2. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 688 с.

245. Соколов В. И. Материалы для истории старинной русской лечебной литературы / В. И. Соколов // Варшавские Университетские Известия. – 1872. – Кн. VI. – С. 79-81.

246. Сорокина Т. С. История медицины / Т. С. Сорокина. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 560 с.

247. Сороколетов Ф. П. Очерки по русской диалектной лексикографии / Ф. П. Сороколетов, О. Д. Кузнецова. – Л. : Наука, 1987. – 231 с.

248. Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика как система / Ф. П. Сороколетов // Сороколетов Федор Павлович (1924-2008). Избранные труды; Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед. – СПб : Наука, 2011. – С. 191-2001. - 477 с.

249. Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка / И. И. Срезневский // Вестник Императорского русского географического общества. – Ч. I. – Кн. I – 2, отд. 5. – СПб., 1851.

250. Срезневский И. И. Материалы к истории древнерусского языка : В 3-х томах / И. И. Срезневский. – М. : ГИИС, 1958. – Т. 1-3.

251. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. Курс, 1849-1850 года / И. И. Срезневский. – М., 1959. – С. 80-82, 95-122.

252. Сулименко Н. Е. Современный русский язык : слово в курсе лексикологии : учеб. пособие / Н. Е. Сулименко. – М. : Наука: Флинта, 2006. – 351 с.

253. Терехова В. С. Лексика народной медицины : (По

материалам лечебников XVII-XVIII вв.) : автореф. дис. ... канд. философских наук / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. Кафедра рус. яз. – Л. : Б. и., 1965. – 20 с.

254. Терешина Л. А. Обрядовая лексика в брянских говорах / Л. А. Терешина // Брянские говоры. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1968. – С. 114-131.

255. Тиханов П. Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии / П. Н. Тиханов. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1904. – 263 с.

256. Токарев С. А. История русской этнографии : дооктябрьский период / С. А. Токарев ; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1966. – 452 с.

257. Топоров В. Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М. : Наука, 1993. – 240 с.

258. Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей : Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В. Н. Топоров. – Москва : Наука, 1974. – 342 с.

259. Топорова В. Н. Язык и стиль древнегерманских заговоров / В. Н. Топорова. – М.: Эдиториал УРСС , 1996. – 216 с.

260. Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века / А. Л. Топорков. – Москва : Индрик, 1997. – 456 с.

261. Турилова М. В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Турилова. – М. : МГУ, 2010. – 23 с.

262. Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян / В. В. Усачева. – М. : Институт славяноведения РАН, 2008. – 368 с.

263. Файчук Т. Г. Біологічна та медична лексика у лікарських порадниках XVI-XVIII ст. : дис... канд. філол. наук / Т. Г. Файчук / НАН

України; Інститут мовознавства ім. О.О.Потебні. – Київ, 2004. – 20 с.

264. Филин Ф. П. О составлении диалектологических словарей славянских языков / Ф. П. Филин // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1963. – С. 318-346

265. Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : Историко-диалектологический очерк / Ф. П. Филин ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 655 с.

266. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка / Ф.П. Филин // Вопросы языкознания. – 1973. – № 2. – С.3-12.

267. Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр ; Пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.

268. Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия / В. М. Флоринский.– Казань : Тип. Имп. ун-та, 1880. – XVIII. – 229 с.

269. Фольклор Судогодского края / Под общей редакцией А. С. Каргина. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2001. – 336 с.

270. Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье / Подгот. текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан. – Петрозаводск : Гос. издат. Карело-Финской ССР, 1948. – 92 с.

271. Фудзивара Д. «Настоящее» и «ненастоящее» в русской магической традиции : Пересмотр фольклорной практики / Д. Фудзивара // Живая старина. – 2004. – № 2 (42). – С. 16-22.

272. Фуко М. Рождение клиники. Археология врачебного взгляда / М. Фуко. – М. : Смысл, 1998. – 310 с.

273. Харитоновна В. И. Заговорно-заклинательный акт в народной

культуре восточных славян / В. И. Харитонова // Этнографическое обозрение. – М., 1993. – Вып. № 4. – С. 91-106.

274. Черенкова А. Д. Исторический комментарий к современному русскому языку : учеб. пособие для студентов филол. фак. / А. Д. Черенкова. – Воронеж, 2005. – Ч. 1. – 156 с.

275. Черенкова А. Д. Признаки речевой активности (на материале беседы со 100-летним информантом) / А. Д. Черенкова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб, 2012. – С. 282-288.

276. Черенкова А. Д. Русская диалектология : лекции и практические занятия : учеб. пособие для студентов гуманитарного факультета 3 курса дневной и заочной форм обучения, профиль «Русский язык», «Литература» / А. Д. Черенкова. – Воронеж, 2014. – 268 с.

277. Чмыхова Н. М. А. А. Шахматов как лексикограф : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Чмыхова. Куйбышевский гос. пед. ин-т им. В. В. Куйбышева. – Балашов : Б. И., 1960. – 14 с.

278. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Издательство Московского университета, 1968. – 310 с.

279. Шарапов В. Э. Традиционное мировоззрение в обрядах и фольклоре современных коми : автореферат дис. ... канд. истор. наук. / В. Э. Шарапов / Удмуртский гос. университет. – Ижевск, 2006. – 25 с.

280. Шаульский Е. В., Князев С. В. Русская диалектология / Е. В. Шаульский, С. В. Князев. – М. : Моск. гос. ун-т им М. В. Ломоносова, 2005. – 283 с.

281. Шахматов А. А. Исследование о новгородских грамотах 13 и 14 века / А. А. Шахматов. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1886. – С. 131-186. – 285 с.

282. Шахматов А. А. Четыре речи о Ф.И.Буслаеве / А. А. Шахматов. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1898. – 39 с.

283. Шахматов А. А. «Historicá mluvnicе jazyka českého.Napsal Jan Gtbauer v Praze a ve Vidni. 894» / А. А. Шахматов // Известия ИАН, V, т. IX, № 4. 1898. – С. 21- 36.

284. Шахматов А. А. До питання про початок української мови. Кілька слов на нову працю з граматики українського язика / А. А. Шахматов // «Украина», 1914, №1. – С. 186-194.

285. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка / А. А. Шахматов. – Москва : Учпедгиз, 1941. – 288 с.

286. Шелов С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С. Д. Шелов. – СПб.: филол. фак. СПбГУ, 2003. – 280 с.

287. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М. : URSS, 2007. – 278 с.

288. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

289. Щербакова Н. Н. Специфика организации народной терминологической системы / Н. Н. Щербакова // Филологический класс. – М., 2013. – Вып. № 2 (32). – С. 19-22.

290. Юдин А. В. Русская народная духовная культура : учеб. пособие для студентов вузов / А. В. Юдин. – М. : Высш. шк., 2006. – 400 с.

291. Яхьяева З.И. История народной медицины чеченцев и ингушей (XVIII-XX в.) : автореферат дис. ... канд. мед. наук / З. И. Яхьяева / Чеченский гос. ун-т. – М., 2007. – 24 с.

Приложение 1.

Список информантов и мест их проживания

г. Новозыбков

Кирьяненко Иван Павлович (76 лет)
 Миненко Александр Иванович (81 год)
 Кирьяненко Евгения Григорьевна (73 года)
 Шевцова Людмила Анатольевна (58 лет)
 Шевцов Вячеслав Григорьевич (62 года)
 Выкачко Владимир Степанович (47 лет)
 Цупикова Нина Сергеевна (68 лет)
 Цупиков Сергей Владимирович (53 года)
 Бурдыко Тамара Александровна (84 года)
 Бурдыко Сергей Андреевич (55 лет)
 Ильина Евгения Александровна (77 лет)
 Миненко Мария Ивановна (61 год)
 Легкова Галина Ивановна (56 лет)
 Косарина Полина Ивановна (56 лет)
 Поздняков Валентин Николаевич (69 лет)
 Беспалова Вера Сергеевна (61 год)
 Батурский Иван Яковлевич (69 лет)
 Кирьяненко Виктор Григорьевич (61 год)
 Кирьяненко Василий Григорьевич (58 лет)
 Мейкуп Елизавета Иосифовна (59 лет)
 Миненко Валентина Константиновна (64 года)
 Миненко Владимир Иванович (67 лет)
 Желудь Надежда Сергеевна (68 лет)
 Польникова Юлия Александровна (34 года)
 Пивоварова Инна Ивановна (49 лет)
 Пивоварова Марина Викторовна (24 года)
 Носова Елена Васильевна (47 лет)
 Миненко Сергей Васильевич (43 года)
 Балахонова Елена Алексеевна (62 года)
 Ковалева Татьяна Ивановна (50 лет)
 Гладышева Надежда Михайловна (64 года)
 Налетова Татьяна Вячеславовна (48 лет)
 Кулахко Ирина Евгеньевна (60 лет)
 Бегунова Ольга Ивановна (52 года)
 Тарасевич Татьяна Николаевна (56 лет)

с. Вихолка

Пастушенко Нина Ивановна (84 года)
 Горохова Светлана Ивановна

с. Величка

Шапотько Таисья Ильинична (78 лет)
 Адаменко Валентина Васильевна (66 лет)

с. Верещаки

Кусая Мария Ивановна (72 года)
 Пугачева Нина Павловна (82 года)
 Ковалева Нина Николаевна (85 лет)
 Перга Мария Павловна (83 года)
 Спека Петр Васильевич (72 года)
 Улесько Нина Яковлевна (75 лет)
 Дребезгина Нина Васильевна (73 года)
 Пугачева Мария Федоровна (75 лет)
 Шавкун Любовь Михайловна (73 года)
 Шавкун Василий Петрович (77 лет)
 Кудинова Вера Александровна (72 года)
 Пугачев Михаил Иванович (70 лет)
 Иванишко Иван Иванович (76 лет)
 Шенкаренко Виктор Александрович (50 лет)

с. Замишево

Васнецова Любовь Михайловна (74 года)
 Куприенко Валентина Дмитриевна (73 года)
 Шкрабова Варвара Степановна (88 лет)
 Садыкова Елена Михайловна (56 лет)
 Адаменко Михаил Иванович (62 года)

с. Катичи

Аксененко Валентина Петровна (68 лет)
 Цупиева Нина Ивановна (73 года)
 Калоша Надежда Никитина (81 год)

с. Лужки

Торбик Мария Михайловна (68 лет)

с. Нововые Бобовичи

Мишина Наталья Ивановна (82 года)
 Ершова Светлана Егоровна (38 лет)
 Павлова Татьяна Владимировна (54 года)

с. Новое Место

Кирияненко Яков Степанович (82 года)
 Кирияненко Матрена Степановна (80 лет)
 Кирияненко Клавдия Степановна (78 лет)
 Кирияненко Василий Александрович (72 года)
 Анищенко Ирина Гавриловна (89 лет)
 Анищенко Анатолий Петрович (78 лет)
 Красногорский Иван Иванович (74 года)
 Красногорская Нина Ивановна (52 года)
 Красногорская Любовь Степановна (73 года)
 Красногорский Владимир Иванович (46 лет)
 Лозинская Зоя Иосифовна (55 лет)
 Выкачко Клавдия Николаевна (67 лет)

Польшникова Галина Николаевна (55 лет)
 Мищенко Василий Николаевич (68 лет)
 Миненко Василий Алексеевич (71 год)
 Пастухова Людмила Симоновна (72 года)
 Мищенко Сергей Петрович (57 лет)
 Мищенко Александра Александровна (56 лет)
 Пастухов Николай Николаевич (55 лет)
 Остроглазова Людмила Александровна (52 года)
 Селиванова Антонина Александровна (53 года)
 Смолякова Нина Федоровна (70 лет)
 Анищенко Людмила Ивановна (52 года)
 Польшников Виктор Николаевич (56 лет)
 Крякушина Наталья Андреевна (57 лет)
 Матреничева Нина Ивановна (54 года)

с. Рудня

Парлюк Наталья Николаевна (42 года)
 Швыдков Игорь Николаевич (38 лет)
 Швыдков Анатолий Николаевич (36 лет)

с. Старые Бобовичи

Ханаева Варвара Даниловна (71 год)
 Ковалева Ирина Тимофеевна (93 года, 1917 г.р.)
 Кирьянова Мария Павловна (106 лет)

с. Тростань

Клюева Нина Павловна (89 лет)
 Гурова Алла Ивановна (79 лет)
 Марченко Виктория Викторовна (25 лет)
 Мищенко Виктор Тихонович (62 года)

с. Шеломы

Панова Мария Артемьевна (67 лет)
 Носова Нина Артемьевна (89 лет)
 Заворотнова Евгения Фоковна (83 года)
 Поддубная Пелегея Мартыновна (74 года)
 Потапенко Мария Ивановна (82 года)
 Вастюгина Евдокия Фроловна (83 года)
 Ищенко Петр Иосифович (62 года)

п. Большое Полпино

Вицентий Раиса Сергеевна (58 лет)
 Вицентий Евгений Владимирович (26 лет)
 Вицентий Елена Владимировна (39 лет)
 Жирятинская Елизавета Фроловна (96 лет)
 Макеев Касьян Иванович (89 лет)
 Макеева Екатерина Дмитриевна (78 лет)
 Пунтус Людмила Владимировна (55 лет)

Приложение 2.

Список слов, рассмотренных в диссертации

А

аклемáться – 35
ампендици́т – 140. 182, 204, 217. 222
ампетици́т – 75,140, 182, 202, 222
Анто́нов огóнь – 35, 96, 128, 148, 149, 150, 159 -161, 205, 220
апендю́к – 38, 1139, 40, 141, 142. 182, 204, 217, 222
ачáвреть – 34, 76, 96, 140, 148, 163,
очáвривать – 96, 107

Б

балéсть – 77, 92, 163
ба́лий – 42
баля́чка – 88
ба́пка/ба́бка – 38, 68, 87, 95, 97, 98, 106, 108, 119, 160, 175, 191, 194. 197
ба́тько – 119
ба́чить – 165
ба́ять – 42
беркуле́з – 139, 140, 164, 165, 204, 207, 217, 220
богда́ночка – 77
боля́ток – 177
бо́лька – 68
боля́чка – 172, 177
борода́вка – 121
близа́рук – 76
бу́бка (бу́бочка) – 163, 170 - 172

бубо́н – 49
бугóрчатая чахо́тка – 165
бугри́стый – 171
бугрови́на – 171
бугóр – 170, 172, 223
бугорча́тка – 164, 207, 217, 220
бура́к – 30, 77

В

ва́вка – 68
вда́рить – 114
веду́нья – 78, 88
ве́дьма – 78, 87, 88, 95, 200
ве́ред – 144, 223
вередá – 174
вереди́ть – 173, 174
вередова́ть – 173
вереже́ный – 173
веселу́ха – 58
во́гник (о́гник) – 68, 123, 124, 126, 139, 145, 146, 149, 150, 161, 159, 160, 161, 170, 172, 173, 176, 177, 200, 204, 221
вого́нь – 161
водя́нка – 69, 126, 149, 221, 206
во́жджи – 75
во́лос – 126, 124, 133, 139, 140, 141, 143, 149, 150, 151, 153, 154, 156, 159, 204, 206,220, 221.223
волосáтик – 153, 188, 221
волосéнь 1-39, 91, 95,97, 125, 146, 148, 150.151, 154, 159. 204, 205, 220, 221, 223

- волосэнь подуманный – 91
 волосэнь поглядный – 91
 волосэнь урочный – 91
 волосэнь улёчный – 91
 волосэнь ветровый - 01
 волосэнь домовой – 91
 волосэнь волосовой – 91
 волосец – 153, 154, 188, 221
 волосник – 153, 154, 188
 волосок – 151, 156, 153, 157
 волосница – 157
 волхвить – 126
 волк бельмач – 48
 волчек – 96, 126, 149, 221
 волчки – 179
 вочи – 87, 92
 встать – 148
 выговаривать – 90, 148
 вышептывать – 87, 156, 160,
 202
 вышаптывать – 90, 91
 веред – 172-174, 176, 177, 221
 вымвлиять - 89
 высылать – 89
 вичитать – 200
 Г
 горб – 49, 99
 горячка – 126
 грызлы – 68,
 глузд – 68
 гнильник – 140, 144, 172.173,
 175
 гниляк – 175
 гноед 126, 129, 130, 139, 141,
 142, 150, 151, 157, 157, 159 185,
 187,188, 203
 гноерод – 129, 130,187
 гноесть – 157
 грубка – 77
 горячка – 165
 грудница – 125, 148
 грыжа – 49, 61, 68, 87, 89, 95,
 108, 139,180, 181
 грыжа болючая – 89
 грыжа вонючая – 89
 грыжа головная – 89
 грыжа горловая – 89
 грыжа грузючая – 89
 грыжа житейская – 89
 грыжа злая – 89
 грыжа колючая – 89
 грыжа костева – 89
 грыжа мозговая – 89
 грыжа пахлючая – 89
 грыжа паховая - 89
 грыжа подъемная – 89
 грыжа потешная - 89
 грыжа потолочная – 89
 грыжа полунутренняя – 89
 грыжа приговорная – 89
 грыжа пупочная – 181
 грыжа сердцева – 89
 грыжа томлючая – 89
 грыжа урочная – 89
 грыжа утренняя – 89
 грыжка – 182

грызі́це - 90
 гры́зень - 57
 гры́зь - 57, 68, 87, 149,
 180-182
 гры́зя - 89, 133, 180, 181
 гу́ля - 139, 180, 182
 гуля́ть - 77, 182
 гу́шча - 76

Д

дед - 98
 де́лать/сде́лать - 198
 да́ть ра́ды - 151, 173, 177
 де́тская бессо́нница - 61

Ж

жа́ба - 40, 124, 126
 желва́к - 49
 желе́зо - 162-164

З

заговáривать - 91
 за́говор - 87
 заговóр - 92
 загне́тка - 77
 закве́еть - 35, 148
 заногóтница - 156
 запалі́ть \ палі́ть - 106
 запо́на - 67
 засыла́ть - 91
 затворя́ть - 75
 зачина́ть - 75, 105
 за́чисть - 142

збуді́ть - 93
 змеевёц - 151, 157, 188
 зна́харка - 78, 88, 194
 знаха́рка - 78, 88
 золоту́ха - 172, 191
 золотні́к - 90, 190, 191, 194,
 195
 злотиню́тка - 191
 зоряні́ца - 90, 91

И

исгла́з \ сглаз - 197
 изличі́тель - 92
 і́нсульт - 78, 139, 166, 167
 140, 158

К

казáть - 119
 карбунку́л - 140
 карбу́нкул - 172, 173, 175, 176
 квач - 160
 кады́сь - 160
 каза́ть - 38, 75, 158, 202
 калидо́р - 75
 калы́сь - 165
 ква́чик - 95
 кила́ - 13, 49, 68, 88, 180, 181
 кию́шка - 77
 ко́рем заболéв - 140
 колотьё - 127, 149
 колоту́н - 125, 134, 148
 кому́ха - 29
 конхвёкты - 75

- короста* – 177-179
кóрем – 163
корь – 121, 139, 140, 141
косаглаз – 76
костовік – 187
костогрыз – 186
костоёд (костеёд) – 129, 130, 139, 141, 142, 144, 145, 148, 150, 151, 153, 157-159, 185, 186-187, 190, 203, *костоёда*, – 154, 157, 158, 186, 187, 188, 190
костоёдина – 187
костоедица – 186
костоло́м – 186, 190
костоло́мная – 187
костоло́мище – 187, 190
костоло́мка – 190
косторы́в – 187
костоу́сище – 187
костяна́я гры́жа – 153, 188
костяни́ца – 96
кошу́ля – 67
кра́сная волча́нка – 96
красну́ха – 120, 121, 139, 148
кре́пко – 76, 77
кри́ксы – 96, 126, 140, 146, 148, 190, 193, 194, 223
крику́н – 97, 144, 146 148
крику́шки – 126, 146, 190, 194
круг, круги́ – 141, 144, 145, 177-179
круги́ мо́крые – 179
круги́ сухи́е – 179
круги́ нахо́дные – 179
круги́ набро́дные – 179
круги́ нагово́рные – 179
кури́ная слепота́ – 35
костоло́м – 44, 58
костоёда – 45
костоёд – 49, 68, 78
колоту́н – 45
костяни́ца – 124, 125, 189, 190 135, 139, 144, 146 148, 185, 186
кы́льки \кы́льки – 76, 127, 133, 149, 206
- Л**
- ломота́* – 43
лихора́дка – 29, 44, 109, 121, 134, 139, 149
лихомáнка – 29, 44, 126, 134, 149
лячи́ть – 164
ляци́ть – 149
- М**
- мали́тва* – 75, 76, 87, 89, 91, 93, 99
ма́тка – 75, 88, 119
ма́точная – 148
махо́тка – 77
ме́тка – 77
мозо́ль – 58
молоди́к – 46, 109, 146
мочеві́к – 169

мочу́н – 126, 139, 140, 144, 148,
168 – 170

Н

набрóд – 179
наговóр – 87
напусті́ть/ напусkáть – 98
напу́щенка – 96, 97, 98, 197, 126,
146, 149
напу́щёнка – 96, 98, 198, 199
напу́щенная – 198
напу́щенный -- 198
напу́щёнье – 198
нараспа́х – 104
наставля́ть – 90
напа́сть – 44, 117, 118
нары́в – 172
нахо́д – 179
надра́виться – 75
недержáвик – 168 - 170
недержаву́н – 168 - 170
недора́йда – 87, 143
не́ладно – 158, 165, 164 – 166
не́моць/не́мочь – 98, 139, 143
нехай – 99
ноготни́ца – 156
ногтеви́ца – 126, 149
ногте́д – 125, 126, 128, 139, 143,
148, 150, 151, 156, 159
ногто́ед – 68
нохто́еда – 150, 151, 156, 159
ногто́едица – 156
ноктеви́ца – 15

носóвка – 67
няма́ ра́ды – 173, 167

О

огóнь – 58
огневи́к – 177
огневи́ца – 30, 96, 126, 149,
150, 159, 160, 161
о́гник – 96, 123, 150, 161
оздоровля́ть – 96, 107
осляпля́ться – 87
отве́дать – 33, 77
отвяда́ть – 77
отсыла́ют – 87
отчиня́ть – 77

П

паду́чая – 34, 58, 114, 124, 125,
134, 143, 147, 148
паду́чая чёрная – 96
панари́к – 38, 139, 140, 141,
142, 150, 151, 156, 157, 159,
пане́ва – 67
палі́ть – 77
пара́лик – 166, 167
парали́к – 38, 166, 167
пара́лик разби́в – 167
пара́лич – 115
пра́лик – 166, 167
парали́к – 139, 140-142
парализа́цья – 114
парша́ – 49
па́сква – 76
па́ха – 58
переговóр – 179-181

- пилéпсия* – 139
подклáдень – 106
подóйм животá – 35, 90, 99 148, 194 - 106
подо́йм живота – 35, 93, 140, 194-196
пóмин – 75
пóрча – 45, 92, 141, 142, 149 197-199, 210
пóрченный – 97
поссыку́н – 76
потечу́й – 184
потóнеть – 107
почесу́ха – 58
почечу́й – 68, 78, 97, 121, 125, 139, 146 148, 157, 182, 183
почечу́йник – 184
пράнцы – 68, 77, 145, 146
пράльник – 77
приговóр – 197, 202.
призóр - 202
прилáживать – 95
позóр – 197, 199. 201, 199, 202
почесу́ха – 148
пóртить – 197. 199, 200
перхáть - 48
пóрченный – 193
поссыку́н – 168 - 170
пράлить – 167
прítка – 115, 197, 200, 202
прóздвишче – 75
просвёрка – 81
просквёрка – 75, 81
прострёл – 116
- прýишык* – 170
прýсла – 77, 104
перелáзывать – 104
пускáть пóрчу – 198
- Р**
- рак* – 40, 49, 91, 99, 121
рáды дать – 194
растя́гнуть – 195
радеть – 143
радýмец – 45, 108, 109, 125, 134, 139, 142, 146
радýмчик – 97, 108, 125, 126, 133, 134, 142, 149
рвáки – 146
ребя́чья – 179
родýмчик – 96. 194
рóжа – 45, 90, 99, 109, 121, 139, 141
рожени́ца – 105
рожеви́ца – 91
рожа белая – 91
рожа сéрая – 91
рожа космáтая – 91
рожа лохмáтая – 91
рожа богро́вая – 91
рожа красну́ха – 91
рожа черню́ха – 91
рожа синю́ха – 91
рожа желту́ха – 91
рожа наноснáя – 91
рожа подбро́сная – 91
рожа нагово́рная - 91
рожа пригово́рная – 91
рожа мужскáя – 91

рѡжа жеѣнская – 91
рѡжа удѡвья – 91
рѡжа сирѡтская – 91
рѡжа поддѡвочная – 91
рѡжа порабѣтская – 91
рѡжа ветрянáя – 91
рѡжа домовáя – 91
роженѣца – 45, 109
рубáшная – 143, 147
рябѣй - 29
ряд (дать ряду) – 34
ряту́йте – 34

С

саян – 67
свалѣться – 114
свербѣть – 156
сглаз/изглаз – 87, 92,
105, 126, 199, 201
сглазѣть – 87, 97, 200
сдѣлать пѡрчу – 197
сибѣрская язва – 61
силѣть – 76
скула – 96, 124, 146
скула приговѡрная – 96
скули́ца – 87
скули́ца 139
собáчья стáрость – 127, 149
сойтѣ с глузд – 77
скарлат – 164
скарлатѣн (шкарлатѣн) – 162,
163
скѣнуть – 148
скарлатѣ – 164

скрѣб кашáчий – 179
скрѣб вѡлчий – 179
скула – 68, 87
сквѣлиться – 148
сласту́н – 140, 190, 192
становѣть да гарѣ – 195
стень – 96, 102, 144, 146, 190,
193
сурѡчить – 96, 148
сухѡта – 95
сухѡта – 165, 166
сухѡтка – 166
су́чье вѣмя – 35, 96, 121, 126,
148 49
сходѡк – 109
сярбѣт – 177

Т

тасѡвка – 76
типу́н – 124, 139
топѣть – 77
трясцá – 29, 43, 126, 149
трясовѣца – 29, 125, 134, 148
трясуни́ца – 148, 127, 149
трясучка – 125, 134, 148

У

удáр – 166, 115, 127, 139, 146,
149
уклáсться – 34, 114, 167, 193
ури́на – 51, 96, 139, 168-170
уро́к – 92, 126, 149, 197, 199,
200
улѣк – 199, 200, 202

уро́чить – 200
уро́чливый – 199
ути́н – 139, 144, 146

Ф

флюс – 51

Х

халимо́ны – 77
харки́ – 146
хвами́лия – 75
хво́ртка – 75, 105
хворь - 128
хво́рый – 121, 128
хворе́ть - 121
хвро́нт – 119
хорь – 121, 128
хи́мины ку́ры – 77
хре́сник – 75
худоба́ – 107

Ч

чахо́тка – 49, 121, 164, 165
че́мер – 33, 34, 45, 68, 96, 112, 113, 133, 139, 145, 146, 202, 203
чаре́в – 96
чре́вер – 96
чёрная – 114, 125, 134, 143, 147
чёрная болезнь – 114, 148
че́мерный – 112, 202
чепела́ – 77
чёрная не́мачь – 34, 35, 96, 148
чи́рий – 175-177

чи́рик – 170
чи́рка – 87-95
чо́мор – 112
чува́ть – 89

Ш

шарла́т – 164
шкарлати́н – 140
шелуда́ – 125, 148, 139, 179
шелуди́вый – 125, 148, 179
шепта́ть – 87, 95, 108, 148, 191, 202
шепта́ха – 78, 87, 88
шепта́нья – 78, 194
шкарлати́н – 139
шукáть – 77

Ю

юшка – 77

Я

яку́сь – 164
ятреб – 77, 96
ячме́нь – 40, 46, 59, 121, 139

Приложение 3.

Латинские медицинские термины	термины, используемые в диссертации
<i>aniischuria</i> – 168	<i>mollis</i> – 129, 157
<i>cachexia</i> – 120	<i>morbilli</i> – 121
<i>carbunculus</i> – 173, 176	<i>morbus</i> – 121
<i>cancer</i> – 40, 120	<i>morbo</i> – 121
<i>colicaintestinalis</i> – 190	<i>os, ossis</i> – 157
<i>casus incurabilis</i> – 120	<i>osteomyelitis</i> – 157
<i>carbunculus</i> - 123	<i>panaricium</i> – 128, 156
<i>Delphinium</i> – 112	<i>paralysi sinfantilis cerebri</i> – 193
<i>diathesis exsudativo catarrhalis</i> – 172	<i>Polyarthritis Rheumatica</i> – 143
<i>diathesis exsudativo catarrhalis</i> – 191	<i>Polyarthritis Rheumatica</i> – 189
<i>enuresis</i> – 168	<i>pestis</i> – 162
<i>epilepsia</i> – 134	<i>Rheumatica</i> – 143
<i>incontinentiaurinae</i> – 168	<i>Rheumatismos</i> – 143
<i>incontinentiaurinae</i> -170	<i>paralysis</i> – 167
<i>insultus</i> – 166	<i>rubeola</i> – 12
<i>haemorrhoidales</i> – 184, 185	<i>tuber</i> – 165
<i>Haimorrois</i> – 123	<i>tuberculosis</i> – 164
<i>Haimas</i> – 123	<i>tumor</i> – 120
<i>herniainguinoscrotalis appendicitis</i> - 183	<i>Varices haemorrhoidales</i> – 123
<i>lues</i> - 120	<i>osteomyelitis</i> – 129, 130
<i>lichen</i> – 179	<i>osteon</i> – 129
<i>muelos</i> – 129, 130, 157	<i>oss\ossis</i> – 129
<i>molitio</i> – 129 , 130	<i>osteomyelitis</i> – 185
	<i>scarlatina</i> – 164
	<i>scabies</i> – 177